

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 2 (5) / 2017

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОЛОГДА
2017

№ 2 (5) / 2017 / МАЙ. Выходит не менее четырех раз в год.

Научный журнал «Вестник ВоГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г.

Полносетевые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе
Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Направления: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей:

07.00.00 Исторические науки

10.01.00 Литературоведение

09.00.00 Философские науки

10.02.00 Языкознание

13.00.00 Педагогические науки

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

Главный редактор

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Заместитель главного редактора

Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ

Ответственный редактор

Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Редакционная коллегия:

О.Е. Баксанский, доктор философских наук, профессор Института философии РАН,

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

К. Вашик, доктор наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, директор Института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете г. Бохума (Германия), почётный доктор ВоГУ,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

С.М. Кибардина, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В.Бабушкина,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Н.Б. Розова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ,

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ,

Е.Б. Якимова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ

Переводчик

Ю.Н. Драчёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Редактор – О.М. Ванчугова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

<http://www.vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@mh.vstu.edu.ru

ISSN 2500-2457

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2017

Содержание

Синицын А.А. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК: ИТОГИ 2016 ГОДА	5
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Алексеева Н.В. ПАЛОМНИЧЕСТВО НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XIX ВЕКЕ: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА	7
Арискина Ю.Э. «ПОСТЫДНОЕ РУБИЩЕ НЕВОЛИ»: КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В НАЧАЛЕ ЦАРСТ- ВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I	11
Жгилев И.А. ВЫБОРЫ В ВОЛОГОДСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ ПО ГОРОДОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1870 ГОДА	17
Косорукова Н.В., Сапелко Т.В., Кулькова М.А. ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ДРЕВНИХ ОБИТАТЕЛЕЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ 15 В БАСЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ	20
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
Исаев Р.О. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСОБОЕ «ПОЛЕ» СУЩЕСТВОВАНИЯ НАУЧ- НЫХ СООБЩЕСТВ	26
Тисов В.В. О ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ	30
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
«Шекспир» И.О. Шайтанова: обсуждение	
Егорова Л.В. О ПЕРВЫХ ОТКЛИКАХ НА КНИГУ: ШАЙТАНОВ И.О. «ШЕКСПИР»	36
Абдуллаев Е.В. ШЕКСПИР, КОТОРЫЙ БЫЛ ШЕКСПИРОМ. ЕЩЕ РАЗ О «ШЕКСПИРОВСКОМ ВОПРОСЕ»	38
Амусин М.Ф. ШЕКСПИР: БЫЛЬ, МИФЫ, ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	43
Егорова Л.В. «НАГРУЖЕН ЗНАНИЕМ, ОСНОВАТЕЛЕН И НЕ ЛИШЕН МАНЕВРЕННОСТИ»	46
Зелезинская Н.С. ШЕКСПИР: БИОГРАФИЯ С КОММЕНТАРИЯМИ	50
Макаров В.С. МИР ШЕКСПИРА, «НОВЫЙ И НЕИЗБЕЖНЫЙ» (о книге: Шайтанов И.О. «Шекспир»)	58
Сидорова О.Г. О БИОГРАФАХ И БИОГРАФИЯХ: И.О. ШАЙТАНОВ «ШЕКСПИР»	62
Чернозёмова Е.Н. ОСЕЛОК, ИЛИ ТОЧИЛЬНЫЙ КАМЕНЬ	65
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Андреева Е.П. ТРАНСФОРМАЦИЯ САКРАЛЬНОГО СЛОВА БОГ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ	68
Варникова Е.Н., Зимичева Н.Н. ЗООНИМИКОН СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ (на материале кличек животных с. Горицы Вологодской области)	73
Карпова В.В. ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ЧУДО» В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ	77
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Кевля Ф.И. ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕМУ БЛАГОПОЛУЧНОГО ПОДРОСТКА И ПОДРОСТКА С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ	82
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Никитин О.В. «...РЕШИЛ БЕСПОВОРОТНО ИДТИ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ» (дискуссии и споры М.А. Волоши- на с А.М. Пешковским в контексте исторических событий 1900-х гг.)	87
Голубев О.Б., Ганичева Е.М. К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА В.А. ТЕСТОВА	93
НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ	
Черняев А.В., Ястреб Н.А. ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНОГО СЕМИНАРА «ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ: КРЫМ- СКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»	97
Кузьминых А.Л., Присяжнюк А.Ю. КОНФЕРЕНЦИЯ В УСТЮЖНЕ	99
Громыко С.А., Драчёва Ю.Н., Зорина Л.Ю., Ильина Е.Н. СЛОВЕСНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ И РЕГИОНА В ПРОБЛЕМАТИКЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТЧЁТ О РАБОТЕ ПО ПРОЕКТАМ, ФИНАНСИ- РУЕМЫМ РГНФ/РФФИ В 2016 ГОДУ	100
Колесова И.Е. ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. И.В. БАБУШКИНА, ПОСВЯЩЕННЫЕ В.И. БЕЛОВУ	106
Сведения об авторах	108

Contents

<i>Sinit syn A.A.</i> RESEARCH ACTIVITIES OF THE UNIVERSITY IN HUMANITIES, SOCIAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES: RESULTS IN 2016	5
HISTORY	
<i>Alekseeva N.V.</i> PILGRIMAGE IN THE RUSSIAN NORTH IN THE 19 th CENTURY: CIRCUMSTANCES OF FORMATION AND PRACTICE.....	7
<i>Ariskina Yu.E.</i> 'SHAMEFUL HABIT OF SLAVERY': THE PEASANT QUESTION IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE RULE OF ALEXANDER I	11
<i>Zhgilev I.A.</i> ELECTIONS TO THE VOLOGDA MUNICIPAL DUMA ACCORDING TO THE CITY REGULATIONS OF 1870.....	17
<i>Kosorukova N.V., Sapelko T.V., Kulikova M.A.</i> ANCIENT PEOPLE'S ENVIRONMENT CHANGES IN THE STONE AGE IN THE VOZHE LAKE BASIN ON DATA OF THE SITE POGOSTISCHE 15	20
PHILOSOPHY	
<i>Isaev R.O.</i> INTERDISCIPLINARY RESEARCH IS A PARTICULAR 'FIELD' OF THE EXISTENCE OF SCIENTIFIC COMMUNITIES.....	26
<i>Tisov V.V.</i> ON THE PROBLEM OF CONSTRUCTION THE SCIENTIFIC THEORY OF CONSCIOUSNESS	30
LITERARY STUDIES	
The discussion of I. Shaytanov's <i>Shakespeare</i>	
<i>Yegorova L.V.</i> ON THE FIRST RESPONSES TO THE BOOK: SHAKESPEARE BY I. SHAYTANOV	36
<i>Abdullaev E.V.</i> SHAKESPEARE WHO WAS SHAKESPEARE. THE AUTHORSHIP QUESTION REVISITED	38
<i>Amusin M.F.</i> SHAKESPEARE: REALITY, MYTH, SUPER-REALITY	43
<i>Yegorova L.V.</i> 'BUILT HIGH IN LEARNING, SOLID, NOT SLOW IN HIS PERFORMANCE'	46
<i>Zelezinskaya N.S.</i> SHAKESPEARE: COMMENTATED BIOGRAPHY	50
<i>Makarov V.S.</i> THE 'NEW AND IRREVERSIBLE' WORLD OF SHAKESPEARE: ON SHAKESPEARE'S BIOGRAPHY BY IGOR SHAYTANOV	58
<i>Sidorova O.G.</i> ON BIOGRAPHIES AND BIOGRAPHERS: <i>SHAKESPEARE</i> BY I. SHAYTANOV	62
<i>Chernozemova E.N.</i> TOUCHSTONE.....	65
LINGUISTICS	
<i>Andreeva E.P.</i> TRANSFORMATION OF THE SACRED WORD <i>GOD</i> AND ITS DERIVATIVES IN VOLOGDA DIALECTS.....	68
<i>Varnikova E.N., Zimicheva N.N.</i> MODERN VILLAGE ZOONYMICON (ON THE MATERIAL OF ANIMAL NAMES IN THE VILLAGE OF GORITSY OF THE VOLOGDA REGION)	73
<i>Karpova V.V.</i> CHANGES IN LANGUAGE MEANS REPRESENTING THE <i>MIRACLE</i> CONCEPT IN RUSSIAN FOLK FAIRY TALE.....	77
PEDAGOGY	
<i>Kevlya F.I.</i> ATTITUDE TO THE FUTURE OF A HAPPY ADOLESCENT AND AN ADOLESCENT WITH DEVIANT BEHAVIOR	82
ACADEMIC LIFE OF THE UNIVERSITY	
<i>Nikitin O.V.</i> '...DECIDED DEFINITELY TO GO TO PHILOLOGY'(DISCUSSIONS AND DISPUTES BY M.A. VOLOSHIN AND A.M. PESHKOVSKY IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL EVENTS OF THE 1900s.)	87
<i>Golubev O.B., Ganicheva E.M.</i> TO THE 70 th ANNIVERSARY OF PROFESSOR V.A. TESTOV'S BIRTH	93
SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS	
<i>Chernyaev A.V., Yastreb N.A.</i> SEMINAR REPORT: <i>FROM THE HISTORY OF IDEAS: THE CRIMEAN TEXT IN RUSSIAN PHILOSOPHY</i>	97
<i>Kuzminykh A.L., Prisyazhnyuk A.Yu.</i> ON THE CONFERENCE IN USTYUZHNA	99
<i>Gromyko S.A., Dracheva Yu.N., Zorina L.Yu., Ilyina E.N.</i> THE SPEECH CULTURE IN RUSSIA AND ITS REGIONS AMONG THE PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCH: REPORT ON THE PROJECTS SUPPORTED BY THE RUSSIAN FOUNDATION FOR HUMANITIES / RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH IN 2016	100
<i>Kolesova I.E.</i> INFORMATION RESOURCES RELATED TO V.I. BELOV IN THE VOLOGDA REGIONAL ACADEMIC LIBRARY	106
Information about the authors.....	108

А.А. Синицын

кандидат технических наук, доцент,
проректор по научной работе и инновационному развитию ВоГУ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК: ИТОГИ 2016 ГОДА

Научные исследования в сфере гуманитарных, общественных и педагогических наук составили значительную часть научно-исследовательской и инновационной деятельности Вологодского государственного университета. Деятельность университета по дополнительному приоритетному направлению развития «Социально-гуманитарные науки» была ориентирована на проведение фундаментальных и прикладных исследований, подготовку конкурентоспособных кадров в области филологии, истории, экономики, философии, социологии, лингвистики, культуры.

В 2016 году продолжили свою работу научно-образовательные центры «Лингводидактика и иноязычная коммуникация» (директор – канд. филол. наук, доц. Ж.И. Подоляк), «Социальные технологии» (директор – канд. филос. наук, доц. В.Н. Астахов), «Проблемы современного естествознания» (директор – канд. биол. наук И.А. Мухин), Центр традиционной народной культуры (директор – канд. иск., доц. Г.П. Парадовская), Центр филологических исследований (директор – доктор филол. наук, проф. Г.В. Судаков), «Философия науки и техники» (директор – канд. филос. наук, доц. Н.А. Ястреб), а также научные лаборатории исследования истории цивилизаций (руководитель – канд. ист. наук, доц. И.Д. Попов), историко-краеведческих исследований (руководитель – Л.С. Панов), менеджмента качества (руководитель – канд. экон. наук, доц. О.Л. Гузакова).

Исследования в области гуманитарных и общественных наук имели значительную финансовую поддержку со стороны федеральных научных фондов. В 2016 году завершился двухлетний проект, финансируемый по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (руководитель – канд. филол. наук Ю.Н. Драчева). В течение года состоялся ряд проектов, финансируемых Отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ. Исследовались социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания (руководитель – доктор ист. наук, проф. М.А. Безнин); завершилось создание мультимедийного корпуса вологодских текстов «Жизненный круг» (руководитель – канд. филол. наук Ю.Н. Драчева); исследовалась эволюция российской историографии коллективизации крестьянства (руководитель – канд. ист. наук Н.Г. Кедров); продолжилось этнолингвистическое описание севернорусского идиома («Режа и режаки») (руководитель – канд. филол. наук, доц. Л.Ю. Зорина); изучался феномен «вологодского текста» в русской словесности

(руководитель – доктор филол. наук, проф. Е.Н. Ильина); состоялась подготовка издания «Описание Кирилло-Белозерского монастыря 1771–1773 гг.» (руководитель – канд. ист. наук, доц. И.В. Пугач); описывалась риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссионных начал XX века) (руководитель – канд. филол. наук, доц. С.А. Громыко); предлагались ГИС-технологии и крупномасштабные карты XVIII–XIX вв. в изучении хозяйственно-демографических процессов в Центральной России (руководитель – канд. ист. наук Д.А. Черненко); формировалась открытая информационная система «История философских идей» (руководитель – канд. филос. наук, доц. Н.А. Ястреб). Одна научно-исследовательская работа Вологодского государственного университета была выполнена в рамках государственного научного гранта Вологодской области: был создан опыт электронного словаря диалектной языковой личности (руководитель – канд. филол. наук С.А. Ганичева).

Результаты научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательского состава и научных работников ВоГУ в 2016 году были отражены в многочисленных публикациях: это 1673 научные статьи, 38 российских и зарубежных монографий, 15 сборников научных трудов, в том числе конференций и форумов, проведенных в ВоГУ, 79 учебных пособий и учебников. Заметно выросли показатели по индексации публикаций специалистов нашего университета в наукометрических базах Web of Science (59), Scopus (37), РИНЦ (1540). Один из наиболее высоких показателей индекса Хирша по Вологодской области в настоящее время имеет доктор педагогических наук, профессор В.А. Тестов (16). А среди книг, изданных учеными Вологодской области, наибольший показатель цитируемости (по данным РИНЦ) имеет первый том «Словаря вологодских говоров» (175), изданный в 1983 году коллективом диалектологов под руководством канд. филол. наук, доц. Т.Г. Паникаровской.

В 2016 году на базе Вологодского государственного университета состоялось проведение ряда научных конференций, проблематика которых была связана с гуманитарными, общественными и педагогическими науками. Это ежегодная Всероссийская конференция «Вузовская наука – региону» (25 февраля 2016 года), II Международная научная конференция «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние» (5–7 мая 2016 года), а также научно-практический форум «Вологодская область – душа Русского Севера».

ра» (20–23 октября 2016 года), в рамках которого прошли следующие мероприятия: 1) Третьи Всероссийские Беловские чтения «Белов. Вологда. Россия», 2) круглый стол «Традиции природопользования и охраны ландшафтов Русского Севера», 3) Межрегиональная научно-практическая конференция «История материальной и духовной культуры народов России и Европы: опыт преподавания», 4) Седьмой Всероссийский фольклорный фестиваль «Древо жизни»; 5) Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения и восстановления». К настоящему времени выпущены и разосланы сборники материалов трудов участников указанных научных мероприятий.

Одним из направлений научно-исследовательской работы ВоГУ в 2016 году стала разработка проблем высшей школы: изучались научно-методические основы преподавания учебных дисциплин, рассматривались проблемы формирования теоретико-методологической грамотности студентов, их профессиональной компетентности, исследовались условия реализации образовательного процесса в высшей школе. По результатам работы изданы учебные и учебно-методические пособия, опубликованы статьи, сделаны доклады на научных и научно-практических конференциях.

Научно-исследовательская деятельность ВоГУ неоднократно освещалась в центральных и региональных средствах массовой информации. Новости о проводимых исследованиях, анонсы и отчеты о проходящих в вузе мероприятиях регулярно отражаются в местных средствах массовой информации (газете «Красный Север», журнале «Рандеву», электронных региональных средствах массовой информации vologda-portal.ru, newsvo.ru, www.severinform.ru и других), на электронных страницах кафедр, факультетов и общеуниверситетском сайте, а также газете «Политехник». В значительной мере решению этой задачи была посвящена деятельность «Вестника Вологодского государственного университета», основной контент которого составили научные статьи российских и зарубежных ученых по историческим, фи-

лософским, филологическим и педагогическим наукам, но вместе с тем на страницах журнала регулярно обсуждались события научной жизни университета.

Заметно осложняет организацию научно-исследовательской работы сокращение контингента аспирантов: в 2016 году в университете обучались 2 аспиранта по историческим наукам, 5 – по философским, 6 – по филологическим, 12 – по педагогическим. Проблему составляет также выполнение показателя фактического выпуска из аспирантуры с защитой кандидатских диссертаций (этот показатель стабильно выполняется только по филологическим наукам). В процессе поиска решения этой проблемы Вологодский государственный университет в 2016 году инициировал открытие соискательства и докторантуры. В настоящее время к вузу прикреплены один докторант и пять соискателей, один из которых (*Н.Н. Зубова*) завершил работу в качестве соискателя, представив к защите кандидатскую диссертацию.

В качестве очевидных преимуществ организации научно-исследовательской деятельности ВоГУ в 2016 году в области гуманитарных, общественных и педагогических наук могут быть обозначены многообразие научных направлений деятельности структурных подразделений университета, значительная финансовая поддержка гуманитарных и общественных наук российскими научными фондами, заметные наукометрические показатели ведущих специалистов в области гуманитарных, общественных и педагогических наук, сохранение традиций научной преемственности на профильных кафедрах, результативность в сфере подготовки специалистов высшей квалификации (защиты кандидатских и докторских диссертаций).

Ректорат Вологодского государственного университета благодарит преподавателей и сотрудников, активно участвующих в научно-исследовательской деятельности вуза. 2017 год ставит перед нами новые научные задачи. Хочется надеяться, что их решение приведет к получению качественно новых результатов, будет способствовать развитию гуманитарных, общественных и педагогических исследований в отечественной науке.

Н.В. Алексеева

Череповецкий государственный университет

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XIX ВЕКЕ: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА

В статье дается представление о традиции паломничеств в среде севернорусского населения XIX в. Обилие мест поклонения на Русском Севере давало возможность каждому верующему совершать паломничество один раз в год к ближним святыням и раз в жизни сходить к дальним. Подготовка, само «хождение» и возвращение имели свои правила поведения и установления. Люди, совершившие такое путешествие, долгое время находились в центре внимания своих соплеменников и были образцом для подражания.

Паломничества, подвижничество, святые угодники, святые мощи, места поклонения, пожертвования.

На Руси традиция паломничества была воспринята вместе с принятием христианства. «Хожения» по святым местам рассматривались как главное событие в жизни верующих, как подвижничество.

Основными объектами таких путешествий являлись (и являются) места, связанные с духовными подвигами почитаемого святого или нескольких подвижников благочестия. Здесь могли находиться их мощи, личные вещи, чудотворные иконы и др. святыни, соприкасаясь с которыми, верующий человек чувствовал себя причастным к высшим ценностям православия. В перечень таких сокровенных территорий входили монастыри, пустыни, скиты, пещеры, храмы, часовни и т.д.

Наиболее сильными, в духовном смысле, в народе считались святые мощи. По определению протоиерея Евгения Касаткина, «мощами называются останки святых, сохранившиеся полностью или частично. Церковь чтит как кости, так и нетленные тела святых, одинаково именуемые мощами. Это наименование останков святых означает мощь, силу, сверхъестественное проявление ввиду их причастности Божией Благодати. Церковный историк Голубинский приводит примеры нетленных (Александр Свирский), тленных (Серафим Саровский) и частично нетленных (Дмитрий Ростовский) мощей. Известны случаи и естественного нетления мумификации тел, ничего общего со святыми не имеющих» [7, с. 140–141].

Если говорить о Русском Севере, то нужно обратить внимание на то обстоятельство, что число «угодников Божиих, в пределах Вологодской епархии почитаемых, прославленных церковью и местно чтимых», по данным Н. Суворова, в конце XIX века насчитывалось 73. Из них одиннадцать было официально канонизировано православной церковью в разное время. Большая часть, «сих святых подвижников веры и благочестия, явились победителями мира в удалении от соблазнов мира... – в сане иноческом; пять из

них, на свещнике церкви – в сане епископском; пять достигли почестей высшего звания, быв некогда на земле сана княжеского; одиннадцать благоугодили Богу подвигами юродствования Христа ради; семь – украшены венцами мученическими» [2, с. 22].

Здесь уместна характеристика Северного края, данная архиепископом Вологодским, ставшим впоследствии архиепископом Херсонским, Иннокентием: «Когда озираю мысленно паству Вологодскую, то мне кажется, что я из одного духовного рая (Киев), переселился в другой, подобный... Возрю ли на Восток? Там Прокопий Устюжский отводит молитвами своими каменную тучу, висящую над Устюгом; там Феодосий Тотемский среди сланных источников, открывает новый неизсякаемый кладetzь соли духовной... Обращусь ли к Западу? Здесь обители Св. Павла Обнорского, Св. Корнилия и Арсения Комельских высются яко твердыни духовныя в прибежище и оплот воинов Христовых, в отражение врагов видимых и невидимых. Посмотрю ли на Север? Тут, среди волн на скале каменной, вижу несокрушимое всех скал и камней раку святого Благоверного Князя Иоасафа, преподобных Петра и Василия. Приинкну ли к Югу? Там почидают... основатели церкви Вологодской – священномученики Герасим, Иона и Питирим. Осмотрюсь ли кругом себя? – Се Дмитрий Прилуцкий! Се Галактион Спасокаменский! Се Герасим Киевский! Се Антоний Вологодский!...» [2, с. 10–23].

Обосновываясь на землях Русского Севера, подвижники создавали условия для дальнейшего развития духовных центров в этих местах. Православный ландшафт только Белозерского ареала, в конце XIX в. названный Северной Фиваидой, складываясь на протяжении XIII–XX вв., включал целый архипелаг обителей, локализованных на сравнительно небольшой территории, и представлял собой органичную, хотя и довольно разветвленную монастырскую систему. Наиболее интенсивные «волны» монастырской коло-

низации Заволжской Руси приходится на конец XIV века (Череповецкий Воскресенский, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов монастыри), XV век (Нило-Сорская, Ворбозомская пустыни и т.д.) и XVI столетие (Кирилло-Новоезерский монастырь, Филиппо-Ирапская, Иродионово-Илоезерская пустыни, Горицкий Воскресенский монастырь, Покровский Шухтовский монастырь и др.).

В следующие века число основанных здесь монастырей было не столь активным, но в крае было учреждено более 30 иноческих общин [9, с. 143].

По мнению С.В. Третьяковой, к началу обозначенного периода в храмах функционирующих и некогда упраздненных белозерских монастырей находились святые мощи их родоначальников и восприемников: в Кирилло-Белозерском монастыре – мощи святого основоположника Кирилла Белозерского (+1427; память – 9 июня); в Ферапонтовской обители – мощи преподобного Мартиниана Белозерского (+ 1483; память 12 января, 7 октября); в Нило-Сорской пустыни – преподобного Нила Сорского (+1508; память – 7 мая); в Кирилло-Новоезерской единственно открыто покоились нетленные мощи Кирилла Новоезерского (+1532; память – 4 февраля, 7 ноября); в Красноборской Свято-Троицкой Филиппо-Ирапской пустыни – преподобного Филиппа Ирапского (+1527; память 14 ноября).

Мощи некоторых святых угодников оставались в местах упраздненных и преобразованных в соборные и приходские храмы монастырей и пустыней: в Череповецком Воскресенском соборе – мощи преподобных Феодосия (+1382) и Афанасия (железный Посох) (+1392) Череповецких; в Антониевой пустыни на Черных озерах – преподобного Антония Черноезерского (+1598); под спудом церкви Живоначальной Троицы Покровского Шухтовского прихода (Череповецкого уезда) – мощи преподобного Сергия Шухтовского (+1609); в упраздненной Иродионовой Озадской пустыни – Иродион Илоезерский (+ 1541); под спудом каменного храма Благовещенья Святой Богородицы – преподобного Зосимы Ворбозомского (+ около 1550) и др.

Таким образом, в XIX в. в храмах функционирующих и некогда упраздненных белозерских монастырей, основанных в период с XIV по конец XVI веков, находились святые мощи их родоначальников и их восприемников двенадцати преподобных. Вне белозерских пределов погребенным оказался лишь прп. Ферапонт Белозерский. Его мощи были похоронены в Лужицком Можайском монастыре Московской епархии [9, с. 74–80].

Кроме того, С.В. Третьякова указывает, что предметная среда православного монастыря являла собой целостный свято-мемориальный комплекс, насыщенный разнообразными компонентами. Наиболее значимыми и ценными составляющими надгробных комплексов и сакрально-предметного мира монастырей являлись вещи, почитаемые как свидетели и современники земных подвигов своих владельцев. Из единого комплекса реликвий, например, так или иначе соотносимых с преподобным Кириллом Белозерским, историки выделяют четыре группы священных предметов:

1) личные (келейные) вещи преподобного: овечий тулуп, кожаный пояс с калитой, шерстяной головной убор (фрагмент клобука), деревянный ковш, две медные чаши, деревянный посох, железные вериги и др.;

2) богослужебные предметы: фелонь и стихарь, священные сосуды и др.;

3) памятники письменности: духовное завещание на имя князя Андрея Можайского, комплект книг из келейной библиотеки святого и др.;

4) мемориальные объекты: три деревянных креста, изготовленных по преданию самим Кириллом Белозерским.

Таким образом, вся полнота почитаемой личности могла присутствовать и в объектах, которые соприкасались с этой личностью. В результате, сакральное пространство монастырей оказывалось насыщенным «реликвиями контакта», которые считались столь же исполненными благодати святого, как и его нетленные останки. Они создавали особый «эффект присутствия» святого и его эпохи, производя неизгладимые впечатления на посетителей [9, с. 88–89].

Рассказы о целительной помощи тех или иных святых проникали в самые глухие уголки России. О некоторых даже писали в приложениях к епархиальным ведомостям. Например, в 1864 году был описан такой случай чудесного исцеления: «1862 года, Вологодской губернии, Устюжского уезда, Дмитриевской волости, деревни Побойища, крестьянская жена Настасья Васильева объявила, что она в продолжение 12 лет страдала от раны ужасною болью в правой ноге. Услышав о чудесах Преподобного Сильвестра, она с твердою верою в душе положила обет при малейшей возможности идти в село Воскресенское на поклонение Угоднику. В тот же самый час, как принято было такое решение, боль в ноге перестала, рана закрылась и изцеленная отправилась в Воскресенское и прошед 500 верст к мощам Преподобного Сильвестра, благодатию Божию не чувствует в ноге никакой боли» [2, с. 24].

Крестьяне, считая паломничество богоугодным делом, предпочитали проделывать путь пешком, независимо от расстояния и времени года. Особо часто посещались ближние святые. Их верующие считали своим долгом посетить хотя бы один раз в год. Например, в Вологодском уезде из местных святых крестьяне особо выделяли мощи Галактиона и Иоасафа Вологодских Чудотворцев, находящихся в Свято-Духовом монастыре в Вологде, и мощи Феодосия Тотемского [8, д. 147, л. 28]. Многие крестьяне Яренского уезда ходили на богомолье по обещанию в Ульяновский монастырь. Отправлялись в Ирту в Спасов день: «Два раза летом собиралось много богомольцев из всех ближайших деревень, которые стояли всею ночью и литургию всю, служили сообща молебен и отдельно перед иконой Спасителя» [6, с. 89].

Однако все же особым почитанием севернорусских крестьян пользовались соловецкие угодники Зосима и Савватий. По рассказам крестьян села Покровского Борисовской волости Вологодской губернии, чаще всего ходили на Соловки в случаях нездоровья детей.

Когда решали идти, то «крестьянин шел собирать муку, яйца на соловецких. Напрошенное продавал и с

этими деньгами отправлялся пешком до Устюга». Там садились на пароход и бесплатно или за умеренную цену плыли в Архангельск, а дальше – «как Бог даст». «По прибытии соловецких богомольцев помещали в гостинице на трое суток, кормили бесплатно и давали на обратную дорогу хлеб» [6, с. 89].

Русский Север отличался обилием мест поклонения, известных не только присутствием мощей св. подвижников. Если взять для примера один только уезд Архангельской губернии – Шенкурский, то в XVIII веке из 99 церквей, находящихся на его территории, в пяти имелись богоявленные и чудотворные иконы, шесть храмов были обетными, а в трех находились мощи св. подвижников, то есть все эти храмы являлись местом постоянных паломничеств богомольцев [4, с. 7–200].

Одними из особо чтимых икон в Архангельской епархии были:

- образ Божьей Матери «Всех скорбящих радость» в Топецком приходе, которую, по преданию старожилов, крестьянин Бурмакин, плывущий в Архангельск по Двине, увидел на поверхности воды. Взял ее и поместил в клетки своего дома. Слух об этой иконе привлек огромное количество богомольцев, и для того, чтобы она была доступна поклонению каждого проходящего, образ был передан около 1790 года в местную церковь Рождества Христова [4, с. 186–190];

- явленная икона Св. Троицы, находившаяся в Мезенском уезде, Лампоженском приходе. Величиной она была «в 1 вершок, изваянная из меди и впоследствии позолоченная». По преданию, в 1602 году был в этой местности страшный голод и три лампоженских крестьянина поехали для покупки хлеба в Чокольскую волость. Один из них близ деревни Шаймогорской, в стороне от дороги, на только что вытаявшем снегу увидел икону (1 февраля), и привез ее домой. Но после приезда его дочь Акилина вдруг онемела во время ужина. Жена потребовала поставить икону в церкви Св. Георгия и совершить перед ней молебен. После того, как это было выполнено, девочка снова заговорила и по ее желанию «учинили крестное хождение с новоявленной иконою в Заакакурскую церковь Николы Чудотворца и в церковь Рождества Богородицы в Окладниковой слободе». По свидетельству старожилов, никто в ту зиму не умер от голода [4, с. 309–310];

- икона св. Варнавы во Владыченском приходе Печерского уезда. Считалось, что явилась она на дереве крестьянину Вуколу (1539 г.) и исцелила его слепорожденную дочь, давала исцеление многим в разных болезнях. Икону привозили в Новгород архиепископу Макарию, но она опять чудесным образом оказалась на месте [4, с. 88–91];

- древняя храмовая икона Св. Николая, находившаяся в Мудьюжском приходе Архангельского уезда. Без этой иконы не строилась ни одна шхуна, ни один корабль. Перед дальней дорогой или после возвращения из морского плавания крестьяне считали своим долгом помолиться перед ней. К этой иконе с древности был прикреплен четырехконечный серебряный крест, в котором хранились мощи праведного Артемия [4, с. 134].

Шли к святым иконам, родникам, камням и «колодчикам» со святой водой и пр. К дальним святыням ходили не часто – на Соловецкие острова, в Киев, в Троице-Сергиеву лавру, редко – в Иерусалим. На поклонение Фаворским святыням в Святой Земле шли простые паломники как из числа мирян, так и из духовенства. В конце XIX века начали осуществляться групповые паломничества студентов и преподавателей Московской Духовной Академии.

Например, храм на горе Фавор был воздвигнут в большей степени благодаря пожертвованиям из России. Сюда поступала из России церковная утварь, иконы. Многие русские паломники в своих записях сообщали о том, что фаворская церковь Преображения Господня была украшена богатыми иконами в серебрянных окладах и почти все они были приношениями русских богомольцев. А. Коровицкий замечал по этому поводу: «Добраться пешком с ничтожными средствами на Фавор, чтобы помолиться здесь и оставить свою лепту – разве это не тот же апостольский подвиг?» [1, с. 33–36].

Паломничества, кроме всего прочего, выполняли и коммуникативную функцию. К ним относились с особым уважением, и по возвращении вся деревня собиралась послушать рассказы о путешествии, смотрели принесенные святыни и завидовали близким и родственникам: «Замолил и за них грехи».

Судя по сообщениям, хранящимся в Тенишевском бюро, очень распространены были обетные богомолья. До 1861 года для того чтобы отправиться на богомолье, необходимо было, для начала, направить прошение в консисторию для разрешения его совершить и получения паспорта на это время [3, д. 4662, л. 3, 4, 14; д. 4645, л. 4, 5; д. 4599, л. 6].

Ходили большей частью женщины и девушки, мужчины – реже. На уровне повседневного благочестия женщина выступала в роли наиболее активного носителя духовной традиции, так как жизнь и здоровье членов семьи, благополучное ведение хозяйства были в сфере ее обязанностей. Именно поэтому самые распространенные поводы к совершению паломничества были: неудачное замужество или желание выйти замуж, болезни детей, бесплодие, болезни родственников или собственные, неурядицы со скотиной (необъяснимые смерти, пропажа, болезни, бесплодие).

Ходить старались весной или осенью, перед началом или по завершении страдных работ. Собираясь в дальний путь, выясняли, кто еще идет туда же из своей или ближних деревень. В дороге старались не вести пустых разговоров, не думать о бытовых делах, не злословить [5, с. 17], таким образом на время отрекаясь от мирской жизни. Считалось непристойным ухаживать или заигрывать в пути с противоположным полом, одеваться в одежду ярких цветов.

К святыне обязательно брали пожертвование. Чаще всего предмет, выполнявший эту роль, нес информацию о несчастье, по поводу которого было принято «хождение»: «Если голова болит, то повойник носили. У одного сын утонул – он сотенку положил» [10, с. 119]. Иногда обворачивали несколько раз больное место пеленой или полотенцем, предназначенным в жертву и оставляли у святыни.

По мнению Т.Б. Щепанской, «приношения (жертвы) делились на две категории: те, что оставались у святого места и должны были истлеть здесь нетронутые, и те, что предназначались нищим или хранителю святого места. Например, с рек Устья, Ваги и Кокшеньги ходили по обету в с. Бестужево и водили туда скотину, если заболела. По народным представлениям, нужно было зайти в реку и вода исцелит. Одни давали обет зайти в воду по колено, другие – по пояс, третьи – окунуться с головой, в зависимости от тяжести заболевания. Намокшую одежду снимали и пускали по течению. Если заходили по пояс, то реке доставались штаны и юбки, а если окунались с головой – то вся одежда. А ниже по течению – кто победнее, тот подберет» [10, с. 130–131].

Вещи, относящиеся к первой категории, которые были отданы в качестве милостыни, по обету или находились в святом месте, нельзя было снова использовать, красть, присваивать. Адресат приношений, оставляемых у святого места был один – Бог, а то, что принадлежит Богу, не может быть использовано человеком. Поэтому, ходила масса слухов по поводу неизбежного наказания за подобное нарушение. Одна из таких историй была записана Т.Б. Щепанской у Варлаамьевского колодчика на реке Ваге: «Парень был – так он годов 18-ти или 19-ти. Ходил пастухом. И ковды-то сумел сходить на этот колодчик, да кое-что побрал: там деньги оставляли, платки головные, полотенца. И потом стал выпускать коров – и у него ноги отнялись по самые бедра. Говорят, Господь наказал» [10, с. 137].

Брать здоровому, сильному человеку то, что принадлежало нищему, юродивому, хранителю св. места тоже категорически запрещалось. Все эти люди принадлежали к сакральному миру покаяния. У того же Варлаамьевского колодчика жила когда-то старушка: «Принесут к Варлаамью-то хозяйки пищу, покусывают, а остальное продают. А деньги-то старушке отдавали, Пелагее» (предполагалось скопить на церковь). Однако нашлось два бандита – обманули старушку: «“Дай нам денег, мы в Медлешах церковь откроем”. Деньги взяли, а старушка-то умерла. Одного-то Бог наказал – год лежал... А другой-то в сених замерз. Наказал Бог!» [10, с. 130].

Кроме всего прочего, каждая святыня имела свой праздник и собирала в эти дни особенно много паломников. В такие дни устраивались угощение из

принесенных ими продуктов. Подаяние нищим в святом месте воспринималось как форма обетного жертвоприношения, притом наиболее эффектная, поэтому нищие всегда собирались в святых местах и особенно по праздникам [10, с. 117].

Возвращаясь из святых мест, паломники обязательно приносили с собой иконы, ладан, кусочки природных материалов (щепки, камешки, землю, песок и др.), славящиеся своими чудотворными целительными свойствами, воду из местных озера, реки, колодца.

Таким образом, высокая концентрация объектов религиозного поклонения создавала все условия для активной паломнической деятельности на Европейском Севере в XIX в. Богомолья носили подвижнический, часто покаянный характер, при этом выполняя и коммуникативную функцию. В таких условиях складывается традиция поклонения православным святыням (подготовка, поведение в дороге и у святого места, особое внимание соседей после возвращения и т.д.), носящая устойчивый характер среди населения всей территории Русского Севера.

Литература

1. Августин, (Никитин) (архимандрит). Путешествия к святым местам / Августин (Никитин) (архимандрит) // Арсеньевские чтения. – Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та, 1993.
2. Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1864. – [№ 1–6].
3. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 496. – Оп. 1.
4. Архангельская епархия. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии: в 3 вып. – Архангельск, 1895. – Вып. 2.
5. Кремлева, И.А. Обеты в народной жизни / И.А. Кремлева // Живая старина. – 1994. – № 4.
6. Кремлева, И. Храм – за один день / И. Кремлева // Родина. – 1994. – № 11. – С. 86–89.
7. Евгений, (Касаткин) (протоиерей). Русская святость / Евгений (Касаткин) (протоиерей) // Сибирские огни. – 1994. – № 1–2.
8. Российский этнографический музей. – Ф. 7. – Оп. 1.
9. Третьякова, С.В. Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.): дис. ... канд. ист. наук / Третьякова С.В. – Вологда, 2007.
10. Щепанская, Т.Б. Кризисная сеть / Т.Б. Щепанская // Русский Север. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 110–176.

N.V. Alekseeva

PILGRIMAGE IN THE RUSSIAN NORTH IN THE 19th CENTURY: CIRCUMSTANCES OF FORMATION AND PRACTICE

The paper provides an insight into the tradition of pilgrimages among the Northern Russian population in the nineteenth century. The abundance of places of worship in the Russian North gave an opportunity to every believer to make a pilgrimage to the nearest sacred places once a year, and to go to remote places of worship once in a lifetime. Preparation for the pilgrimage, the trip itself and the return had their own rules of conduct and establishment. People who committed such a journey had long been the centre of attention for their countrymen and a paragon too.

Pilgrimage, asceticism, saints, Holy relics, places of worship, donations.

Ю.Э. Арискина
 Московский государственный университет
 им. М.В. Ломоносова

«ПОСТЫДНОЕ РУБИЩЕ НЕВОЛИ»: КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I

Статья посвящена изучению взглядов Александра I и его окружения на крестьянский вопрос в России в начале XIX в. В центре исследования находятся возможные пути решения крестьянского вопроса и проблема законодательного закрепления прав крестьянства. В статье дается подробный анализ путей реализации проекта Александра I, предусматривавшего превращение крепостных крестьян в лично свободных арендаторов.

История России начала XIX в., Александр I, Негласный комитет, крестьянский вопрос, сословный строй, правительственный конституционализм.

Император Александр I разработал программу постепенной ликвидации крепостного права, еще будучи великим князем. Доказательством и иллюстрацией к этому утверждению служит дневниковая запись великого князя, которую М.М. Сафонов датирует между 12 июня 1798 г. и 1 ноября 1800 г. [8, с. 63].

Великий князь Александр Павлович писал: «Ничего не может быть унижительнее и бесчеловечнее, как продажа людей, и для того неотменно нужен указ, который бы оную навсегда запретил.

К стыду России рабство в ней еще существует. Не нужно, я думаю, описывать, сколь желательно, чтобы оное прекратилось. Но, однако же, должно признать, сие весьма трудно и опасно исполнить, особливо, если не исподволь за оное приняться. Часто я размышлял, какими бы способами можно до оного достигнуть, и иных способов я не нашел как следующий:

Первое. Издание вышесказанного указа.

Второе. Издание указа, которым бы позволено было всякого рода людям покупать земли даже и с деревнями, но с таким установлением, чтобы мужики тех деревень были обязаны только платить повинность за землю, на которой они живут, и в случае их недовольства могли перейти куда хотят. Нужно будет также перед изданием сего указа положить, из чего будет состоять вышеупомянутая повинность. <...>

Сии постановления уже заведут род мужиков вольных. И как сначала весьма мало оных будет, то и легко заметить можно, какие нужны будут предосторожности для отвращения беспорядков, которые они могли предпринять от непривычки к своему состоянию.

Зе, по прошествии времени, которого, однако же, нельзя ограничить и единственно зависящее от второго указа, можно уже будет издать третий указ, которым бы повелено было все покупки земель и деревень между дворянами не иметь иначе, как на вышереченном основании, чем уже и умножится гораздо род вольных крестьян. <...>

Стыд, сие великое орудие, везде, где честь существует, поможет весьма для наклонения многих к тому же. И так мало-помалу Россия сбросит с себя по-

стыдное рубище неволи, которым она до сего времени была прикрыта. Впоследствии уже сего можно будет позволить всякому крепостному крестьянину, заплатившему за себя некоторое положенное число денег, пользоваться правами вольного.

Все сие будет иметь двойную выгоду: во-первых, из рабов сделаем вольными, а во-вторых, исподволь состояния сравняются и классы уничтожатся» [8, с. 63].

Таким образом, программа по ликвидации крепостного права великого князя Александра Павловича включала четыре этапа:

1) ликвидация индивидуальной продажи крестьян («*vente individuelle*» – продажа крестьян без земли);

2) распространение права покупки населенных земель на всех подданных с условием превращения живущих на этой земле крестьян в свободных арендаторов;

3) введение условия превращения крестьян в свободных арендаторов при сделках купли-продажи населенных земель между дворянами;

4) наделение всех крепостных крестьян правом выкупиться на волю за определенную плату.

Рассмотрение преобразований первых лет правления Александра I, касающихся крестьянского вопроса, не оставляет сомнений в том, что в своих действиях император руководствовался своими ранними наработками.

Этап 1. Ликвидация индивидуальной продажи крестьян

Первым пунктом программы уничтожения крепостного права Александра значился указ о запрете продажи крестьян без земли. И в «протоколах» заседаний Негласного комитета крестьянский вопрос впервые поднимается в описании беседы двух его членов – П.А. Строганова и В.П. Кочубя 9 мая 1801 г. [2, с. 34]. Эта тема возникла в связи с обсуждением в Непременном совете 6 мая 1801 г. вопроса о запрете продажи крепостных без земли. Подготовка указа была поручена Беклешеву, который 6 мая внес в Непременный совет записку о непродаче людей без земли, со-

ответствующую выписку из законов и два проекта указа. Записка (автором считается Александр I [8, с. 98]) связывала предполагаемые меры с законодательными документами XVII и XVIII веков: Соборным Уложением 1649 г. и указом 5 августа 1771 г. Соборное уложение рассматривало крестьянина как неотделимый от земли элемент: перевод крестьян на другие земли разрешался, но обращение крестьян в холопов было запрещено. Указ 5 августа 1771 г. запрещал продавать крепостных без земли при конфискациях и с молотка на аукционах. Посредством приведенных примеров Александр подчеркивал законность своих действий: они носили не произвольный характер, а опирались на русское законодательство, просуществовавшее полтора столетия [8, с. 98]. Указ признавал за помещиками полное право распоряжаться принадлежавшей им землей и живущими на ней крестьянами, оговаривая, что продажа крестьян без земли «нигде законами не утверждена» [8, с. 100].

Строганов в своих записках отметил, что большинство членов Непременного совета высказались против предложения императора, сочтя его преждевременным. В протоколе совета предлагается отложить принятие этой меры до того времени, «... как общие законы о имениях и правах на оные будут издаваемы; в составе их, узаконение сие не будет иметь столь разительного вида новости, и не может быть столь подвержено превратному истолкованию» [1, столб. 763]. Больше всего члены совета призывали опасаться крестьянских волнений: «простой народ, всегда жаждущий свободы и, по неразумению, часто самый малейший повод к ней принимая за законы, неоднократно и по меньшим причинам, а особливо в начале царствования, когда слух о новых учреждениях располагает его к надеждам и, возбуждая любопытство его, заставляет во всех новых установлениях искать события его желаний, выходил из повиновения» [1, столб. 762]. Дворянство, по мнению членов совета, будучи «довольно просвещенным», могло принять эту меру как справедливую, если бы не страх крестьянских восстаний [1, столб. 763]. Таким образом, Совет косвенно намекал на возможную отрицательную реакцию дворянства, при этом пытаясь переложить ответственность за нее на крестьян. Говоря о крестьянских волнениях, члены Совета обращают внимание на повышенную вероятность их возникновения именно в начале царствования, приводя в качестве примера возмущения 1762 и 1796 гг. Вероятно, помимо основного смысла, это указание Совета содержит намек на драматичное начало царствования Александра, его относительно непрочное положение и необходимость избегать скорее дворянского, а не крестьянского недовольства. В итоге было решено, что если император все же настаивает на издании этого постановления, то следует сделать это в форме простого указа без мотивировки [2, с. 35], поскольку торжественная риторика в предисловии к указу могла взволновать общество сильнее, чем сама вводимая мера.

Член Негласного комитета П.А. Строганов в своих записках счел мнение Совета «мудрым» [2, с. 34]. Развивая эту мысль, Строганов пишет, что нет смысла принимать отдельные «поспешные» меры, которые могут только вызвать волнение в обществе [2, с. 34],

то есть Строганов называет «поспешной» меру, которую Александр выделил в качестве первого этапа своей программы ликвидации крепостного права. Следовательно, Строганов не знал о существовании этой программы императора или не сопоставлял происходящее с замыслами Александра.

Император продолжал настаивать на запрете индивидуальной продажи после негативной реакции Непременного совета: к заседанию 16 мая был подготовлен простой и краткий проект указа, запрещающий продавать людей без земли за исключением продажи по причине переселения по удостоверению губернской администрации [1, столб. 768–772]. Для защиты своего мнения Александр посетил заседание Непременного совета [1, столб. 764]. Однако члены совета дали решительный отпор и этому предложению императора. В результате 28 мая 1801 г. был издан рескрипт «О непринимании для припечатания в ведомостях объявлений о продаже людей без земли» [4, с. 662, № 19.892], которым запрещалось помещать в газетах объявления о продаже крепостных без земли.

Противодействие Совета не поколебало решимость императора: с рассмотрения вопроса о запрете индивидуальной продажи крепостных начались возобновленные после коронации заседания Негласного комитета. На собрании 4 ноября 1801 г. императором был представлен проект запрета продажи крестьян без земли Платона Зубова [7, с. 36–38]. Зубов выделял из общего числа крепостных крестьян дворовых, поскольку именно их продажа сделалась бы невозможной, если бы был введен запрет на продажу без земли, тем самым нарушая священные права собственника. По проекту Зубова дворовые по желанию владельцев могли быть выкуплены казной по фиксированной цене и впоследствии записаны в сословие ремесленников [2, с. 103]. Мнения в комитете разделились: «молодые друзья» находили проект Зубова слишком дорогим, но император одобрил его принципы и приказал Кочубею составить проект указа по этому вопросу.

На следующем заседании 11 ноября 1801 г. свое мнение по этому вопросу выразил Н.Н. Новосильцев. Новосильцев взял за основу проект Зубова, но установил шестимесячную отсрочку по платежу за дворовых. Строганов и Кочубей раскритиковали и вариант Новосильцева, сочли его слишком затратным. Также было сделано замечание относительно нового положения выкупленных дворовых: «...поскольку их будет нечем занять, они станут бродягами» [2, с. 106]. Но Новосильцев отстаивал свой проект: поскольку планируемая мера являлась наступлением на права собственников – ограничением права распоряжения собственностью, он считал выкуп необходимым условием устранения недовольства [2, с. 107].

Дискуссию вызвал и вопрос о том, следует ли провести мероприятия по запрету индивидуальной продажи крепостных и разрешению всем подданным покупать ненаселенные земли одновременно или последовательно. Новосильцев в своем проекте указа их объединил, Александр же считал целесообразным разделить эти меры [2, с. 107], поскольку планировал проводить в жизнь свою программу решения крестьянского вопроса постепенно. Новосильцеву было поручено проконсультироваться по этому вопросу с Ла-

гарпом и Мордвиновым. На следующем заседании 18 ноября 1801 г. Новосильцев сообщил, что Лагарп и Мордвинов высказались за то, чтобы отсрочить введение запрета на индивидуальную продажу крестьян, то есть поддержали точку зрения императора. Против разделения мер продолжали возражать члены комитета. Кочубей полагал, что нужно раздавать милости симметрично государственным и помещичьим крестьянам [2, с. 110], а также что в России «существует основа для этого действия, так как в Малороссии, в Литве, в Белоруссии, в Ливонии, Эстонии, Финляндии нет индивидуальной продажи, и этот пример требуется просто распространить на остальную часть Империи» [2, с. 110]. Наиболее радикальной можно назвать позицию Чарторыйского, который не считал нужным учитывать ущерб собственникам от запрета индивидуальной продажи крестьян и призывал немедленно принять эту меру [2, с. 110]. Строганов также высказывался в пользу одновременного принятия двух мер. В завершении описания обсуждения Строганов отметил, что ему «показалось, что Император принял решение разделить эти два мероприятия» [2, с. 115].

Отношения между крестьянином и помещиком в западных областях Кочубей приводил в качестве эталона для России не единожды. В беседе со Строгановым 9 мая 1801 г. Кочубей привел в качестве эталона положение крестьян в Моравии, Богемии и Галиции, где крестьяне прикреплены к земле, но личной зависимости не существует. В связи с этим примером Кочубей Строганов выносит в сноску свое мнение: «Установления тех стран, о которых здесь говорит граф, могут быть очень хороши, и из них, несомненно, можно черпать прекрасные идеи. Однако следует помнить, что те правила, которые хороши для одного государства, зачастую не представляют никакой ценности для другого. А значит заимствовать можно только основы, но все остальное нужно изменять в соответствии с нравами, сознанием, обычаями той страны, для которой это разрабатывается» [2, с. 115]. По сравнению с позицией Кочубея, называвшего крепостное право «большим позором» [2, с. 115], позиция Строганова представляется более консервативной. Строганов полагал, что крепостное право со всей его отвратительностью настолько привычно, что торопиться с его отменой не стоит, и данный вопрос «заслуживает того, чтобы быть объектом серьезного внимания» [2, с. 115].

В заключение следует сказать, что первый этап крестьянской программы Александра так и не был реализован в его царствование, несмотря на серьезные намерения императора и дискуссии в среде просвещенных дворян, которые разворачивались вокруг этого вопроса. Запрет продажи крестьян без земли был введен при Николае I 2 мая 1833 г. [3, с. 246, № 6163].

Этап 2. Распространение права покупки населенных земель на всех подданных, с условием превращения живущих на этой земле крестьян в свободных арендаторов

Возможность наделения крестьян правом выкупать общинные земли рассматривалась еще в рамках обсуждения коронационной грамоты 23 июля 1801 г., автором проекта которой был А.Р. Воронцов. Тогда

император выразил сомнение, не будет ли это право крепостных ограничено произволом помещиков [2, с. 76]. Поскольку текст коронационного проекта не был обнародован, то и предложенный Воронцовым способ наделения крестьян правом покупки общинных земель был положен под сукно.

После коронации встал вопрос о том, как Александр может облагодетельствовать крестьян в связи с восшествием на престол. В записи заседания 4 ноября 1801 г. Строганов пишет о том, что «множество людей» говорили императору о необходимости сделать что-то для крестьян, которые «не имели никакого гражданского существования» [2, с. 102]. Из «множества» Строганов приводит только имена Ф.-Ц. Лагарпа и Н.С. Мордвинова. Предложение Мордвинова, по свидетельству Строганова, заключалось в том, чтобы позволить всем, кроме крепостных крестьян, приобретать ненаселенные земли. Среди многих предложений Лагарпа обращает на себя внимание следующее: «...позволить всем буржуа (мещанам) покупать земли, без необходимости получения ими дворянского достоинства, но с одним условием: ввести на этих землях иное экономическое управление так, чтобы неприкосновенность их доходов сохранялась в случае освобождения крепостных крестьян» [10, с. 324]. Александру понравились эти идеи и, следуя своей программе, он предложил сразу предоставить недворянам право приобретать населенные земли. При этом крестьяне, «будучи во владении недворян, могли быть подчинены более умеренным правилам и не быть рабами, как крестьяне, которыми владеют дворяне» [2, с. 102]. «Молодые друзья», по всей видимости, все еще не осведомленные об имеющейся у императора программе решения крестьянского вопроса, попытались возразить ему. Они признали меру обманчивой, поскольку, во-первых, хозяева земли будут стараться продать ее тем, кто будет иметь полноценные права на крепостных за большую стоимость, а во-вторых, увеличения числа желающих приобрести землю приведет к росту ее стоимости, что невыгодно для экономики. Тем не менее, император поручил Кочубею составить проект указа о свободной продаже ненаселенных земель к следующему заседанию [2, с. 104].

Кочубей обсудил вопрос о расширении права покупки ненаселенных земель с Новосильцевым, и на заседании 11 ноября 1801 г. последний представил проект указа. В этом проекте мера по расширению права покупки ненаселенных земель вводилась одновременно с запретом индивидуальной продажи крестьян без земли. Вопрос о том, следует ли вводить эти меры сразу или последовательно, вызвал споры [2, с. 107]. 18 ноября было решено разделить эти шаги, и введение запрета на индивидуальную продажу крестьян было отложено, а расширение права покупки земель было решено произвести немедленно [2, с. 108].

На заседании 21 ноября 1801 г. Новосильцев получил от императора задание составить проект указа о свободной продаже ненаселенных земель [2, с. 123]. К заседанию 25 ноября 1801 г. Новосильцев выполнил это поручение и составил два проекта – краткий и более подробный [2, с. 125]. Обсуждался подробный вариант проекта. Причины принятия такого решения

Новосильцев выводил из соображений политической экономии. Указ оговаривал круг лиц, имеющих право приобретать ненаселенные земли: «все городские жители, пользующиеся правами, и государственные крестьяне, удельные и другие могут приобретать все виды порожних земель» [2, с. 125]. В завершении Новосильцев подчеркивал, что право приобретать населенные земли остается исключительно дворянским. Однако сохранение этой дворянской привилегии в дальнейшие планы императора не входило [2, с. 127]. «Молодые друзья» по-прежнему пребывали в неведении относительно планов императора, и Новосильцев уверенно возразил: «...мы ничем не рискуем, потому что никому никогда не будут предоставлены такие права, какие имеет дворянство» [2, с. 127]. Император, не вдаваясь в подробности, настоял на ликвидации этой фразы: «Его Величество, однако, настаивал на исключении этой статьи, и было решено ее ликвидировать» [2, с. 128].

Кочубей предположил, что недобросовестные помещики будут продавать земли своих крестьян втридорога государственным крестьянам, а самих крепостных продадут отдельно от земли. Но Александр сказал, что у любой меры могут быть недостатки, и что он скорее «воспользовался бы этим предлогом, чтобы запретить индивидуальную продажу» [2, с. 126].

Далее разговор зашел о терминах, употребляемых в проекте указа. По предложению Строганова было уточнено понятие «порожние земли» таким образом, чтобы земля с сооружениями (например мельницами) могла входить в это понятие. Кочубей отметил, что в тексте указов не следует упоминать удельных крестьян, поскольку Непременный совет уже вел работу по упразднению этого понятия. Император согласился с этим замечанием и предложил оставить только наименование «государственные крестьяне». Это предложение Александра хорошо иллюстрирует его намерения в отношении крестьян: создание вместо нескольких сословных групп, отличающихся своими правами и положением, единого сословия государственных крестьян. В окончательном варианте указа использована формулировка «казенные поселяне» [4, с. 862, № 20.075]. В завершении обсуждения император поручил Новосильцеву внести в проект соответствующие поправки и вернуть ему для утверждения [2, с. 128].

Исправленный проект указа вновь обсуждался в комитете 2 декабря 1801 г. Поправка, внесенная Мордвиновым и гласившая, что право покупки земель распространяется и на вольноотпущенников, была призвана простимулировать крепостных крестьян к тому, чтобы выкупиться на волю. Мордвинов, в целом, придавал огромное значение указу (даже предложил издать его в форме манифеста, сделать более торжественным) и считал его началом освобождения крестьян [2, с. 132].

Император сделал также несколько замечаний по стилю написания указа. Во-первых, он призвал стремиться к максимальной простоте изложения, чтобы смысл указа был понятен народу. Во-вторых, он приказал заменить выражение «наши подданные» выражением «русские подданные». Строганов усмотрел в этом тенденцию к изменению выражений вместо ре-

ального изменения вещей, но император настоял на своем [2, с. 133].

Насчет редакции постановления, не обсуждая его смысла, было решено проконсультироваться с Непременным советом [2, с. 135].

Указ увидел свет 12 декабря 1801 г. [4, с. 862, № 20.075].

Решив вопрос с предоставлением права покупки ненаселенных земель широкому кругу подданных и следуя логике им же составленной программы решения крестьянского вопроса, Александр должен был перейти к подготовке постановления, позволявшего недворянам приобретать населенные земли. Поскольку записи Строганова позднее 1802 г. носят фрагментарный характер, мы не можем проследить весь процесс разработки этого постановления в комитете. Единственное упоминание крестьянского вопроса, которое может оказаться посвященным именно этой проблеме – это фраза в записи Строгановым заседания 9 ноября 1803 г.: «Сначала мы добились того, что купцам была разрешена покупка земель с крестьянами, но так, что крестьяне после смены владельца больше не были крепостными, а работали на нового хозяина по свободному договору» [2, с. 241].

Помимо «протоколов» в архиве П.А. Строганова сохранилась записка предположительно его авторства «О расширении права покупки земель с крестьянами и об ограничениях, которые нужно соблюдать в этом отношении» [2, с. 47], посвященная проблеме наделения недворян правом приобретать населенные земли. Дата написания этого документа не известна, но в тексте его упоминаются указы 12 декабря 1801 г. и 20 февраля 1803 г., значит, записка была составлена в 1803 или 1804 гг.

По мнению Строганова, Александр I получил бразды правления государством, которое имело существенные недостатки. Среди всех отрицательных черт социальной классификации граждан Российской империи «ущемление личной свободы» Строганов называет одной из худших. На устранение этого недостатка направлены постановления 12 декабря 1801 г. (Именной указ «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли») и 20 февраля 1803 г. (Именной указ «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных» или «Указ о вольных хлебопашцах»). Строганов отмечает, что с целью ликвидации ущемления личной свободы своих подданных император Александр дает им «право владеть» (*faculté de posséder*) [2, с. 47]. Строганов не уточняет, право владения каким именно видом собственности дарует своим подданным Александр, но если учесть содержание упомянутых указов, становится ясно, что речь здесь идет о владении землей. Больше того, Строганов пишет, что «эти указы содержат ценные зачатки всех гражданских прав, к пользованию которыми должно однажды вернуться наше простонародье» [2, с. 47]. Строганов, таким образом, демонстрирует узкое понимание гражданских прав как права личной свободы и права владения собственностью, причем право владения земельной собственностью называется «зародышем законной свободы» [2, с. 47], исключительно на нем может быть

основано благополучие нации. Большое значение Строганов придает постепенности процесса наделения подданных правом владения землей, а, следовательно, и личной свободой: «с упорством нужно стремиться именно к их <прав> незаметному развитию, но в тоже время с благотворной медлительностью» [2, с. 47].

Указ 12 декабря 1801 г. позволил недворянам приобретать ненаселенные земли, но Строганов предлагает не останавливаться на достигнутом и распространить это право недворян и на населенные земли. Но при этом право собственности покупателей-недворян может распространяться только на землю, «и ни в коем случае купцы не могут приобрести такие же права на людей, как патрицианский класс», потому что это повредит «великой цели уничтожения крепостного права» [2, с. 47]. Ограничение прав недворян, купивших населенные земли, Строганов предлагает базировать «на взаимности нужд <крестьян и помещиков> и на взаимном равенстве этих нужд» [2, с. 51]. Строганов делает вывод, что лучшим способом реализации подобных отношений может стать свободный договор между помещиком и крестьянином, выгодный обеим сторонам [2, с. 52]. Защитить крестьянина от возможного произвола помещика призвано государство [2, с. 53].

По всей видимости, вышеописанные рассуждения Строганова предвещали издание указа 18 октября 1804 г. «О дозволении получившим из купцов осьмиклассные чины, покупать деревни и владеть оными на условиях, заключаемых с поселенными в оных крестьянами» [6, с. 544, № 21.481]. Этот указ позволял купцам, начиная с восьмого класса, приобретать деревни, но при этом заключать с крестьянами договоры на индивидуально определяемых условиях в соответствии с указом «О вольных хлебопашцах» от 20 февраля 1803 г. Таким образом, издание указа 18 октября 1804 г. явилось еще одним шагом к глобальной цели, которую можно сформулировать как создание единого сословия крестьян – лично свободных собственников земли.

Этап 3. Введение условия превращения крестьян в свободных арендаторов при сделках купли-продажи населенных земель между дворянами

Третий этап крестьянской программы являлся закономерным продолжением второго этапа, который в общих чертах был завершен указом 18 октября 1804 г. Поскольку уже с 1803 г. записи Строганова становятся нерегулярными, вполне логично, что даже упоминания о таком наступлении на дворянские права в материалах Строганова не встречается.

Этап 4. Наделение всех крепостных крестьян правом выкупиться на волю за определенную плату

Наконец, четвертый этап крестьянской программы Александра был проведен в жизнь 20 февраля 1803 г. с изданием указа «О вольных хлебопашцах», который предусматривал возможность освобождения крестьян на волю с землей за выкуп [5, с. 462, № 20.620]. Инициатива издания указа принадлежит графу С.П. Румянцеву, который был приглашен на посвященные этому вопросу заседания Совета.

Указ обсуждался в Непременном совете с 12 января по 9 февраля 1803 г. на пяти заседаниях. В целом Совет составил положительное мнение об указе, считая его «действительно полезным» [1, столб. 785]. Во время обсуждения члены Непременного совета, как и в случае с обсуждением закона о непродаче крестьян без земли, указали на деликатность затрагиваемого вопроса и высокую вероятность народных волнений и беспокойства со стороны помещиков: «... многие помещики, пораженные слухами, усмотрят в них первое потрясение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе» [1, столб. 784]. Кроме того, по мнению членов Непременного совета, корыстолюбие помещиков может побудить их поставить крестьянам невыполнимые условия, что приведет к разорению крестьян, а проверка этих условий Сенатом при взаимном согласии заключающих договор сторон неправомерна [1, столб. 785].

Совет рекомендовал издать указ частно, адресуя его одному Румянцеву, но в конце распространив право освобождать крестьян на всех помещиков. Кроме того, продемонстрировать преимущество вводимой меры по отношению к предшествовавшим преобразованиям в этой области предлагалось при помощи ссылки на манифест 1775 г., дававший помещикам право освобождать крестьян, и на указ 12 декабря 1801 г., позволявший крестьянам владеть землей [1, столб. 786]. Члены совета также обращают внимание на то, что освобожденные крестьяне составят «особое состояние крестьян», владеющих землей и имеющих право ее продавать, и не будут приписаны ни к одному из существующих сословий или сословных групп [1, столб. 786]. Окончательный проект указа был составлен путем синтеза трех представленных на заседаниях 26 января и 2 февраля 1803 г. проектов: проекта, основанного на предложениях членов совета, проекта авторства Трошинского и проекта С.П. Румянцева [1, столб. 787].

Несмотря на то что Непременный совет одобрил указ, генерал-прокурор и министр юстиции Г.Р. Державин, будучи его ярким противником, предпринял попытку изменить мнение Александра. Император под воздействием его аргументов согласился вернуть указ в Непременный совет на повторное рассмотрение, однако Новосильцев сумел убедить его не делать этого и немедленно привести указ в исполнение [9, с. 254–255]. Этот случай свидетельствует о существовании в окружении Александра часто противоположных точек зрения и о влиянии на его политику и консервативных сановников, и членов Негласного комитета. В данном случае реформаторская точка зрения одержала верх.

Важно отметить, что генерал-прокурор Г.Р. Державин, рассуждая об отмене крепостного права, фактически признает его не легитимным, а сложившимся под воздействием политических условий: «... хотя по древним законам права владельцев на рабство крестьян нет, но политические виды, укрепив крестьян земле, тем самым ввели рабство в обычай» [1, столб. 784].

Поскольку регулярные записи Строгановым заседаний заканчиваются 12 мая 1802 г., его протоколы не отражают процесс разработки указа «О вольных хле-

бопашцах». Тем не менее в записях Строганова встречаются упоминания этого указа. Указ упоминается Строгановым спустя долгое время после вступления его в силу, поэтому предметом этих кратких упоминаний является не разработка и значение, а функционирование положений указа. В записи Строгановым заседания 9 ноября 1803 г. говорится о том, что император поручил «молодым друзьям» подумать «об организации фонда для предоставления ссуд крестьянам, которые договариваются со своим хозяином, но будут нуждаться в займах, чтобы оплатить выкуп» [2, с. 241].

Строганов не обошел вниманием указ «О вольных хлебопашцах» в упомянутой выше записке «О расширении права покупки земель с крестьянами и об ограничениях, которые нужно соблюдать в этом отношении». Проблему отсутствия у крестьян средств для заключения предусмотренных указом «О вольных хлебопашцах» договоров с помещиком Строганов предлагает решить посредством выделения государством ссуд крестьянам под залог тех земель, которые они намереваются выкупить [2, с. 49].

Известно, что реальные результаты указа о вольных хлебопашцах были незначительными из-за чересчур высокой цены выкупа. Ожидания императора от введения в действие этого указа не оправдались. Именно поэтому он поручил «молодым друзьям» поразмышлять о создании фонда, способного увеличить число крестьян, которые могли бы выкупиться на волю по условиям указа «О вольных хлебопашцах». Впоследствии крестьяне действительно получали ссуды от казны с целью выкупа [9, с. 260–270]. В течение царствования Александра I по условиям указа было проведено 160 освобождений, в результате чего освобождено около 47 тысяч крестьян мужского пола [9, с. 260].

Крестьянский вопрос являлся центральным пунктом сословной политики Александра I. Император серьезно задумался об улучшении положения крестьян еще до восшествия на престол, а после воцарения стал последовательно разрабатывать и проводить в жизнь программу решения крестьянского вопроса. Говоря о причинах столь серьезного отношения Александра к этой проблеме, можно выделить следующие:

1) морально-этический аспект: император воспринял либеральные положения теорий просветителей и не хотел смириться с тем, что в подвластном ему государстве процветает рабство;

2) прагматический аспект: преследуя цель определения и четкого разграничения прав сословий, император стремился создать однородное сословие личносвободных крестьян. Таким образом можно было снизить вероятность крестьянских волнений, обеспечить крестьянам доступ к просвещению, суду. Кроме того, большая часть крестьян могла быть выведена из-под юрисдикции помещиков, тем самым ослабляя дворянское сословие и нарушая его привилегии с целью укрепления власти самого императора.

Александру I удалось осуществить не все мероприятия своей программы освобождения крестьян: не была запрещена индивидуальная продажа крестьян,

не были введены ограничения на сделки по купле-продаже крестьян между помещиками. Однако большая часть мер, задуманных императором, была осуществлена. Результаты этих преобразований можно назвать весьма незначительными, около 50 тысяч освобожденных и ставших свободными земледельцами крестьян, конечно, не могли составить значительную социальную группу. Но существование в государстве свободных крестьян-собственников земли создавало прецедент и позволяло надеяться на расширение этой прослойки в будущем. Важным достижением Александра в области сословной политики можно назвать нарушение дворянской монополии на владение землей. Указ 12 декабря 1801 г. [4, с. 862, № 20.075] позволил личносвободным российским подданным вне зависимости от сословия приобретать ненаселенные земли, а указ 18 октября 1804 г. [6, с. 544, № 21.481] позволил купцам, достигшим восьмого класса, приобретать населенные земли с условием превращения живущих на них крестьян в личносвободных арендаторов.

Таким образом, несмотря на низкую результативность, преобразования Александра I в сословном вопросе продемонстрировали обществу стремление и решимость правительства ликвидировать крепостное состояние. Неодобрение части высших государственных сановников и их активные попытки предотвратить преобразования демонстрируют резко отрицательное отношение даже наиболее просвещенных дворян к любому посягательству на крепостнический порядок.

Литература

1. Архив Государственного совета: в 5 т. – Санкт-Петербург, 1878. – Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810), [Ч. 1]. – 884 стб.
2. Николай Михайлович (великий князь). Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817) / Николай Михайлович (великий князь). – Санкт-Петербург, 1903. – Т. 2.
3. Полное собрание законов Российской Империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. VIII: 1728–1732.
4. Полное собрание законов Российской Империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXVI: 1800–1801.
5. Полное собрание законов Российской Империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXVII: 1802–1803.
6. Полное собрание законов Российской Империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXVIII: 1804–1805.
7. Сафонов, М.М. Крестьянский проект П.А. Зубова / М.М. Сафонов // Советские архивы. – 1984. – № 1. – С. 36–39.
8. Сафонов, М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. / М.М. Сафонов. – Ленинград: Наука, 1988. – 249 с.
9. Семевский, В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. / В.И. Семевский. – Санкт-Петербург, 1888. – Т. 1: Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой четверти XIX века. – 524 с.
10. Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille imperiale de la Russie (publiee par J.Ch. Baudet et F. Nicod). – Neuchatel, 1978–1980. – Т. 1.

‘SHAMEFUL HABIT OF SLAVERY’: THE PEASANT QUESTION IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE RULE OF ALEXANDER I

The article deals with the study of the views of Alexander I and his entourage on the ‘peasant question’ in Russia during the early 19th century. The study focuses on the emperor’s views on the social structure of Russia and the ways for transforming the legal conditions of peasants. A detailed analysis is given of the emperor’s project to turn serfs into free tenant farmers.

Nineteenth century Russian history, Alexander I, Private Committee (“Neglasny Komitet”), peasant question, classes in social structure, government constitutionalism.

УДК 94(47)

И.А. Жигилев

Вологодский государственный университет

ВЫБОРЫ В ВОЛОГОДСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ ПО ГОРОДОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1870 ГОДА

С принятием Городового положения 1870 года все города Российской Империи постепенно стали переводить на новую систему управления. В конце 1870 года такие нововведения принимает губернский город Вологда. В данной статье на основе архивных документов рассматривается, как происходил процесс введения новой системы общественного управления. Анализируется система выборов гласных в состав главного органа городской думы. Законодательство было призвано сделать власть на местах по своей природе самоуправленческой, и выборы должны были проводиться на основе демократических принципов. Рассматриваются вопросы установленного ценза для получения права голоса горожанами и сословного состава выборщиков. В статье также показан механизм разрешения ошибок, совершенных при производстве выборов. В итоге выборы состоялись, и местное городское общественное управление перешло в качественно новое состояние для решения актуальных задач.

Вологда, городская реформа, городская дума, Городовое положение, трехразрядная избирательная система, ценз, гласные, избирательное собрание.

Реформы Александра II были призваны дать населению Российской империи больше свобод и возможностей. С развитием промышленности и городов встал вопрос об усовершенствовании городского управления. Предполагалось передать его в руки городских обывателей, которые были заинтересованы в развитии своего региона через формирование органов городского самоуправления. По Городовому положению 1870 года в городскую думу избирали гласных, которые затем из своего состава выделяли городскую управу во главе с городским головой. По уведомлению Министра внутренних дел в конце 1870 года в городе Вологде должны были пройти выборы в городскую думу по новому Городовому положению.

Общее количество горожан, имеющих право голоса на выборах членов городской думы, составило 1312 человек. Согласно данным Памятной книжки Вологодской губернии, в Вологде в 1869 году было зарегистрировано 17 366 жителей [3, с. 61]. Интересно будет заметить, что доля выборщиков из всей массы городских обывателей составила 7,5%. Этот показатель выходит за рамки общероссийских тенденций,

которые составляют от 10 до 20% (в среднем по России) [6, с. 53]. Тем самым можно говорить об ограниченности избирательного права.

Городовым положением четко определялся круг лиц, получающих избирательное право. Согласно статье 17, право голоса при избрании гласных в думу получали все городские обыватели, являющиеся русскими подданными, возрастом не менее 25 лет, владеющие недвижимостью или содержащие торговое или промышленное заведение и уплачивающие в пользу города налог [5, с. 235].

При этом новый закон характеризует выборы в органы городского самоуправления как бессословные. Независимо от сословия при соблюдении условий ст. 17 горожанин становился избирателем. По факту главным мерилом наделения правом голоса было владение недвижимостью, а не уплата налогов в бюджет города. Л.Ф. Писарькова справедливо замечает, что не все налогоплательщики получили право голоса, в их число не вошли владельцы экипажей, лошадей и собак, а также квартирантаниматели, вносившие специальные сборы в казну [4, с. 125]. В итоге новое зако-

нодательство устанавливало имущественный ценз, что приводило к отрыву основной массы жителей Вологды от участия в политической жизни города.

Согласно системе деления все выборщики по значимости их влияния на городской бюджет были поделены на три разряда: 1 разряд = 52 человека (сумма уплачиваемого налога – 7762 руб.), 2 разряд = 183 человека (7747 руб.), 3 разряд = 1077 человек (7829 руб.) [2, д. 494, л. 3].

Эта система стала одним из нововведений Городового положения и заимствовалась из опыта Пруссии в проведении выборов. Как признают многие исследователи, по задумке создателей оно должно было ограничить влияние на формирование думы тех граждан, которые впервые получили право голоса. Проще говоря, те, кто платили самые низкие налоги и, считалось, были не столь заинтересованы в развитии городского хозяйства, имели уменьшенное по значению право голоса. Всего в думу предполагалось избрать 66 гласных, т.е. по 22 человека из каждого из трех разрядов. В первом разряде на одного гласного приходилось 2,3 избирателя, во втором – 8,3, и в третьем – 49 избирателей. Голос выборщика последнего разряда был незначителен и не мог кардинально влиять на выборы.

Вопрос бессословности выборов, согласно положению, решался предоставлением всем городским сословиям права голоса. Интересно посмотреть, каков был сословный состав выборщиков по разрядам в Вологодскую городскую думу (представлено на диаграммах 1–3 [2, д. 494, л. 3–77]). Абсолютное большинство в первом и большинство во втором разрядах составляли купцы. Это давало им возможность принимать решения: кто войдет в состав большей части городской думы. Это было вполне разумно: кто, как не купечество и владельцы крупной недвижимости, заинтересованы в развитии и процветании города. Чиновники и дворяне, основная опора императора, имели значительно меньшее представительство. Мещанство, в которое входили мелкие торговцы, заняли свою нишу в третьем разряде, но, как и крестьяне, были чаще малообразованными и не могли сделать взвешенный выбор. Крестьянство имело представителей во всех избирательных собраниях, но их доля не превышала 10%. Влиять на выборы, продвигать представителей своего сословия им было очень трудно. Хотя стоит заметить, что принцип бессословности был реализован, и представители от всех сословий вошли в состав выборщиков.

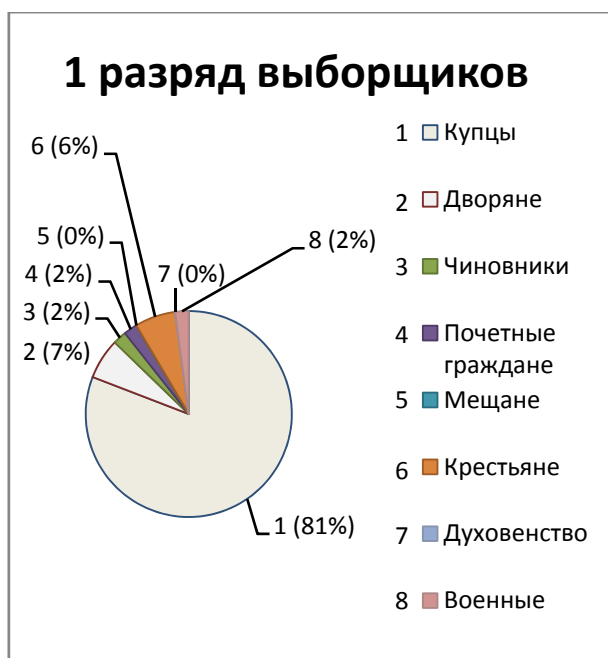

Диаграмма № 1

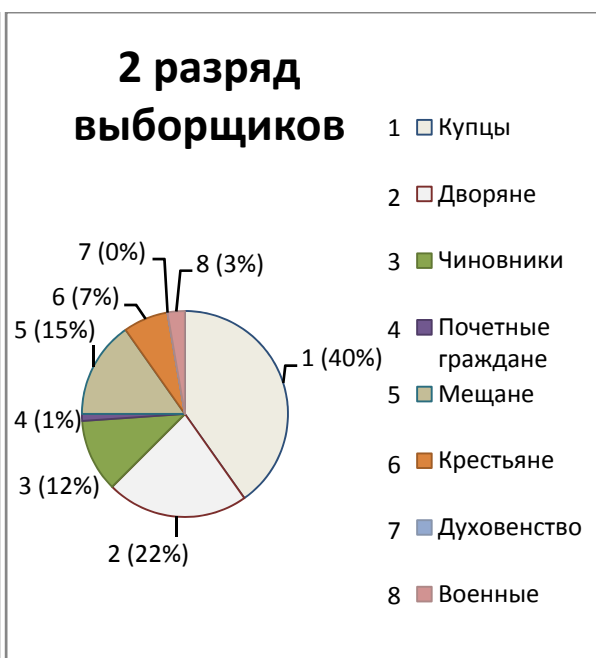

Диаграмма № 2

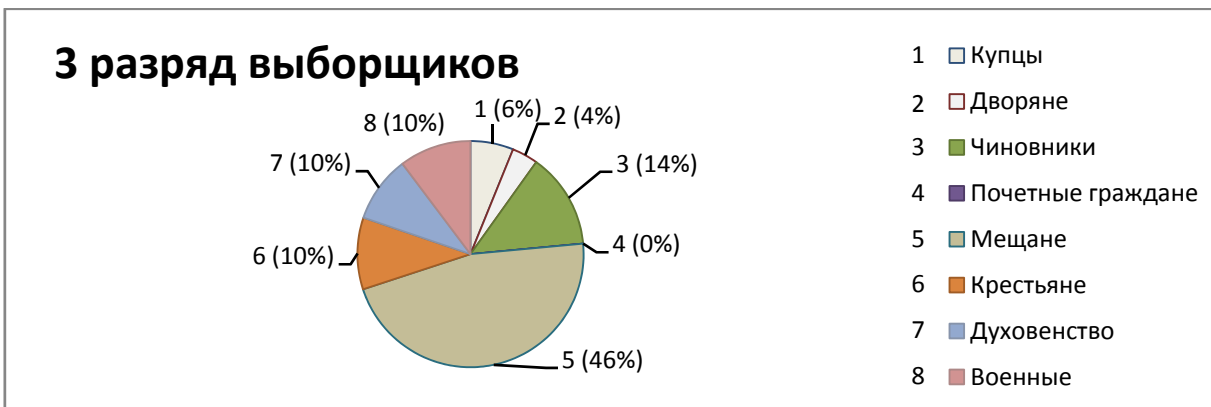

Диаграмма № 3

На практике избирательный закон носил незавершенный (половинчатый) характер. Трехразрядная система выборов давала преимущества меньшинству избирателей из 1 и 2 разрядов. Самая бедная часть населения города была лишена возможности провести своих представителей в органы самоуправления.

Выборы в Вологодскую городскую думу прошли 26, 27 и 28 ноября 1870 года. На этом процесс не закончился, так как 1 декабря поступили губернатору две жалобы на проведение выборов.

Купец Павел Романовский заявил о неправильно допущенных к выборам и избранных в гласные купеческом внуке Кисилеве и чиновнике Писцове. Их имена отсутствовали в списке избирателей. В рапорте городского головы от 10 декабря разъясняется, что данные представители голосовали по доверенности от лиц, имеющих право голоса. Кроме того, они также имели приказчиьи свидетельства, которые на тот момент не облагались налогом. Этот факт послужил основанием к возможности выдвижения их кандидатур в гласные думы. Губернское по городским делам присутствие по этому вопросу указывает на обязательность исполнения кандидатом налогового ценза и признает выборы с участием незаконно допущенных лиц недействительными. В итоге были назначены новые выборы по 1 и 2 разрядам взамен старых [2, д. 494, л. 140–143].

Коллежский асессор Петр Сахаров объяснял, что при баллотировке в гласные по третьему разряду 28 ноября он получил равное количество шаров избирательных и неизбирательных. Гласными оказалось избрано меньше числа, подлежавшего к избранию. Городской голова вместо составления списка избранных и проведения новой баллотировки, допустил к выборам вновь прибывших обывателей. Сахаров так и не удостоился избрания. По объяснениям городского головы, лица, изъявившие желание баллотироваться

во время выборов, не могут быть лишены этого права. Присутствие находит толкование Сахаровым ст. 35–38 Городового положения несогласованным с точным смыслом и поэтому его жалобу оставляют без последствий [2, д. 494, л. 140–143].

Представленные примеры иллюстрируют, с одной стороны, контроль губернских органов за соблюдением правил проведения выборов в органы городского самоуправления, а с другой – активность граждан – «общественный контроль». Ошибки в процессе производства выборов и недопонимание между участниками объясняются отсутствием четких разъяснений самой процедуры, ее технической сложностью, непродуманностью.

7 января 1871 года состоялось открытие Вологодской городской думы, организованной по новому положению. В ее состав вошли 66 гласных: 5 дворян, 9 чиновников, 3 священника, 37 купцов, 10 мещан, 2 крестьянина [1]. Первым городским головой избран Степан Степанович Каменщиков.

Литература

1. Буренина, Е.А. Вологодская городская дума в 1870–1917 годах / Е.А. Буренина, И.С. Упадышева // Молодые исследователи – региону. – Вологда, 2004. – С. 280–281.
2. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 476. – Оп. 1.
3. Памятная книжка Вологодской губернии. – Вологда, 1870. – 81 с.
4. Писарькова, Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума / Л.Ф. Писарькова. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 752 с.
5. Реформы Александра II: сборник / сост.: О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. – Москва: Юридическая литература, 1998. – 464 с.
6. Тюрин, В.А. Власть и городское местное самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков / В.А. Тюрин. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2007. – 202 с.

I.A. Zhgilev

ELECTIONS TO THE VOLOGDA MUNICIPAL DUMA ACCORDING TO THE CITY REGULATIONS OF 1870

With the adoption of the City Regulations of 1870, all cities of the Russian Empire gradually began transferring to a new management system. At the end of 1870, those innovations were introduced in the provincial city of Vologda. This article focuses on the process of introducing a new system of public administration on the basis of archival documents. The electoral system of voting for the members of the municipal Duma is analyzed. The legislation was designed to make local authorities more self-ruled and the elections were to be conducted on the basis of democratic principles. The problems of electoral qualification established for townsmen and the questions of classes in the social structure of the electors' assembly are also considered. The paper also shows the mechanism for the resolution of errors, which could be committed during the elections. As a result of the adoption of the City Regulations of 1870, the elections were held and local municipal public administration moved to a new status for the solution of actual tasks.

Vologda, urban reform, municipal Duma, city regulations, a three-category electoral system, electoral qualification, members of the municipal Duma, electoral assembly.

Н.В. Косорукова
Череповецкий государственный университет

Т.В. Сапелко
Институт озероведения РАН

М.А. Кулькова
Российский государственный педагогический
университет им. А.А. Герцена

ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ДРЕВНИХ ОБИТАТЕЛЕЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ 15 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

*Работы выполнены при поддержке РФФИ, проект № 14-06-98806
«Комплексное исследование памятников каменного века в бассейне озера Воже»*

В статье рассматривается природное окружение древнего человека по данным палинологического и геохимического анализов на торфяниковом памятнике Погостище 15 в бассейне озера Воже. Находки из нижнего культурного слоя, залегающего в слое озерного ила, относятся к эпохе мезолита. Данный горизонт можно сопоставить с бореальным периодом, когда были распространены леса с преобладанием березы, стоянка располагалась на берегу небольшого слабопроточного старичного озера.

Бассейн озера Воже, торфяниковая стоянка Погостище 15, мезолит, палинологический, геохимический анализы, бореальный период.

Введение. Поиск и изучение торфяниковых стоянок – это наиболее актуальная задача современной археологии, так как данные памятники позволяют наиболее полно использовать возможность применения комплексного исследования с помощью естественных наук. Применение палинологического, геохимического и других методов дает возможность охарактеризовать окружающую древнего человека природную среду, исследовать взаимодействие человека и природы.

Основная часть. Памятник Погостище 15 находится в Кирилловском районе Вологодской области на левом берегу реки Модлоны, впадающей в озеро Воже, на северной окраине бывшей деревни Погостище. Место расположения – край болотистой, поросшей кочками и кустами низины, около подошвы пологого склона надпойменной террасы, на расстоянии около 200 м от современного берега реки, примерно напротив суходольного памятника Погостище V, расположенного рядом, на надпойменной террасе, представляющего собой средневековый могильник и одновременно мезолитическую стоянку [6, с. 325–326]. Памятник Погостище 15 был открыт в 2010 г., в 2011–2016 гг. на нем заложено шесть раскопов общей площадью 360 кв. м. [2; 7 и др.].

Сразу под дерном залегает т.н. деревенский слой, его мощность составляет, в среднем, 1–1,2 м. Этот слой представляет собой черную оторфованную супесь, переходящую в черный или темно-коричневый торф. Мощность слоя супеси составляет на разных участках от 0,2 до 0,6 м, по мере удаления от подошвы склона в сторону центра низины слой супеси совсем выклинивается и под дерном залегает сразу торф. Верхний (деревенский) слой в основном содержит в большом количестве находки позднего времени (деревня существовала здесь до 1970-х гг.). Верхняя часть деревенского слоя насыщена камнями, костями

животных, фрагментами керамики и другими находками, также в ней многочисленны остатки деревянных строений. На глубине от 0,3 м до 0,5–0,6 м на значительной части раскопанной площади деревенский слой можно определить как настоящий строительный горизонт, так как он сплошь состоит из камня и дерева. Нижняя часть деревенского слоя представляет собой торф, насыщенный щепой на прилегающем к подошве склона участке; в нем также встречаются поздние находки. Под торфом или в его нижней части находится прослойка очень плотного и вязкого черного торфа мощностью 0,02–0,1 м, в которой встречаются как единичные поздние находки, так и артефакты каменного века. Ниже залегает слой озерного ила, который содержит находки эпохи мезолита. Озерный ил представляет собой нижний культурный слой, он залегает на глубине от 1 до 1,5 м (на разных участках памятника глубина залегания немного меняется), но мощность слоя всегда небольшая и составляет всего 0,1–0,15 м. Слой ила подстилается материковыми песком и глиной.

Находки из нижнего культурного слоя представлены изделиями из кости, рога, кремня и сланца, многочисленны кости животных и рыб, встречены деревянные артефакты, а также отдельные кости человека. Среди изделий из кости преобладают наконечники стрел, также представлены зубчатые острия или гарпуны разных типов, наконечники копий, вкладышевые орудия, пешни, проколки, кочедыки, небольшой диск с отверстием и др. Среди наконечников стрел преобладают изделия с биконической головкой, также есть орудия других типов. На некоторых изделиях выявлен орнамент.

В кремневом инвентаре абсолютно преобладают предметы из нуклевидной группы: нуклеусы, нуклевидные обломки, куски и обломки кремня со следами снятий, в то же время технологические сколы немно-

гочисленны. Для нуклеусов и нуклевидных обломков характерно отсутствие правильной формы, снятия заготовок осуществлялись в разных направлениях. Среди изделий с вторичной обработкой преобладают скребки на отщепах случайной формы и отщепы с ретушью. Также представлены в небольшом количестве пластинки, проколки, скобели. Изделия из сланца представляют собой серию рубящих орудий, обработанных при помощи сколов и шлифовки, это топоры и тесла, а также обломки орудий. Наиболее интересное сланцевое изделие – плоская шлифованная плитка со сквозным отверстием.

Для находок из слоя озерного ила по деревянным предметам получена серия радиоуглеродных дат в диапазоне от 8660 ± 50 BP (JE-9718) до 8223 ± 100 BP (SPb-1295) (7800–7100 кал. лет до н.э.), которые позволяют датировать памятник средним этапом мезолита (рис. 1).

Для реконструкции палеогеографических условий в период жизнедеятельности древних людей на стоянке Погостище 15 были проведены геохимические и палинологические исследования. Колонка образцов на геохимический и палинологический анализы была отобрана в 2015 г. в западной стенке раскопа № 4. Общая мощность отложений на участке расположения разреза составила 150 см, образцы для проведения анализов отбирались от глубины 0,7 м до 1,5 м, верхняя часть разреза не подвергалась апробированию, так как она представляет поздний деревенский слой.

Геохимические исследования. Описание литологии разреза сверху-вниз (рис. 1):

- 1) 70–78 см – нижняя часть деревенского слоя;
- 2) 78–107 см – коричневый торф;
- 3) 107–117 см – черный торф;
- 4) 117–128 см – оливковый оторфованный озерный ил;
- 5) 128–144 см – материковый серый песок с галькой;
- 6) 144–150 см – голубовато-серая глина.

Палеоклиматические условия осадконакопления (относительная влажность, относительная температура, изменение уровня воды в водоеме) и антропогенное влияние были оценены с помощью определенных геохимических индикаторов (рис. 2). Соотношение $\text{SiO}_2/(\text{Al}_2\text{O}_3 + \text{SiO}_2)$ характеризует биогенный кремнезем (SiO_2biog), который увеличивается в отложениях благодаря расцвету диатомовых водорослей и косвенно отражает продуктивность водоема. Для характеристики изменения антропогенной активности использовалось значение изменения фосфатов в отложениях по разрезу (рис. 2). Повышенные значения по сравнению с фоновым характеризуют периоды повышенной антропогенной активности. Индекс химического выветривания (CIA) отражает изменение состава отложений в результате химического и физического выветривания, на которое большую роль оказывают температура и влажность климата [4]. На глубине 150–144 см происходит отложение голубовато-серых глин. Минеральные глинистые отложения нижней части разреза были сформированы в глубоководных речных или приледниковых (озерных) условиях. Условия водоема характеризовались низкой продуктивностью. Климатические условия могут быть охарак-

теризованы как прохладные. На глубине 128–144 см происходит формирование серого песка с галькой. Следует отметить, что гидрологический режим во время формирования этих отложений изменяется, происходит переход от стабильных (озерных или пойменных речных условий) к проточным речным условиям. Увеличивается продуктивность водоема. В отложениях на глубине 142–140 см фиксируется увеличение антропогенной активности. Климат сухой и прохладный. Увеличение влажности фиксируется на глубине 136–128 см. Формирование оливкового ила (128–117 см) происходило в условиях некоторого увеличения уровня воды в слабопроточном водоеме, превратившемся в старичное озеро с высокой продуктивностью, которой способствовали мелководные озерные условия и теплый климат. Антропогенная нагрузка в этих отложениях низкая. Высокая прогреваемость водной толщи мелководных старичных озер и ускорение процессов эвтрофирования стимулируют цветение и зарастание акватории. Второй пик антропогенной активности фиксируется на границе оливкового ила и черного торфа (на глубине 124–118 см). Происходит заболачивание водоема и изменение климата в сторону более сухого климата. Возможно, в некоторые периоды происходит перемыв и размыв слоя. Процессы заболачивания водоема продолжались при формировании торфа коричневого цвета.

На основании геохимического исследования было установлено два периода более высокой антропогенной активности: первый связан с верхней частью слоя песка, второй – с верхней частью слоя ила. Данный вывод приходит в противоречие с реальным положением находок: основной уровень залегания артефактов связан с нижней частью ила, в слое песка находки не встречены за очень редким исключением, в верхней части ила находки единичны. Возможно, находки, соответствующие второму пику антропогенной активности, залегают в нижней части ила, так как они проваливались в мягкий илистый слой. Первый пик активности, вероятно, следует связывать с основным местом обитания человека – на расположенной рядом надпойменной террасе.

Палинологическое исследование. Образцы на палинологический анализ были отобраны последовательно, каждые 2–5 см. Нижние образцы (128–150 см), а также верхний образец из современного почвенного слоя оказались сильно карбонатными, остальные образцы из разреза некарбонатны. По изменению соотношения пыльцы в составе спорово-пыльцевых спектров на диаграмме выделены пять палинозон (рис. 3), которые соответствуют пяти этапам развития растительности в окрестностях стоянки Погостище 15.

Палинозона 1 (129–150 см). Общая концентрация пыльцы низкая. Соотношение пыльцы древесных и травянистых пород примерно одинаковое. В группе древесных преобладает пыльца березы. Значительно и содержание пыльцы сосны. Единично отмечена пыльца ели и карликовой березки. Среди трав преобладает пыльца злаков. Постоянно встречается пыльца осок. Определены степные и тундровые виды *Artemisia*, *Ephedra*, *Dryas*, *Saxifraga*. Процент спор достигает 13%. Отмечены споры *Polypodiaceae*, *Sphagnum* и *Equisetum*.

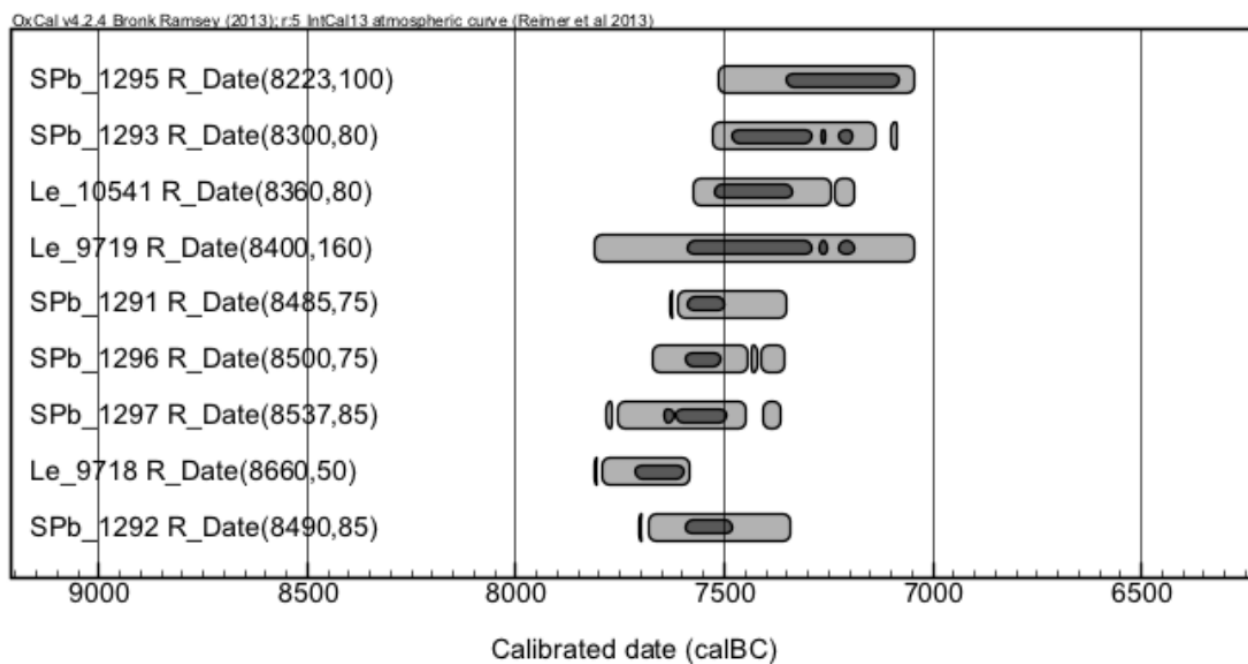

Рис. 1. Радиоуглеродные даты для мезолитического слоя Погостище 15

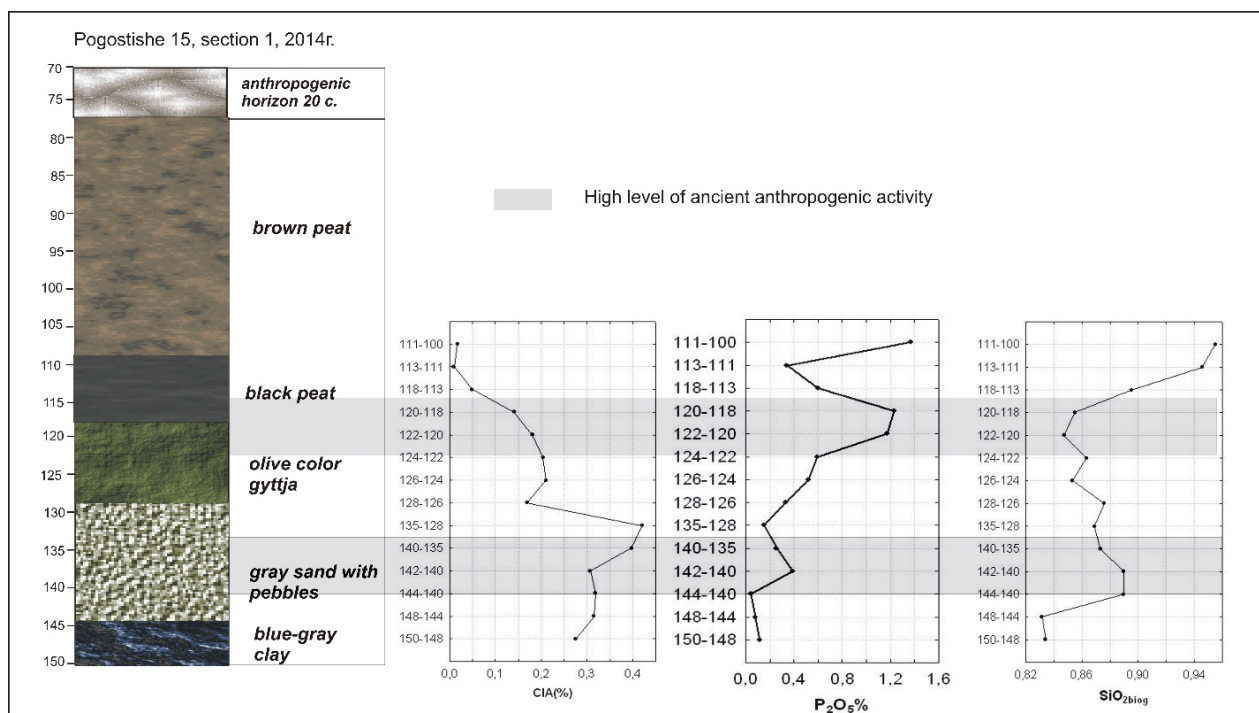
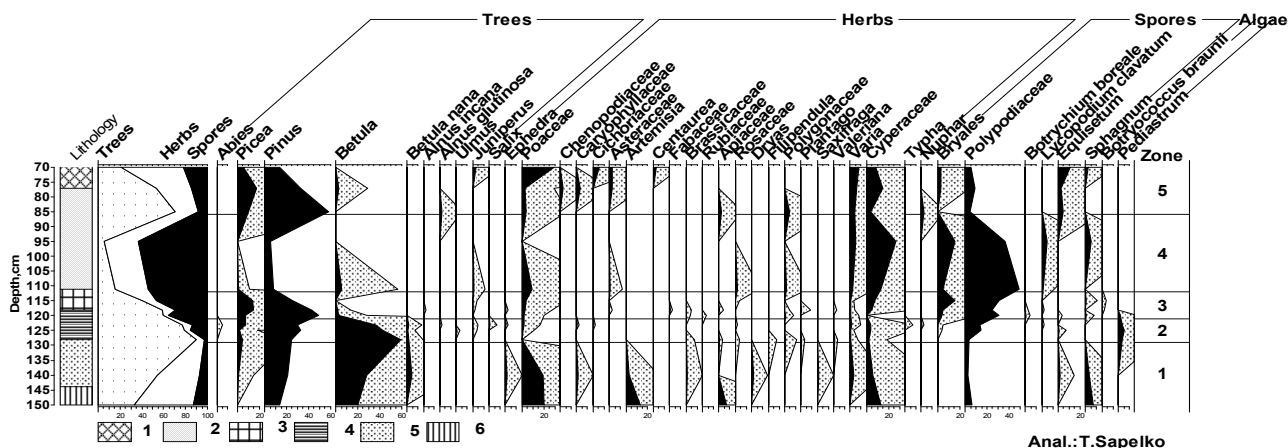

Рис. 2. Стоянка Погостище 15. Геохимические индикаторы, отражающие условия осадконакопления в водном бассейне ($P_2O_5\%$ – изменение влияния антропогенной активности на водоем; $SiO_2/(SiO_2+Al_2O_3)\%$ – изменение продуктивности водоема)

Палинозона 2 (121–129 см). Общая концентрация пыльцы увеличивается и достигает здесь своего максимума. Резко увеличивается содержание пыльцы древесных пород, достигая 90%, максимального количества по разрезу. Доминирует пыльца березы (до 42%). Процент пыльцы сосны также довольно высок, особенно к концу зоны (до 32%). Увеличивается процент пыльцы ели, постоянно отмечается пыльца карликовой березки. Появляется пыльца пихты, можжевельника, ивы. Единично отмечается пыльца вяза и ольхи черной. Процент пыльцы трав сокращается. Преобладает пыльца осок, процент пыльцы злаков сокращается. Появляется пыльца *Valeriana*, *Filipendula*, *Polygonum amphibium*. К концу зоны появляется пыльца водных и прибрежно-водных растений, таких как *Typha latifolia*, *Nuphar lutea*. Единично отмечена пыльца *Ephedra*. Появляется пыльца *Plantago*. Среди спор определены *Polypodiaceae*, *Equisetum*, *Bryales*, *Lycopodium clavatum*. Появляются водоросли *Pediastrum*, среди которых определены *Pediastrum boryanum*, *kawraiskyi*, *miticum*. Встречаются зоостатки. Единично определена амеба. К концу зоны появляются споры грибов *Glomus*.

росли *Botryococcus braunii*. Продолжают встречаться остатки фауны, также единично отмечена амеба.

мата. Рассматриваемая территория была в это время частью крупного олиготрофного приледникового Воже-Лачинского озера [1]. Растительность представляла собой открытые ландшафты с тундростепными сообществами, представленные полынно-злаковыми группировками с включениями эфедры, дриады, камнеломок. Увеличение значения древесных пород в развитии растительного покрова во второй половине зоны фиксирует начало голоценового периода. Получают распространение березовые леса. Время формирования описанных слоев можно отнести к позднему дриасу и пребореальному периоду.

С началом накопления илов (**палинозона 2**) наступает теплый и влажный период. Появляются и получают широкое распространение березовые леса. Затем появляются постепенно сосновые и елово-пихтовые леса. Сокращаются площади распространения открытых ландшафтов. При этом перигляциальные виды еще присутствуют. Появление макрофитов свидетельствует об увлажнении климата. Появляются и широко распространяются разные виды зеленых водорослей *Pediastrum*. Также появляются травы, предпочитающие влажные местообитания, такие как *Filipendula*, *Polygonum amphibium*. Присутствие *Typha latifolia* говорит о значительном увеличении летних температур. Появление рудеральных видов и грибов *Glomus* сопровождается появлением человека на рассматриваемой территории. Начало формирования илов соответствует бореальному периоду.

На следующем этапе (**палинозона 3**) продолжают формироваться илы, однако насыщенность их макроостатками немного увеличивается. Распространение получают сосновые и еловые леса. По широкому распространению ели этот период можно сопоставить с так называемым «нижним максимумом ели», про который и ранее отмечалось [5], что, в отличие от остальной территории распространения последнего оледенения, где «нижний максимум ели» обычно соответствует аллередскому потеплению позднеледникового, в бассейне озера Воже максимальное развитие ели соответствует более позднему периоду. В нашем случае – атлантическому. Продолжают встречаться рудеральные виды. Климат становится немного суше. Исчезают макрофиты. Из трех видов зеленых водорослей *Pediastrum* остается один – *Pediastrum kawraskyi*, что подтверждает изменения ландшафтно-климатической ситуации.

Дальнейшее формирование торфяника (**палинозона 4**) связано с процессами заболачивания, которые в это время были широко распространены в бассейне озера Воже. Процессы торфонакопления начались в суббореальном периоде и на стоянке Караваиха 4 [3] и на территориях других стоянок бассейна озера Воже [5]. В отличие от других районов Северо-Запада России площадь еловых лесов вокруг стоянки Погостище 15 сокращается. Здесь распространение получили сосново-березовые леса. Очевидно, что это связано с локальными условиями. Возможно, это связано с пожарами на рассматриваемой территории. Большую часть территории стоянки занимают папоротники.

Следующий период (**палинозона 5**) связан с некоторым восстановлением еловых лесов. Наступает некоторое увлажнение климата. Вновь в составе тра-

вянистого покрова появляются виды, предпочитающие влажные местообитания. Однако судя по верхнему почвенному слою, сформировавшемуся в современный период, травянистый покров немного меняется. Очевидно, это связано с понижением уровня реки и осушением территории стоянки, которая в начале субатлантического периода подтапливалась. В отличие от поверхностных проб озера Воже [8], хорошо отражающих характер современной растительности, палиноспектры современного почвенного слоя стоянки Погостище 15 показывают примерно равное соотношение древесных и травянистых пород. Похожая ситуация была на рассматриваемой территории в позднеледниковье (**палинозона 1**). На сегодняшний день это объясняется антропогенным фактором.

В результате проведенного исследования мы получили в основном узколокальные черты развития рассматриваемой территории. Даже в районе стоянки Караваиха 4, расположенной примерно в 14 км к северо-востоку от Погостища, ландшафты имели немного другой облик. Для Погостища характерно очень низкое развитие широколиственных пород. Отмечен наиболее низкий процент участия широколиственных пород в древостое – 0,4%. Отмечен лишь вяз. Однако один из самых низких процентов широколиственных пород для оптимума голоцена, отражающий региональные черты, отмечен также и для палиноспектров озер Вологодской области – 1–4% [9]. Характерной чертой стоянки Погостище 15 является также существенное отличие современной ландшафтно-климатической ситуации от палеообстановки первой половины субатлантического периода.

Выводы. В результате получены данные изменения природной среды за период поздне-последнеледниковья. В период позднеледникового на рассматриваемой территории существовал крупный приледниковый водоем с перигляциальной растительностью по его берегам. В дриасе и пребореале, происходило отложение глины и песка. В бореальном периоде начинается отложение ила небольшого мелководного озера, к этому же времени относятся мезолитические находки и антропогенное воздействие. Очевидно, это было небольшое старичное озеро, на берегу которого жили люди. Учитывая, что основной горизонт залегания находок приходится на нижнюю половину слоя озерного ила, можно определить время существования памятника бореальным периодом. Далее, с потеплением климата атлантического периода, продуктивность водоема увеличивается и начинается заболачивание озера. Формируется слой торфянистого ила с высоким содержанием макроостатков. Дальнейшее заболачивание водоема и образование торфяника происходит в суббореальном и субатлантическом периодах.

Памятник Погостище 15 расположен, как указывалось выше, около подошвы склона надпойменной террасы. Несомненно, основным местообитанием людей во все времена была относительно высокая и сухая площадка (т.е. надпойменная терраса), там, где располагалась впоследствии дер. Погостище. В бассейне озера Воже такие повышенные места единичны, здесь преобладают низкие заболоченные берега, поэтому на всех даже небольших возвышениях-

суходолах обнаружены древние, как правило, много-комплексные поселения, на которых в одном слое имеются материалы разных эпох. На месте деревни Погостище (на террасе) известно несколько археологических памятников – Погостище I, IV, V [6], содержащих материалы от эпохи мезолита до XX в. Способ существования обитателей данного места во все исторические и археологические эпохи так или иначе был связан с Модлоной, но также и с небольшими озерами, существовавшими в пойме реки в разные времена. В бореальный период такое небольшое мелководное старичное озеро было расположено в пойме реки в районе северной окраины существовавшей здесь в последующем большой деревни. На берегу данного озера осуществлялась хозяйственная деятельность древних обитателей памятника Погостище 15. После того как озеро потеряло сток и заболотилось, заторфовалось, жизнь на террасе не прекратилась, о чем свидетельствуют редкие находки в слое черного торфа, перекрывающего слой оливкового ила, а также находки из коричневого торфа и деревенского слоя, но последующие обитатели уже использовали другие подходы к воде для осуществления хозяйственной деятельности.

Литература

1. Квасов, Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы / Д.Д. Квасов. – Ленинград, 1975.
2. Косорукова, Н.В. Исследование торфяникового памятника Погостище 15 в бассейне озера Воже в 2015 г. / Н.В. Косорукова // Археология Севера / ред. А.В. Кудряшов. – Череповец, 2015. – С. 11–18.
3. Косорукова, Н.В. Природное окружение древнего человека эпохи каменного века в бассейне озера Воже по материалам стоянки Караваиха 4 / Н.В. Косорукова, Т.В. Сапелко // Ученые записки ЧГУ / гл. ред. Н.П. Павлова. – Череповец, 2015. – № 2. – С. 44–49.
4. Кулькова, М.А. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований: учебное пособие для педагогических учебных заведений по направлению «050100 – Естественнонаучное образование» / М.А. Кулькова; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ, 2012. – 152 с.
5. Лисицына, Г.Н. Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне озера Воже / Г.Н. Лисицына // Сборник по археологии Вологодской области. – Вологда, 1961. – С. 163–204.
6. Макаров, Н.А. Средневековое расселение на Белом озере / Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.П. Бужилова. – Москва: Языки русской культуры, 2001. – 495 с.
7. Марков, С.В. Исследование торфяникового памятника Погостище 15 в бассейне озера Воже в 2016 г. / С.В. Марков, Н.В. Косорукова // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: доклады 19-й научной конференции. – Сыктывкар: Геопринт, 2016. – Т. XIX. – С. 169–176.
8. Хомутова, В.И. Пыльца и споры в донных отложениях озер Воже и Лача / В.И. Хомутова // Гидрология озер Воже и Лача (в связи с прогнозом качества вод, перебрасываемых на юг) / под ред. И.М. Распопова. – Ленинград, 1978. – С. 236–254.
9. Хомутова, В.И. Спорово-пыльцевые спектры донных отложений озер Северо-Запада Русской равнины и их значение для палеолимнологии / В.И. Хомутова // Позднекайнозойская история озер в СССР. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 128–132.

N.V. Kosorukova, T.V. Sapelko, M.A. Kulkova

ANCIENT PEOPLE'S ENVIRONMENT CHANGES IN THE STONE AGE IN THE VOZHE LAKE BASIN ON DATA OF THE SITE POGOSTISCHE 15

The article describes the environmental changes affecting ancient people existing on the Mesolithic peat site Pogostische 15 in the Vozhe Lake basin on the basis of palynological and geochemical analyses. The horizon of findings in the bedding of the lake silt can be referred to as the Boreal period when the forests of birch trees were widely spread. The sedimentation of cultural layer occurred in the shallow and weak flow oxbow lake.

Vozhe Lake basin, peat site Pogostische 15, Mesolithic, palynological and geochemical analyses, Boreal period.

Р.О. Исаев

*Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королёва*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСОБОЕ «ПОЛЕ» СУЩЕСТВОВАНИЯ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ

На современном этапе развития научные сообщества все чаще сталкиваются с фундаментальными вызовами, которые располагаются на стыке нескольких наук, или научных дисциплин. Это, в свою очередь, влияет на характер деятельности и содержание исследований внутри каждого конкретного научного сообщества. Ключевая проблема состоит в том, что научные парадигмы (в их классическом понимании) являются препятствием для полноценного развития междисциплинарных исследований. В данной статье мы прослеживаем процесс усложнения научной действительности и обращаем особое внимание на необходимость перехода научных сообществ от парадигм к метапарадигмам. Опираясь на социологические и философские работы современности, мы выделяем и описываем три конкретные задачи, которые являются основой любых междисциплинарных исследований. Особое внимание уделяется философской интерпретации концепта Пьера Бурдьё «научное поле». Научные разработки, сделанные в данном направлении, позволили нам сделать вывод о существовании особой действительности, где могут существовать и функционировать метапарадигмы.

Научные сообщества, парадигма, междисциплинарные исследования, научное поле.

Необходимо подчеркнуть, что деятельность научных сообществ направлена не только (и не столько) на решение узкоспециализированных задач, но и на разработку комплексных научных парадигм.

Точка зрения о том, что парадигма является основой любого научного процесса, была обоснована еще полвека назад известным ученым Томасом Куном в его работе «Структура научных революций». Он описал цикл жизни парадигмы от ее формирования («допарадигмальный» этап) до ее кризиса и последующей смены на более совершенную и современную парадигму. Парадигма (по Куну) – «это признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1, с. 193].

С течением времени Куновское понимание процесса развития научного знания совершенствовалось. Другими словами, если Кун говорил о парадигмах, то «новая школа» уже обсуждает необходимость создания метапарадигм. Для лучшего понимания того, что есть «метапарадигма», представим деятельность современных научных сообществ в виде огромного мозаичного панно, где существуют в гармонии сложные рисунки (теоремы, леммы, гипотезы, теории) и узоры различной красоты (научные открытия, опыты и пр.). Структуру этого панно задают научные парадигмы, сообщества, институты и их деятельность. В таком случае метапарадигмы – это взаимосвязь родственных парадигм, которые образуют комплексную систему знаний. Другими словами, панно – это сложная система, где связующими нитями являются метапарадигмы.

Вполне логичным будет предположить, что необходимость описания метапарадигм особенно остро ощущается в рамках социальных наук. Об этом пишет В.Г. Федотова, рассуждая о социально-гуманитарных аспектах философии науки: «Сегодня вопрос о парадигме сталкивается с двумя трудностями: 1) избрание масштаба исследования (идет ли речь о дисциплине, теоретическом построении известного ученого определенной специальности, обсуждается ли некоторой проблемы, или речь идет о социальных науках в целом), 2) перспектива многопарадигмальности, совершенно очевидно господствующая в социальных науках. При этом надо знать, каковы способы взаимодействия и совмещения многообразия, выявить метапарадигмы и обсудить плюрализм при взаимодействии “метапарадигм”, опираясь на историю философии и историю науки» [2, с. 277]. Здесь автор абсолютно ясно излагает мысль о том, что именно философия должна быть неким «мостом» при составлении и формировании той или иной метапарадигмы в контексте социальных наук.

В рамках изучения парадигм и их взаимосвязей, особняком стоит вопрос о том, как должны быть систематизированы парадигмы. Подобные дискуссии на эту тему начали появляться еще в прошлом веке после работы «Sociology. A Multiple Paradigm Science» (1975) известного социолога Дж. Ритцера. Он говорил о 4 уровнях социальной реальности, которые невозможно описать в рамках одной парадигмы [3]. Данная работа оказала влияние на научное сообщество, и с конца 70-х годов XX в. большая часть работ по общей социологической теории свелась к размышлению о

метапарадигмах. Вопрос о метапарадигмах и их месте в системе научного знания широко обсуждается в рамках социологии и по сегодняшний день. Так, например, о метапарадигмах пишет В.А. Ядов: «метапарадигмы – это системное представление о взаимосвязях между различными теориями, которое включает: а) принятие некоторой общей для данных теорий философской (“метафизической”) идеи о социальном мире с ответом на критериальный вопрос: что есть “социальное”? б) признание некоторых общих принципов, критериев обоснованности и достоверности знания относительно социальных процессов и явлений и, наконец, в) принятие некоторого общего круга проблем, подлежащих или, напротив, не подлежащих исследованию в рамках данной парадигмы» [4, с. 11]. Продолжая данную концепцию С.А. Кравченко выделяет и описывает пять парадигм, которые коррелируют с социологическими теориями в аспекте их временного появления и развития [5].

Вышеуказанные ученые пытались подойти по-разному к проблеме систематизации теорий и парадигм в социологии. Однако необходимо подчеркнуть, что данная проблема характерна не только для социологии, но и для междисциплинарных исследований в современном научном мире. Успешное осуществление любых междисциплинарных исследований предполагает *одновременное решение трех сложных задач*. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

1. *Методологическая задача* (или задача «методологии исследования»). Здесь мы акцентируемся на формировании предмета исследования, в котором объект необходимо отразить так, чтобы его «схватывали» средства всех участвующих в научном исследовании дисциплин, а результаты, полученные благодаря деятельности ученых, могли быть использованы в качестве дополнения к имеющейся «картине» самого исследования. Ключевым моментом здесь является то, что в рамках междисциплинарного исследования гипотеза (или теория) находится в положении постоянного изменения-дополнения. Разнообразный научный инструментарий позволяет рассмотреть проблему с разных точек зрения, которые не противоречат, а дополняют друг друга.

Кооперация методологических оснований в рамках междисциплинарного сотрудничества уже принесла множество качественно новых результатов. Например, уникальный в своем роде метод *case study* («метод кейсов») возник благодаря проблемным местам, которые выделили преподаватели Гарвардской бизнес школы [6, с. 47]. Сама проблема заключалась в том, что стандартные экономические методы не годились для «схватывания» бизнеса как особой сферы человеческого взаимодействия. Интересным фактом является то, что данный метод получил широкое распространение как за пределами США, так и за «пределами» экономической действительности. Метод кейсов активно применяется в социологии, политологии и даже в философии (в рамках кросскультурных исследований). Об этом пишет, в том числе, Л.А. Маркова: «...Междисциплинарные исследования философов науки и социологов в рамках *case studies* как бы воспроизводят в новых условиях основные особенности коллизий социального и логического науки классиче-

ской. Но если в классической науке, в науке Нового времени, такое разделение было естественным, соответствовало характеру естественнонаучного знания и способствовало успешному проведению исследований, как в области философии науки, так и в социологии и истории, то научная революция XX в. изменила ситуацию: появилась необходимость в самой структуре знания включить его историю, его происхождение, его начала. Междисциплинарные исследования философов науки сумели переключить внимание с дедуктивного ряда развития научных идей и с анализа структуры готового результата в конкретной области на взаимодействие сосуществующих научных дисциплин в процессе решения возникшей проблемы» [7, с. 215]. Иными словами, сотрудничество в рамках междисциплинарных исследований, с одной стороны, позволяет ученым создать и опробовать новые методы, которые, возможно, приведут к новым научным открытиям. С другой стороны, методологическая задача в контексте междисциплинарного исследования накладывает определенные обязательства на каждого ученого и на сообщество в целом. Об этом пойдет речь далее при рассмотрении двух других аспектов.

II. *Организационная задача*. Каким образом ученые из разных областей могут обмениваться данными и результатами и при этом не находиться в рамках одного института, кампуса или исследовательского центра? Одной из ранних и традиционных форм диалога (или полилога) между учеными была «научная переписка». С течением времени наука развивалась, а вместе с ней и технологии коммуникации. Научная переписка до сих пор возможна, но теперь в рамках «электронных почт», которые, естественно, быстрее, чем «почта» в ее классическом понимании. Кроме того, ученые могут общаться друг с другом с помощью социальных сетей, научных форумов и других площадок, которые являются открытыми для любого пользователя сети Интернет.

Необходимо подчеркнуть, что мы не считаем, что современные интернет-средства полностью обеспечивают организационную задачу в научных исследованиях. Наоборот, мы видим существенные проблемные области, которые мешают научным сообществам в полной мере реализоваться в рамках междисциплинарной кооперации.

Во-первых, это проблема безопасности хранения и передачи информации. Никто из пользователей сетью Интернет не гарантирован от «взлома». Поэтому ученые так бережно относятся к своим научным разработкам и стараются хранить их на бумажном носителе или патентовать. Современные научные институты и научные центры всячески стараются защитить работы своих ученых в правовом секторе, однако и это не гарантирует защищенности. Иначе говоря, все, что появилось в интернете, там и остается навсегда, и это невозможно контролировать.

Во-вторых, существует проблема открытости научной среды и ее достижений. В центре внимания непрекращающийся конфликт между авторитетными научными издательскими домами (среди которых «Elsevier», «Wiley» и «Springer») и «пиратскими» сайтами (среди которых «PLOS», «Sci-Hub» и др.). Суть конфликта заключается в том, что издательские дома

заинтересованы в продаже доступа к актуальным научным статьям, а «пиратские» сайты воруют эти статьи и предоставляют доступ бесплатно любому желающему. На стороне и одних и других выступают многие авторитетные ученые из разных научных сообществ, что говорит о разном понимании доступности и открытости науки в современном мире.

В связи с этим, мы утверждаем, что организационная задача в междисциплинарных исследованиях – это не только современные формы, которые используют ученые и научные сообщества для постоянной коммуникации. В широком смысле слова, организационный аспект – это совокупность средств по организации успешного междисциплинарного сотрудничества в рамках современных социальных и научных реалий. Данный аспект отвечает на вопрос: как должна быть организована деятельность конкретного научного сообщества в конкретной области и в конкретные сроки.

III. *Информационная задача.* Самым сложным остается вопрос об обеспечении передачи прикладных результатов междисциплинарного исследования в практику принятия решений и их технологического воплощения. Необходимо понимать, что деятельность любого научного сообщества можно рассматривать по-разному. С одной стороны, это наука ради науки. Заинтересованные исследователи работают в команде, чтобы проверить собственные предположения по поводу какого-либо явления. Ими движет интерес к собственному делу, личные амбиции и желание внести свой вклад в науку. С другой стороны, в большинстве случаев деятельность научных сообществ финансируется со стороны государства или частных компаний, которые заинтересованы в получении конкретного прикладного (!) результата. В связи с этим, информационная задача остается самой сложной с точки зрения ее реализации.

Резюмируя все вышесказанное, мы утверждаем, что междисциплинарные исследования являются особым полем для взаимодействия научных сообществ. Для его полноценного функционирования необходимо решение трех сложных задач, о которых мы говорили ранее в данной статье.

Говоря о научном поле нельзя не учесть вклад известного французского социолога и философа Пьера Бурдьё. Описывая общество как специфическое пространство, он вводит в оборот понятие «социальное пространство» и описывает входящие в него «поля» [8]. Структура таких «полей» задается соотношением сил между «агентами» (в нашем случае в роли таких агентов выступают ученые и исследователи), которые вовлечены в постоянную борьбу за «специфический капитал» (в нашем случае за авторитет внутри научного сообщества). Специфика же данного капитала заключается в том, что его ценность напрямую зависит от связи с конкретным полем. Для лучшего понимания данной мысли приведем простой пример. Аспирант, окончивший Кембриджский университет, обладает определенным статусом и авторитетом внутри Болонской системы образования и научного сообщества, но будет ли он обладать ими, если отправиться в Конго или Сомали? Естественно нет, так как он покинет «поле», которое образует сама Болонская

система, университеты, преподаватели, студенты и другие «агенты» научного поля. В случае подобного переезда аспирант из примера не потеряет знаний и компетенций, которые он приобрел в процессе обучения, однако он не сможет бороться за «специфический капитал», так как таковой отсутствует в вышеуказанных странах по объективным обстоятельствам.

В данном контексте возникает вопрос: а что такое же «поле»? Сам Бурдьё многократно использует данный термин в своей работе в самых различных комбинациях (поле религии, поле науки, поле власти, поле культурного воспроизводства и т.д.). С нашей точки зрения, лучше всего схватывает суть определение в интерпретации Н.А. Шматко: «Совокупность всех социальных отношений не есть нечто аморфное и однородное, но наделено обусловленной структурой. Данное обстоятельство привело П. Бурдьё к формированию понятия “поле”, понимаемого как относительно замкнутая и автономная подсистема социальных отношений. Поле – это место сил, относительно независимое пространство, структурированное оппозициями, которые нельзя свести к одной лишь “классовой борьбе”; оно есть особое место, где выражаются самые разнообразные ставки борьбы, но чаще всего в преобразованном виде, который делает их отчасти неузнаваемыми» [9, с. 37]. Действительно, конкуренция и столкновение интересов в науке не являются доминирующими процессами внутри поля (в отличие от того же спорта, где состязательность и борьба являются явными и неотъемлемыми элементами). Для научного поля более характерен другой процесс, который можно емко сформулировать в одной фразе: «не борьба ради выживания, а борьба ради преумножения». Другими словами, научное поле хранит опыт предыдущих лет, для собственного эффективного функционирования. Внутри научного поля устаревшие теории и взгляды не выставляются на смех, а имена некогда известных ученых не стираются из истории науки по истечению срока давности. Согласно точке зрения Бурдьё, поле – это место постоянного изменения, в котором прошлое, настоящее и будущее тесно связаны между собой, и только избранные («агенты») люди могут выступить в качестве представителей этого поля.

Резюмируя все вышесказанное, мы утверждаем, что междисциплинарные исследования являются особой сферой существования и развития научных сообществ. Это связано с темпом развития современной науки и теми вызовами, которые принимает на себя научное сообщество. Для решения многих современных задач и проблем необходим не просто научный подход, но и умение мыслить «на стыке» нескольких научных дисциплин. Такую возможность дают метапарадигмы, которые выводят междисциплинарные исследования на особенный уровень в рамках научного поля и, по сути, является их основой. Кооперация ученых из разных научных сфер со временем может привести к выделению нового отдельного сегмента в рамках науки и научного познания.

Мир движется по пути глобализации и этот курс не может не затронуть научную сферу. Узкоспециализированные научные методы, взятые по отдельности, отходят на второй план из-за возникновения гло-

бальных экономических, политических и социальных вызовов. Необходимы новые методы, которые будут охватывать большее количество новых сфер человеческой деятельности. Междисциплинарные исследования – это совершенно новая и перспективная форма деятельности в рамках анализа научного сообщества как самостоятельного объекта.

Литература

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва: Прогресс, 1977. – 300 с.
2. Федотова, В.Г. Социальная философия и науки об обществе / В.Г. Федотова // Актуальные проблемы философии науки. – Москва: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 274–293.
3. Ritzer, G. Sociology: a multiple paradigm science / G. Ritzer // American Sociologist. – 1975. – Vol. 10. – P. 156–167.
4. Ядов, В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследований российских трансформаций / В.А. Ядов. – Санкт-Петербург, 2006. – 112 с.
5. Кравченко, С.А. Социологическая теория: дискурс будущего / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2007. – № 3. – С. 3–12.
6. Гозман, О. Путеводитель по MBA в России и за рубежом / О. Гозман, А. Жаворонкова, А. Рубальская. – Москва: Begin Group, 2004. – 334 с.
7. Маркова, Л.А. Междисциплинарные исследования в контексте пространственных отношений / Л.А. Маркова // Философия науки. – 2005. – № 11. – С. 212–223.
8. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – Москва: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
9. Шматко, Н.А. Социоанализ Пьера Бурдьё / Н.А. Шматко. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 288 с.

R.O. Isaev

INTERDISCIPLINARY RESEARCH IS A PARTICULAR ‘FIELD’ OF THE EXISTENCE OF SCIENTIFIC COMMUNITIES

At the current stage of development, scientific communities increasingly face fundamental challenges located at the intersection of several sciences or academic disciplines. This, in turn, affects the nature of the activity and the content of research in every particular academic community. The main problem lies in the fact that the scientific paradigms (in the classical insight) serve as an obstacle to the full-scale development of interdisciplinary studies. In this article, the author traces the process of complication of scientific reality and places emphasis on the need of academic communities to move from paradigms to metaparadigms. Based on contemporary sociological and philosophical works, the author identifies and describes three specific objectives, which are the basis of any interdisciplinary study. Particular attention is paid to the philosophical interpretation of Pierre Bourdieu’s ‘scientific field’ concept. Scientific development made in this sphere has allowed the author to infer the existence of a particular reality, where metaparadigms can exist and function.

Scientific community, paradigm, interdisciplinary research, scientific field.

В.В. Тисов

Вологодский государственный университет

О ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

Данная статья описывает основные этапы развития понимания феномена сознания в новоевропейской философии. Рассматриваются взгляды на сознание таких крупных философов как Рене Декарт, Готфрид Лейбниц и Карл Маркс. Далее более подробно раскрываются основные идеи направлений философии сознания двадцатого века: их возникновение, главные тезисы, выдвинутые контраргументы. Упомянуты основные мыслители, относящиеся к этим направлениям. Особое внимание уделено функционализму и его разновидностям. Изложены отдельные тезисы Дэвида Чалмерса, касающиеся панпсихизма и его взглядов на возможный путь построения научной теории сознания – информационной теории сознания. Абстрактно показаны основные необходимые этапы развития этой теории, обозначены основные, актуальные на данный момент проблемы. После этого выдвинут тезис о том, что подобная теория, а также теория, предполагаемая Роджером Пенроузом, обладают теми же недостатками, что и актуальное научное знание, претендующее, с точки зрения отдельных мыслителей, на рассмотрение сознания в качестве своего объекта. Также выдвигаются аргументы онтологического характера о невозможности научного понимания сознания, во всяком случае без тех изменений бытия субъекта, что лежат за пределами его возможных интенций. Таким образом, делается вывод о том, что современная философия не обладает никаким определенным знанием о том, что надо предпринять для создания научной теории сознания, что, однако, не лишает упомянутую информационную теорию смысла.

Сознание, наука, функционализм, информация, панпсихизм, вычисление.

Феномен сознания интересует философов достаточно давно. Как именно оно соотносится с материальными процессами, материальным состоянием? Этот вопрос, также называемый психофизической проблемой, впервые был сформулирован Рене Декартом. Декарт последовательно придерживался дуалистического изоляционизма: дух и вещи существуют как формы различных субстанций, при этом реально не имеющие прямых каузальных связей, их кажущаяся взаимосвязанность есть лишь исходная синхронизация. Декарт объясняет это на примере двух часов, одни из которых звонят каждый час, а другие – нет. Смотря на вторые, скажем, в три дня, мы услышим звон, и можем подумать, что он порожден именно теми часами, что у нас в руках, хотя это не обязательно будет правдой. Так и у души и тела есть свой «часовщик», который гарантирует их работу и под которым Декарт, разумеется, имеет в виду бога. Надо сказать, что этот вывод несильно противоречил религиозному духу своего времени, и вместе с тем, приводил к выводам, которые можно назвать вполне научными. Если тело существует независимо от духа, то его строение можно изучить и описать как механизм, и, более того, на него можно влиять, и тем самым вызывать изменение и внутри духа, так как великий часовщик с начала времен это предусмотрел. В модели Декарта действия тела обусловлены рефлексам, создаваемыми нервной машиной с центром в мозге и нервными трубками, исходящими из него. Отсутствие достоверного знания об устройстве нервной системы вынудило его описывать на основе известных фактов о кровообращении [17].

Готфрид Лейбниц оперировал той же идеей о синхронизации, что и Декарт, но вместо дуализма он склонялся к существованию бесчисленного множества субстанций, которые он называл монадами. Принцип изоляции физического и психического при этом сохранялся: монады изначально синхронизуются и одновременно делятся на физические и духовные. Это разделение надо понимать не как онтологическое, а скорее с точки зрения того, как порождаемые этими монадами феноменами воспринимались в более традиционных для того времени дуалистических концепциях. При этом субстанциальная изоляция была более жесткой, чем у Декарта [17]. Интересен описанный мысленный эксперимент под названием «Мельница Лейбница», в котором предлагается представить машину, реализующую основные «психические» функции человека, размером с мельницу. Заглянув внутрь вы не найдете ничего, связанного с сознанием, а лишь множество шестеренок. Для Лейбница это был аргумент, подтверждающий изолированность физики и духа, но его также можно рассматривать несколько с другой стороны. Мы вернемся к этому эксперименту несколько позднее при формулировании тезисов данной статьи.

В восемнадцатом веке, впервые в новоевропейской философии проявился материалистический взгляд на сознание. Для Дени Дидро сознание было частным случаем ощущения, которое является «всеобщим свойством материи или продуктом ее организованности» [1, с. 387]. Позднее, в диалектическом материализме, можно встретить более определенное понимание сознания. Оно опирается на так называемое

мый феномен отражения. В сущности, это позаимствованная Карлом Марксом рефлексия Гегеля, интегрированная в диалектику материализма. Отражение есть свойство материи, материальный, объективный процесс, в ходе которого материя отражается в самой себе. По сути, с позиции марксизма фундаментальные законы физики есть попытка формализовать всеобщий закон отражения. Отражение обладает качеством, сознание же является проявлением закона отражения высшего качества. Таким образом, сознание – это естественное свойство материи. Маркс утверждал, что «разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме» [2, с. 380].

Впоследствии материалистический взгляд на сознание стал наиболее распространенным в академическом сообществе, так как он в большей степени отвечает парадигме науки, которая к этому времени не только обособилась от прочих видов знания, но и стала обладать непререкаемым авторитетом в академических социальных институтах.

Двадцатый век сделал проблему сознания актуальной как никогда ранее. Создание теоретической основы вычислительной техники и дальнейшая ее практическая реализация подтвердили взгляды многих философов и ученых Нового времени на человека как на особого рода машину. Успехи в разработке программного обеспечения и робототехники и сегодня делают вопросы о природе сознания все более актуальными. Может ли машина обладать сознанием? Что является основой для сознания? Теперь нам крайне важно не только изучить природу человеческого сознания, которым все люди конвенционально обладают, но и научиться определять наличие, качество и свойства сознания в материи другого типа.

В философии двадцатого века можно несколько основных направлений, занимавшихся проблемой сознания. Бихевиоризм говорит о том, что сам феномен сознания следует удалить как объект изучения и сосредоточиться на поведении, так как именно оно является объективным. Подобный взгляд позволил психологии оформиться как науке. Несмотря на многочисленные позитивные прикладные следствия этого похода, все же многие ученые сегодня сходятся во мнении, что он привел психологию в стадию кризиса, так как изучаемый объект во многом себя попросту исчерпал. В сущности, бихевиоризм не является концепцией сознания.

Теория идентичности, также называемая редукционным физикализмом, пытается установить соответствие между физической основой и феноменальным сознанием. Она была создана психологом Эдвином Борингом. Суть теории замечательно описывается ее сторонником Уллином Плэйсом: «Два события, которые всегда происходят в одно и то же время, в одном и том же месте, без каких-либо пространственных и временных различий являются не двумя, а одним и тем же событием» [15]. Соответственно, сознание полностью исчерпывается состояниями мозга, который его порождает, и мы можем изучать сознание напрямую в физических терминах. Популярность этой концепции пошла на спад начиная с 70-х годов. Это явилось следствием ряда аргументов, в частности, аргументации о множественной реализации сознания.

Многие, а вероятно, и все, аспекты человеческого поведения могут быть воспроизведены на электронной вычислительной машине или другом участке материи, который на низком физическом уровне имеет кардинально иную природу, нежели человеческий мозг, и это бы означало, что различные реализации одного логически идентичного сгустка материи порождали бы различное сознание, если второй случай порождал бы сознание вообще. В частности, это противоречит взгляду психологии на то, что сознание определяется поведением. Также против теории идентичности говорит качественное представление сознания. Квалиа – термин, введенный для различения ощущений. Это некоторый класс эквивалентности, задающий соответствие, например, возникающим в сознании звукам дверного звонка, ощущаемых в различные временные моменты. В 1982 г. Фрэнк Джексон опубликовал статью под названием «Epiphenomenal Qualia» журнала «The Philosophical Quarterly», в которой он описывает мысленный эксперимент под названием «Mary's Room» [11]. Джексон предлагает представить исследовательницу феномена цвета по имени Мэри, всю свою жизнь проводившую в черной комнате. Мэри знает всю физическую информацию о цвете, какую только можно получить и как именно сигнал от сетчатки глаза до мозга, как он далее влияет на конкретные нейроны мозга. Джексон задает вопрос – что же произойдет, если Мэри выпустят из ее комнаты? Узнает ли она что-нибудь новое. Поскольку исследовательница определенно испытает новое квалиа, то ответ – да. Это означает, что квалиа – объект внутри сознания, который не поддается физическому описанию. Физикализм не следует путать с материализмом, как это иногда происходит. Материалист может отрицать физикализм, так как материя может существовать по тем законам или порождать те феномены, которые не описываются текущим языком физики. В такой формулировке оптимистично допускается возможность принципиального развития языка физики и, соответственно, обращение физикализма в истинностное утверждение в неопределенном будущем [12].

Функционализм решает проблему описания множественной реализации, с которой не справляется теория идентичности. Функционализм говорит о том, что есть некоторые функциональные связи материи, которые и порождают сознание. Формулировка достаточно размыта, поскольку в действительности функционализм представлен обширным семейством направлений. Функционализм конечных автоматов (Хиллари Патнэм) пытается объяснить сознание и его причины в терминах теоретических вычислительных абстракций [16]. Психо-функционализм (Джерри Фодор, Зенон Пылышин) говорит о том, что рассматриваемое психологией поведение и есть та самая функция, причем оно, хоть и сложно, но принципиально нередуцируемо к каким-то более простым феноменам [6]. Аналитический функционализм (Дэвид Льюис) в целом следует традициям британской философии языка и пытается обосновать сознание в терминах естественного языка и логики. Механистический функционализм (Гвальтеро Пиччинини, Карл Джиллет) пытается рассматривать сознание как реа-

лизацию определенного механизма [13]. Нед Блок и Джон Серл выступили критиками функционализма со своим мысленными экспериментами «Китайская нация» [4] и «Китайская комната» [18]. Несколько разными способами тот и другой эксперименты доказывают несостоятельность функционализма путем постулирования свойства абсурдности для ситуации, когда элементы, исполняющие сознательную функцию сами априори обладают сознанием. Дениел Деннет ответил на эту критику тем, что сами эти доказательства имеют исключительно интуитивную природу и поэтому не являются вескими. Деннет допускает супервентность одних ментальных свойств над другими, таким образом, сознание на одном и том же участке материи может проявляться как феномен – множественно [9]. Функционализм в некоторых формах также успешно справляется с аргументом о «Комнате Мэри», так как в его рамках вполне уместно допустить, что эти функции не описываются в физических терминах.

В 1995 году Дэвид Чалмерс опубликовал статью «Facing up to the Problem of Consciousness» в журнале «Journal of Consciousness Studies» [7], а в следующем году он развивает ее и так появляется на свет книга «The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory» [8]. Чалмерс убедительно обосновывает несостоятельность физикализма, показывая, что методы современной науки неспособны рассматривать сознание, так как двойник нашего мира, лишенный, однако, сознания не только логически непротиворечив, но и непротиворечив относительно наборов физических свойств науки. Следовательно, сознание – не факт, редуцируемый к каким-то известным свойствам материи, а новое естественное, но не формализованное свойство. Также, если мы будем искать в физике некоторый коррелят сознания, некоторый своеобразный «психон», то мы не сможем достоверно никогда установить является ли рассматриваемая частица им или нет. Это возвращает нас к аргументу Лейбница: что бы мы ни рассматривали в качестве «мельницы», сказать, что из этого является «психоном» возможным не представляется. Соответственно, единственной доступной для нас возможностью принять сознание в наше знание является панпсихизм. Панпсихизм – концепция, согласно которой сознание, как естественное свойство, присуще любой материи. Это вполне укладывается как в марксистское представление сознания, так и в версию функционализма, рассматриваемую Деннетом. То есть сознанием обладает как мозг человека, так и любая его часть, так и все человеческое тело, так и все человечество и, например, вся планета Земля. Однако все эти сознания будут принципиально разного вида. Но что же, в таком случае, определяет качество материального отражения? Чалмерс отвечает, что, в его понимании, сущность информации является как раз тем, что обосновывает феномен сознания. Качество обработки этой информации, то, что определяет свойства возникающего сознания. Это, в определенной мере, роднит Чалмерса с функционализмом конечных автоматов. Проблема в том, что способ измерения качества этой обработки до сих пор остается абсолютно неизвестным. Дэвид Чалмерс с энтузиазмом говорит о возможности по-

строения именно научной теории сознания. Для этого, похоже, необходима смена научных парадигм и введение принципиально новых научных методов. Схожую точку зрения занимает известный ученый Роджер Пенроуз. Не разделяя панпсихистских взглядов и делая ставку на природу снятия квантовой неопределенности, он, тем не менее, также говорит о создании новой физики, которая позволила бы рассматривать сознание как научный объект [14].

Но все же какие шаги необходимо предпринять, чтобы создать научную теорию сознания? Как нам ввести критерий, который отделял бы действительную теорию сознаний от тех, что рассматривают лишь сознательные корреляты, как это делают физика или психология? Попробовав последовать за мыслями Чалмерса, можно относительно конкретно описать необходимые шаги в создании и развитии теории интеграции информации, которая, по его мнению, претендует на звание искомой теории. Для этого необходимо формализовать понятие информации таким образом, чтобы выполнялось как минимум несколько условий.

1. *Когерентность определения информации с его актуальным использованием в технической сфере.* Информация со времен начала своего использования в инженерии обросла серьезной теоретической базой, которая при этом, как ни странно, четкого ответа на вопрос о том, что такое информация, не дает. Тем не менее, если мы будем пытаться объяснить этот факт, то наши нововведения не должны вступать в противоречие с имеющимся знанием. В противном случае это уже нельзя называть *информационной* теорией сознания.

2. *Оно должно допускать возможность множественной реализации идентичных сущностей.* То есть должен присутствовать некоторый класс эквивалентности, который говорит о некотором роде тождественности информационных состояний, которые ведут к одинаковому поведению. В противном случае такая теория будет обладать теми же недостатками, что и теория идентичности типов.

3. *Понятие информации должно объяснять фрактальную природу сознания (в функционализме).* Так как одному и тому же набору свойств могут соответствовать два различных набора ментальных свойств разного масштаба, как в эксперименте «Китайская нация», то и эквивалентное качество этой информации также должно реализовываться при рассмотрении обоих этих масштабов.

4. *Информация должна быть присуща любой материи.* Это, в каком-то смысле, минорное требование, обусловленное признанием панпсихизма.

Далее следовало бы определить, чем же является это самое «качество» информации. Его явно можно отождествить с качеством отражения материи в диалектическом материализме. Но так как отражение есть процесс и сознательный феномен есть результат движения материи, то оценивать нужно качество не конкретного информационного состояния, но качество его изменения.

Опубликованная в 2003 году физиком Эдвардом Фредкином работа «An introduction to Digital Philosophy» в «International Journal of Theoretical Physics»

рассказывает о направлении под названием «Цифровая философия» [10]. Согласно этой концепции термины вычислительной техники являются основополагающими для понимания устройства Вселенной, а Вселенная, в сущности, – клеточный автомат, а пространство и время – дискретны. В этом смысле отражение – есть вычисление, дискретный перевод Вселенной из одного состояния в другое. Полагаю, свойство дискретности на самом деле не является принципиальным, и вполне возможно рассматривать континуальные вычисления. Некоторые сторонники цифровой философии, такие как Никлас Бостром с работой «Are You Living in a Computer Simulation?» [5], ведут к тому, что это сходство говорит о высокой вероятности того, что мы и вся Вселенная есть порождение вычислений некоторого компьютера. Однако следует обратить внимание скорее на возможность другого вывода: создание человеком понятий, использованных при создании вычислительной техники, является наиболее естественным по той причине, что только на их основе можно создать подобный механизм и это является одним из самых интересных проявлений закона отражения: то, как закон отражения отражает сам себя. Впрочем, не стоит идеализировать этот аспект. Вследствие разницы между классами вычислимого для людей и формальных систем, можно сказать, что отражение в данном случае неидеальное.

Таким образом, одной из задач построения теории видится определение качества вычисления, представляемого отображением из одного пространства информации в другое. Этот подход близок к тому, что описывается в функционализме конечных автоматов, однако очевидно, что в рамках известной нам формализации алгоритма это лишь определенной точности аппроксимация по причине все той же разницы классов вычислимости.

Качество вычисления – это некоторый заданный в пространстве всех вычислений порядок, позволяющий сравнить любые два вычисления на «больше»/«меньше»/«равно». Определение такого термина позволило бы не только сравнить такие события, как пустое вычисление, численное решение интеграла, поведение чат-бота, имитация роботом человеческой деятельности в узконаправленной сфере и, собственно, вычисления, происходящего внутри мозга человека. Эта характеристика в таком виде и окажется порядком сознания.

После прохождения этого пути, построение основ информационной теории сознания кажется законченным. Но что же явилось его объектом? Если представить наименьшие информационные элементы, что они будут собой представлять? У нас нет другой возможности, кроме как формировать их на основе некоторых замеров, и минимальный возможный замер для нас – это замер состояния фундаментальной частицы. Соответственно, любые информационные свойства в рамках такой теории будут супервентны на существующем физическом описании, и из ложности физикализма в контексте описания сознания также будет следовать, что объектом такой теории является вовсе не сознание. Это, разумеется, не говорит о том, что такая теория не имеет смысла – построенная таким

образом теория информации, определенно, имеет высокое, как философское, так и прагматическое, значение, поскольку позволяет ввести хоть какую-то формализованную аппроксимацию физических коррелятивов сознания.

Пенроуз предлагает свой подход к построению теории сознания. Предположение заключается в том, что сознание продуцируется квантовыми процессами, происходящими в микротрубочках нейрона, а отсутствие сознания в научной картине мира обуславливается невычислимой природой этих процессов. Соответственно, построение иной теоретической базы для алгоритмов, такой, чтобы нивелировать разницу между вычислимыми классами, позволит включить сознание в объект физики. С точки зрения математического знания необходимо провести колоссальную работу, так как алгоритмическая невычислимость порождена логической аксиоматикой современной математики. Это ставит колоссальной сложности задачу. Но при этом выходит, что Пенроуз пытается локализовать сознание, его идея, в общем-то, антропоцентрична, проблемы чего ярко показаны в работах Чалмерса: ни на каких психопах теорию сознания определенно не построить.

Каковы же тогда перспективы для именно научной теории сознания? Ведь психология смогла стать наукой только тогда, когда выбросила сознание и переклонила на поведение. Причина этой проблемы видится в онтологическом разделении на субъективное и объективное. Сознание как феномен тождественно субъективному бытию. Все известные объекты науки находятся в объективном бытии. И надо понимать, что это не некоторое изолированное разделение – субъективное и объективное активно взаимодействуют, и мы обнаруживаем крепкую связь между ними, если конечно не принимать идеалистические взгляды Декарта и Лейбница. Но, исходя из особенностей нашего сознания, признания обманчивости ощущений и несовершенства мышления, мы приходим к экзистенциальному заключению о том, что объективная реальность, объективное бытие – есть лишь модель, навязываемая нам природой нашего субъективного бытия. Как сказал Жан-Поль Сартр: «Существование предшествует сущности» [3, с. 320]. Сама наука есть нечто внутри объективного, создаваемая субъективным. Это ни в коем случае не является отрицанием материализма, он представляется вполне возможным, но материя и реальность обладают трансцендентными свойствами. Исходя из сказанного, вопрос о возможности создания научной теории выглядит так: «Является ли область объективного, под названием “наука” достаточно мощной, чтобы описать, очевидно, более широкий феномен субъективной реальности?».

Возможно, нам надо пересмотреть наши текущие научные парадигмы и ввести какие-то принципиально новые методы, тем самым несколько расширив науку? Гипотетически, основываясь на нашей рассмотренной ранее информационной теории и оптимистичном взгляде на перспективы технологического развития, мы могли бы предположить потенциальную технологию, которая позволила бы переносить личность человека на произвольный носитель (компьютер, животное, другой человек или даже нечто обычно рас-

смаатриваемое как неодушевленное). После отправки исследователя в сознающий субъект и возвращения его обратно можно было бы исследовать пережитый им опыт с данного им словесного описания. Но, очевидно, перенесенный опыт будет у исследователя в виде измененной памяти, так как достоверное присутствие сознания у нас есть лишь в конкретный момент, а действительный факт сознания в прошлом стерт или никогда не существовал. Сознание, несмотря на свою обширность и содержание внутри всего прочего доступного бытия, постоянно ускользает от нас, когда мы пытаемся качественно с ним соприкоснуться.

Похоже, что мы сидим в кинотеатре (особенно, если вы – сторонник детерминизма), и все, что у нас есть, – это лишь изображение на полотне, которое не говорит нам ничего о том проекторе, что определяет свойства этого изображения. А попытка объективного исследования этого проектора – поиск проекторов на видимой картинке. Но у нас нет никаких гарантий того, что те аппараты, что мы наблюдаем, действительно соответствуют тому аппарату, что ответственен за наши ощущения, так как он всегда остается за кадром. Если такая ситуация есть следствие природы нашего бытия, то возможностью выхода из этого тупика было бы само изменение нашей природы – если определение нашей трансцендентности тождественно классу вычислений, происходящих в материи, продуцирующей наше сознание, то внесение в него информации, порождающей ранее недоступные для него вычисления, могло бы сдвинуть границу трансцендентного. Так как понимание нами наших процессов мышления далеко от качественного, у нас еще остается небольшая надежда на то, что эти изменения самих себя доступны в наших актуальных намерениях. Но это только если такой род вычислений действительно может быть.

Философия сознания проделала немалый путь и, в итоге, философы стали пытаться двигать эту область навстречу науке. Столетия рассуждений отточили понятийный аппарат, указали многие принципиальные возможности и невозможности, сузили спектр возможных поисков исходного ключа, а технологическое развитие двадцатого века подняло актуальность принципиально новой возможности исследования если не самого сознания, то его соответствий физическому пространству. Последние десятилетия показали перспективы панпсихизма, функционализма и информационного подхода. Давать конечный ответ на вопрос о возможности построения научной теории сознания было бы слишком самонадеянно, однако аргументов «против» гораздо больше, чем аргументов «за» и конкретных путей, по которым можно было бы

пойти, не видно. Тем не менее энтузиазм вокруг «информационной теории информации» не следует сбавлять – подобный подход может оказаться качественным обогащением как философского, так и научного знания. Философия сознания же также еще располагает многими неисследованными областями, а, конкретно, функционализм в своем движении может прийти к симбиозу с онтологией информации.

Литература

1. Дидро, Д. Сочинения: в 2 т. / Д. Дидро. – Москва: Мысль, 1986. – Т. 1. – 592 с.
2. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т.1. – 699 с.
3. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – Москва: ПолитИздат, 1989. – С. 319–344.
4. Block, N. Troubles with functionalism / N. Block // Minnesota Studies in The Philosophy of Science. – 1978. – № 9. – P. 261–325.
5. Bostrom, N. Are You Living in a Computer Simulation? / N. Bostrom // Philosophical Quarterly. – 2003. – № 53 (211). – P. 243–255.
6. Chalmers, D.J. Connectionism and Compositionality: Why Fodor and Pylyshyn Were Wrong / D.J. Chalmers // Proceedings of the Twelfth Annual Conference of the Cognitive Science Society, 1990. – P. 340–347.
7. Chalmers, D.J. Facing Up to the Problem of Consciousness / D.J. Chalmers // Journal of Consciousness Studies. – 1995. – № 3. – P. 200–219.
8. Chalmers, D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory / D.J. Chalmers. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2002. – 432 p.
9. Dennett, D. Consciousness Explained / D. Dennett. – New York: Back Bay Books, 1992. – 528 p.
10. Fredkin, E. An introduction to Digital Philosophy / E. Fredkin // International Journal of Theoretical Physics. – 2003. – № 42 (2). – P. 189–247.
11. Jackson, F. Epiphenomenal Qualia / F. Jackson // Philosophical Quarterly. – 1982. – Vol. 32, № 127. – P. 127–136.
12. Jackson, F. What Mary Didn't Know / F. Jackson // Journal of Philosophy. – 1986. – Vol. 83, № 5. – P. 291–295.
13. Gillet, C. A Mechanist Manifesto for the Philosophy Of Mind: The Third Way for Functionalists / C. Gillet // Journal of Philosophical Research. – 2007. – № 32. – P. 21–42.
14. Penrose, R. The Emperor's New Mind / R. Penrose. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. – 480 p.
15. Place, U. Is Consciousness a Brain Process? / U. Place // British Journal of Psychology. – 1956. – № 1. – P. 44–50.
16. Putnam, H. Minds and Machines/ H. Putnam // Journal of Symbolic Logic. – 1960. – № 1. – P. 57–80.
17. Russell, B. History of Western Philosophy / B. Russell. – New York: Simon And Schuster, 1972. – 835 p.
18. Searle, J. Minds, brains and programs / J. Searle // Behavioral and brain sciences. – 1980. – № 3. – Т. 3. – P. 417–424.

ON THE PROBLEM OF CONSTRUCTION THE SCIENTIFIC THEORY OF CONSCIOUSNESS

This article describes the main development stages of understanding the phenomenon of consciousness during the period of New Philosophy. The views of such major philosophers as Rene Descartes, Gottfried Leibniz and Karl Marx are presented. Then the main ideas of the philosophy of consciousness of the twentieth century are revealed in more detail: the facts about their appearance, the main theses, and counterarguments. The key philosophers, who belong to these spheres, are mentioned. Special attention is drawn to the functionalism concept and its types. Also, there are theses about David Chalmers' view on panpsychism and the possibility of building up a scientific theory of consciousness on the basis of information. The main stages and actual problems of this theory are abstractedly stated. There is a thesis that this theory, as well as Roger Penrose's theory, has the same weaknesses as the current science. Then the author offers ontological arguments about the impossibility of the scientific understanding of consciousness. Consequently, the modern philosophy has no certain knowledge about a scientific theory of consciousness, with the effect that the informational theory of consciousness is meaningless.

Consciousness, science, functionalism, information, panpsychism, computation.

«ШЕКСПИР» И.О. ШАЙТАНОВА: ОБСУЖДЕНИЕ

Шайтанов И.О. Шекспир. М.: Молодая гвардия, 2013. 474 с.
(Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1425)

УДК 821.111

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

О ПЕРВЫХ ОТКЛИКАХ НА КНИГУ: ШАЙТАНОВ И.О. «ШЕКСПИР»

Книга об Уильяме Шекспире в серии «Жизнь замечательных людей» И.О. Шайтанова вызвала моментальные доброжелательные отклики: подписана в печать 22.04.2013 – и в июле-августе в прессе выходят четыре профессиональные рецензии. В 2014 году наступила очередь откликов в университетских и литературных российских журналах. Данное вступительное слово к нынешней дискуссии восстанавливает хронологию событий.

У. Шекспир, И.О. Шайтанов, серия «ЖЗЛ», В. Иванов.

Есть своя логика и в непосредственном по выходе книги обсуждении, и в возвращении к книге спустя некоторое время, как в нашем случае. Просматривая «Литературные итоги 2016 года», я обратила внимание на мысли Евгения Абдуллаева. В ответ на просьбу назвать самые значительные книги года он выразил и мое ощущение: «Как-то получилось, что книги, которыми зачитывался, вышли не в шестнадцатом, а год-два раньше. И большей частью – нон-фикшн» [5]. Среди названного им – «и замечательный “ЖЗЛ”-овский “Шекспир” Игоря Шайтанова (“Молодая гвардия”, 2013) – самое увлекательное повествование о “Великом барде” из мною читанных. И самое убедительное обоснование “стрэтфордианской” точки зрения – что Шекспир был именно Шекспиром, а не... (список “претендентов”, как известно, велик)» [5]. Еще раз подумалось о том, что книгу можно и нужно обсудить. Ее, наконец, прочитали не торопясь – вдумчиво, со вкусом.

Серия «Жизнь замечательных людей» любима многими поколениями читателей. Неудивительно, что на выход книги пресса отреагировала сразу.

В июле 2013 года журнал «Читаем вместе» опубликовал, насколько я знаю, первую рецензию на книгу [3]. Валерий Иванов (имя пришлось спросить в редакции журнала) очень точно назвал возможные для авторов «ЖЗЛ» «искушения» и – устойчивость к ним И.О. Шайтанова. Он отказался от традиционного приема большинства биографов – «создавать под книжной обложкой некое подобие музейной экспозиции». Не разделил «пафос собирателя и сопоставителя всяких разных “чудом сохранившихся” документальных крупниц ради подтверждения или опровержения какой-либо гипотезы». Не затянул его «такой бездон-

ный омут сомнений и сенсаций, как пресловутый “шекспировский вопрос”». «Не захотелось автору отличиться и сразить сомневающихся “а был ли Шекспир?” каким-нибудь новым, лично отысканным, неопровержимым доказательством». Не прельстила практикуемая в тот момент западная тенденция написания биографии «фрагментарно, сценами, используя стихийное скопление достоверных материалов вокруг отдельных, особо ярких событий, где жизнь героя переплелась с фактами большой истории» [3].

Проницательно обозначив не сработавшие в данном случае «ловушки», автор рецензии останавливается на постулате, принципиальном для Шайтанова: «Речь не о том, чтобы в пьесах, поэмах и сонетах угадывать прямое отражение жизненных ситуаций. Речь о другом – о том, что творческая эволюция, явленная в этих произведениях, вписывается только в одну биографию, сколь тонкой ни была бы ее документальная основа, – в биографию того, кто родился в Стрэтфорде-на-Эйвоне. Под грузом творчества биографическая основа не рвется – напротив, укрепляется, обретая человеческую реальность» [3].

Мысль об укорененности творчества лондонского драматурга в биографии уроженца Стрэтфорда-на-Эйвоне проходит в книге красной нитью, поэтому естественными противниками книги должны стать антистрэтфордианцы.

В. Иванов точно назвал круг потенциальных читателей книги – «очень искушенных и подготовленных»: «Сопоставления реплик на языке оригинала, ссылки одновременно на нескольких авторов в границах одного предложения, стремительно пронизывающие броски мысли, перекликающиеся в произведениях поэтов и драматургов разных стран и времен – это

никак нельзя назвать легким чтением. Высокая эрудиция автора требует от читателя быть в тонусе, в готовности к любой неожиданности» [3].

Книги в Вологде еще не было, а рецензия Валерия Иванова уже звала к чтению. Как и все последующие – очень профессиональные рецензии.

1 августа выходят сразу два интересных материала. «НГ-Exlibris» опубликовал «Пока лес не двинулся на холм» Алисы Ганиевой [2].

Евгений Бержеларский в рецензии «Про Вильяма нашего...» (журнал «Итоги») точно заметил, что, «написав биографию, Шайтанов попутно создал и крепкий филологический детектив» [1].

28 августа в «Российской газете» вышел шедевр жанра рецензии – «Ускользающий гений» Михаила Швыдкой [9].

В 2014 году откликнулись преподаватели в университетских журналах, и в eLibrary эти статьи легко найти.

Александр Евгеньевич Лобков, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, написал рецензию «Жизнь – ускользающая тень...» [6].

Ольга Григорьевна Сидорова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Уральского федерального университета, рассмотрела две биографии классиков английской литературы, которые вышли на русском языке в 2013 году: Джейн Остин (Томалин К. Жизнь Джейн Остин) и Шекспира [7].

Дмитрий Анатольевич Иванов, кандидат филологических наук, для шекспировского выпуска «Иностранной литературы» написал, на мой взгляд, осторожную рецензию «Новый Шекспир». Не излишне ли он опасается «противоречащих предположений» (они реально существуют) и не переоценивает ли «однозначную последовательность» (едва ли существующую)? – «Не забывая знакомить читателя с разнообразием биографических гипотез, существующих в шекспироведении на сегодняшний день, И.О. Шайтанов стремится предложить свою собственную, в которой противоречащие предположения были бы устранены, а события жизни Шекспира выстроились бы в однозначной последовательности» [4, с. 265].

Моменты его критики меня удивили. «Образ [Шекспира] получился ярким, психологически цельным и до определенной степени – убедительным. До

определенной степени – потому что это убедительность скорее художественного образа, чем документального исследования» [4, с. 264–265]. Но ведь эта книга из серии ЖЗЛ... Прошло двадцать лет с того момента, как И.О. Шайтанов задокументировал «Летопись жизни и творчества Шекспира» [10].

Когда пришел № 6 «Вопросов литературы» за 2014 год, мне показалось, что И.О. Шайтанов не выдержал – задал вопрос сам: «А творчество – факт биографический?» [8, с. 97], проблематизировав дискуссию.

На наше приглашение принять участие в обсуждении книги откликнулись многие.

Литература

1. Бержеларский, Е. Про Вильяма нашего [Электронный ресурс] / Е. Бержеларский // Итоги. – 2013. – 1 августа. – Режим доступа: http://gvardiya.ru/publishing/smi/pro_vilyama_nashego
2. Ганиева, А. Пока лес не двинулся на холм [Электронный ресурс] / А. Ганиева // НГ-Exlibris. – 2013. – 1 августа. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2013-08-01/1_shakespeare.html
3. Иванов, В. Остались только пьесы и стихи [Электронный ресурс] / В. Иванов // Читаем вместе. Навигатор в мире книг. – Июль 2013. – Режим доступа: <http://chitaemvmeste.ru/reviews/shekspir/>
4. Иванов, Д. Новый Шекспир / Д. Иванов // Иностранная литература. – 2014. – № 5. – С. 261–268.
5. Литературные итоги 2016 года. Часть II [Электронный ресурс] // Литература. – № 90. – Режим доступа: <http://litteratura.org/2088-literaturnye-itogi-2016-goda-chast-ii.html>
6. Лобков, А.Е. «Жизнь – ускользающая тень...» / А.Е. Лобков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2014. – № 28. – С. 165–173.
7. Сидорова, О.Г. Жизнь как роман – или как пьеса? / О.Г. Сидорова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (127). – С. 301–307.
8. Шайтанов, И. А творчество – факт биографический? / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2014. – № 6. – С. 97–121.
9. Швыдкой, М. Ускользающий гений [Электронный ресурс] / М. Швыдкой // Российская газета. – 2013. – 28 августа. – Режим доступа: http://gvardiya.ru/news/mihail-shvydkoy_o_biografii_shekspir_igorya_shaytanova
10. Шекспир, У. Пьесы. Сонеты / У. Шекспир; сост., предисл., коммент., справ.-метод. материалы И.О. Шайтанова. – Москва: Олимп, 1998. – 752 с. – («Школа классика» – ученику и учителю).

L.V. Yegorova

ON THE FIRST RESPONSES TO THE BOOK: SHAKESPEARE BY I. SHAYTANOV

On publication, Igor Shaytanov's *Shakespeare* created immediate welcoming responses. July-August 2013 reviews in press gave way to 2014 academic reviews and articles in universities and literary journals. This material revives the chronology of the first publications and proceeds to the present discussion.

W. Shakespeare, I. Shaytanov, the *Lives of Remarkable People* series, V. Ivanov.

Е.В. Абдуллаев

Ташкентская духовная семинария

ШЕКСПИР, КОТОРЫЙ БЫЛ ШЕКСПИРОМ.

Еще раз о «шекспировском вопросе»

Статья посвящена месту книги И.О. Шайтанова «Шекспир» (2013) в дискуссиях о «шекспировском вопросе» в современной российской гуманитарной мысли. Дается краткий обзор основных шекспировских биографий, вышедших в России в 2000 – первой половине 2010-х годов, а также критически рассматриваются некоторые аргументы российских адептов антистрэтфордианства.

Шекспир, стрэтфордианство, антистрэтфордианство, философия, авторство.

Разговор о «Шекспире» Игоря Олеговича Шайтанова [19] мне придется предварить небольшой библиографической экспозицией.

Как передавал реплику кого-то из своих коллег Михаил Гаспаров, «сейчас у нас не пушкинисты, а временно исполняющие обязанности пушкинистов» [7, с. 372].

Но если «врио» пушкинисты у нас все же остались, то в российском шекспироведении пейзаж еще более уныл. Я не говорю о тех – теперь уже почти баснословных – временах, когда оно было представлено именами М.М. Морозова, А.А. Смирнова, А.А. Аникста, Л.Е. Пинского; когда на шекспировские темы писали такие масштабные фигуры, как М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский... Даже в 70-е – 80-е, когда «эпоха титанов» отошла в прошлое, отечественная шекспириана выглядела вполне пристойно. Ежегодно выходили десятки академических и популярных исследований о Шекспире и его эпохе, обзоров, рецензий, не считая театроведческих и киноведческих работ.

Были в позднесоветском шекспироведении, разумеется, и свои лакуны. Так, в плане методологии оно застыло где-то на уровне первой трети XX века, в добротном, но несколько обветшалом позитивизме. Ни школа «истории идей», ни структурализм, ни «новый историзм» не оказали на него какого-либо заметного влияния. Другая проблема – комментаторская. Академического, с серьезным научным аппаратом, издания шекспировских произведений в советское время так и не появилось: ни полного академического собрания сочинений, ни отдельных изданий в сериях вроде «Литературных памятников»¹...

И эти лакуны не заполнены и по сей день. Интерес к Шекспиру – если судить по переизданию прежних переводов и появлению новых – не падает; что же касается шекспироведения, то оно как-то «ужалось» и маргинализировалось.

Одной из примет этой маргинализации стал всплеск антистрэтфординских публикаций. На российский книжный рынок хлынули биографии «под-

линных» Шекспиров. Роджера Мэннерса, графа Ретленда; Фрэнсиса Бэкона, барона Верулама; Эдварда де Вера, графа Оксфорда... Рядом со столь сиятельными претендентами фигура скромного стрэтфордца в темном камзоле несколько отошла в тень.

Начало было положено в 1997-м выходом книги И.М. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса» [9]. Отождествление автора шекспировских сочинений с графом Ретлендом и приводимые в пользу этого аргументы встретили критику как со стороны стрэтфордианцев, так и антистрэтфордианцев. Что не помешало книге выдержать десяток переизданий и оставаться наиболее известным в России антистрэтфордианским текстом.

Следом подали голос бэконяны: в 2002 году выходит «Портрет Шекспира, или Личное дело Фрэнсиса Бэкона» В. Германа. Книга также успела выйти вторым изданием в 2008 году [8]. В том же 2008 свою версию того, кто «скрывался» под именем Шекспира, публикует М.Д. Литвинова. В книге «Оправдание Шекспира» [12] известная переводчица предложила более компромиссный вариант двух гипотез: под «псевдонимом» Шекспира, по ее версии, скрывались и Ретленд, и его старший наставник Френсис Бэкон.

2010 год – появление книги И.В. Пешкова «Автор “Гамлета” оставил нам свою подпись» [13]. Автором «Гамлета» (и остальных шекспировских произведений) на этот раз объявляется Эдвард де Вер, граф Оксфорд. В более полном виде эта гипотеза изложена Пешковым пятью годами позже в книге «F1, или книга доказательств: теорема Шекспира как лемма авторства» [16]. Об исследованиях И.В. Пешкова еще придется подробнее сказать ниже.

К книгам российских антистрэтфордианцев можно добавить еще две переводные (обе вышли в 2008). Это «бэконянский» исследование В.М. Феллоуз «Код Шекспира» [17] и книга Дж. Бренды и У.Д. Рубинштейна «Тайное станет явным. Шекспир без маски» [4], в которой на роль Шекспира выдвинут еще один елизаветинский вельможа, сэр Генри Невилл из Биллингберга...

Я называю лишь наиболее заметные публикации – книжная продукция антистрэтфордианцев, как переводная, так и отечественного производства, гораздо

¹ Лишь недавно в «Литпамятниках» стали, наконец, появляться шекспировские издания: «Король Лир» (2013) и сонеты (2016).

разнообразнее, больше и число претендентов на роль Шекспира.

Разумеется, «традиционные» биографии Великого Барда, в которых Уильям Шекспир из Стрэтфорда остается «тем самым» Уильямом Шекспиром, в России продолжают издаваться. Хотя и не в столь разнообразном ассортименте, как антистрэтфордианские. Это, прежде всего, «Шекспир» Питера Акройда, вышедший в русском переводе (не слишком, на мой взгляд, удачном) в 2009 году и с тех пор несколько раз переизданный². И другая, не менее увлекательная книга «Шекспир: Весь мир театр» Б. Брайсона (2014) [3]. Стоит назвать и еще одно, хотя не биографическое, но важное в плане защиты стрэтфордианства исследование, датированное тем же 2014, юбилейным шекспировским годом: «Плоды шекспиролубия: Шекспир и Шакспер» Е. Гордеевой [11].

Впрочем, обе последние книги вышли уже *после* «Шекспира» И.О. Шайтанова. К моменту же его выхода современная стрэтфордианская биографическая традиция была представлена, по сути, одной книгой Питера Акройда, написанной необычайно занимательно, с богатой, порой даже избыточной фактологией. Тем не менее, испытывалась необходимость именно в новой «русской» биографии Шекспира. Биографии, в которой бы учитывалась рецепция Шекспира русской культурой и одновременно содержался бы ответ на «вызовы» антистрэтфордианства, особенно в его современном российском изводе. Напомню, что последняя отечественная биография Шекспира, написанная А.А. Аникстом, выходила в 1964 году [2], а прошедшие полвека мировое шекспироведение, разумеется, не стояло на месте. Менялись методологии, расширялось знание о шекспировской эпохе, уточнялись факты...

Труд И.О. Шайтанова, если использовать излюбленную рецензентами фразу, полностью отражает все эти требования. Он наполнен ссылками, рассчитанными на культурный багаж русского читателя: параллели с Пушкиным [19, с. 53–54, 298], проблема точности переводов Маршака [19, с. 32, 223–224, 276, 330], шекспировские штудии Пастернака [19, с. 462], не говоря об упоминаниях Веселовского, Бахтина, Эйдельмана...

Одновременно это книга, написанная на уровне современного шекспироведения. Нужно, разумеется, учитывать, что она вышла в популярной серии и рассчитана – опять должен использовать обычный в таких случаях оборот – на широкий круг читателей. Тем не менее, книга покоится на солидном академическом фундаменте: «Шекспир» Шайтанова аккумулирует опыт наиболее известных современных авторов, писавших о Шекспире, – Дж. Шапиро, Г. Блума, С. Гринблатта и многих других.

Сама «оптика» книги отличается от той идеализированной, «наивно-реалистической» (определение Л.Г. Гинзбург), которая преобладала в отечественных исследованиях о Шекспире еще в 1980-е³. Шекспир

Шайтанова – противоречивая фигура противоречивой эпохи; эпохи, в которой религиозная революция наложилась на социальную (подъем третьего сословия), а также сексуальную (если допустимо использовать этот более поздний термин для описания той эмансипации, которой подверглась сфера интимной жизни в ренессансный период). Шайтанов свободно – но предельно тактично – касается и вопроса религиозности Шекспира, и проблемы отражения «авторской» сексуальности в его произведениях, и особенно болезненного для биографов вопроса о ростовщической деятельности поэта [19, с. 433–435].

Значительная часть книги посвящена полемике с антистрэтфордианцами. С нее, собственно, книга и начинается: «...кто же все-таки скрывается под именем Шекспира? Это не Бэкон, не Марло, не граф Оксфорд... Ни в коем случае не граф Ретленд... Не первый, не второй, не третий, не тридцать третий, поскольку претендентов в Шекспир насчитывается более тридцати (и, кажется, еще больше). Но ни один из них не родился в Стрэтфорде-на-Эйвоне⁴. Из всех претендентов там родился только Уильям Шекспир (курсив наш. – Е. А.). Таков мой предварительный ответ на “шекспировский вопрос”, к которому по ходу рассказа я буду вынужден возвращаться не раз в тех местах, где в шекспировской биографии возникают лакуны (их немало!), странности и всё, что порождает сомнения и догадки» [19, с. 6].

Выполняя это обещание, И.О. Шайтанов не раз возвращается к полемике с антистрэтфордианцами: в главах, посвященных юности Шекспира [19, с. 68] и его первым шагам на лондонской сцене [19, с. 91, 92], и взаимоотношениям с Марло (и о Марло как кандидате на роль «подлинного» Шекспира) [19, с. 102, 103]... Вплоть до самого эпилога, где предметом спора становится попытка антистрэтфордианцев увидеть некие намеки на «ложность» отождествления стрэтфордского Шекспира с Шекспиром «подлинным» в эпитафии, а также портрете на Первом Фолио [19, с. 459–460]. Есть и отдельная глава – «Честеровский сборник и “шекспировский вопрос”», специально посвященная критике гипотезы И.М. Гилюлова [19, с. 323–329].

Однако наиболее сильным доводом против антистрэтфордианства оказываются даже не эти критические вставки – хотя они написаны убедительно, с риторическим изяществом и делают чтение этой и без того увлекательно написанной книги еще более интересным. Главным антистрэтфордианским аргументом, на мой взгляд, является сама книга И.О. Шайтанова – современное и ярко написанное биографическое исследование, заново утверждающее позиции классического шекспироведения в тот момент, когда наплыв антистрэтфордианских изданий, казалось, начинал размывать – по крайней мере, в массовом читательском сознании – его последние бастионы...

² Я не включаю сюда переводы известных, но явно устаревших исследований о жизни и трудах Шекспира Р. Жанэ, Г. Брандеса, Дж.Д. Уилсона и др.

³ «Существует абберация совпадения личных качеств с общественными поступками. Это наивный реализм этического мышления.

У нас, начиная с [19]40-х годов, это приняло форму государственного наивного реализма, в силу которого, например, все великие писатели изображались в равной мере добросердечными, и главное, целомудренными» [10, с. 267–268].

⁴ Имеется в виду известная фраза Бена Джонсона, открывающая Первое фолио: «сладкоголосый эйвонский лебедь» (*sweet swan of Aivon*), которую Шайтанов приводит чуть далее [18, с. 11].

Несколько слов *pro domo mea*. Должен сказать, что я сам какое-то время испытывал сомнения относительно подлинности авторства «стрэтфордского» Шекспира. Летом 1991 года я оказался на лекции Марины Дмитриевны Литвиновой, прочитанной в узком кругу переводчиков. Литвинова, в то время – активная сторонница гипотезы Гилилова, делилась результатами своих недавних (на тот момент) изысканий в Шекспировской библиотеке Фолджера в Вашингтоне. Эта история с обнаружением на так называемом честеровском сборнике «Жертва Любви, или Жалоба Розалины» (*Love's Martyr, Or Rosalin's Complaint*) водяного знака в виде единорога с искривленными задними ногами позже стала довольно известной: о ней подробно рассказал в своей книге Гилилов⁵. Но тогда на меня, еще студента, эта история – и сама возможность «альтернативного» прочтения классика – произвела сильное впечатление.

Постепенно, однако, стали накапливаться сомнения. Изучение отражения философской проблематики в шекспировских произведениях (а мой научный интерес к Шекспиру – прежде всего, историко-философский), вроде бы, должно было подтвердить мнение о том, что за «маской» Шекспира скрывался кто-то из его более философски образованных современников, обладателей университетских степеней. Либо Ретленд, либо де Вер, либо сам Бэкон...

Однако этого как раз не происходило. При всей философичности шекспировских произведений количество прямых упоминаний в них философских терминов и имен крайне незначительно. Античные философы (Пифагор, Сократ, Аристотель), так же как и античные философские течения, фигурируют в иронично-сниженном регистре, в духе расхожих представлений и анекдотов о них в позднесредневековой культуре... Факт непосредственного знакомства Великого Барда с сочинениями Аристотеля, а также сочинениями и идеями крупных мыслителей его эпохи – Бэкона, Бруно и Эразма Роттердамского – остается дискуссионным...

Интеллектуальный контекст шекспировской эпохи был насыщен интересом к философии, возникшим на фоне кризиса религиозного сознания и ренессансного гуманизма. И этот интерес выходил далеко за пределы университетской образованности... Подобные эпохи (их можно, используя термин Г.В. Флоровского, назвать «эпохами философского пробуждения») случались и позже; и почти в каждую из них мы встречаем крупных поэтов, живо откликавшихся на этот интерес, однако не имевших ни философского образования, ни серьезных познаний в философии. Не обладал ими – если брать примеры из русской литературы – ни Пушкин, ни Мандельштам; Бродский – один из самых метафизических русских поэтов недавнего прошлого – вообще не имел университетского образования... Не обладал ими и Шекспир. (И об этом, опять же, убедительно пишет в своей книге Шайтанов, описывая тот холодный прием, который «недоучка» из Стрэтфорда встретил со стороны столичных «университетских остроумцев» [19, с. 97–104].)

Однако главной причиной, заставившей меня в начале усомниться в антистрэтфордианстве, а затем и отойти от него, стало само антистрэтфордианство. А точнее, та метаморфоза, которая произошла с ним в России с конца девяностых. Дело даже не в том, что из почти эзотерического знания, как оно было воспринято мной в 1991, антистрэтфордианство фактически превратилось в мейнстрим, интеллектуальную рутину. Само обилие взаимоисключающих антистрэтфордианских гипотез, бесконечная кадрили претendentов, то поодиночке, то группками выдвигаемых на роль «подлинных» Шекспиров, дух сомнительной сенсационности, окружающей каждое новое «открытие»⁶, – все это окончательно отвратило от поисков альтернатив «стрэтфордскому» Шекспиру. Впрочем, определенный смысл в этих поисках есть, в чем я, опять же, соглашусь с И.О. Шайтановым: «К “шекспировскому вопросу” я отношусь положительно в том смысле, что это – стимул для биографа. <...> Но то, что полезно для биографа, бывает очень вредно для читателя, которому очередная версия предлагается как истина в последней инстанции (добытая нечеловеческим напряжением ума и путем хитроумнейшего расследования), а не как детективное чтение...» [19, с. 6].

На этом убедительном аккорде можно было бы завершить; однако для полноты картины стоит сказать и о реакции на книгу Шайтанова российских антистрэтфордианцев. Можно было ожидать, что она будет не комплиментарной; однако реальность превзошла все ожидания. Я имею в виду рецензию И.В. Пешкова, опубликованную во втором номере «Нового литературного обозрения» за 2014 год [15].

Собственно, назвать этот текст рецензией сложно. Нет ни обычных общих сведений ни о книге, ни двух-трех формальных похвал, которыми, в добрых научных традициях, начинаются даже самые разгромные рецензии... Начиная с самого заглавия – «Призрак однопартийности» (более, думается, уместного для «Известий» или «Московского комсомольца», чем для академического журнала), весь текст выглядит, скорее, как памфлет, написанный с вполне определенных позиций и с определенной целью.

Что касается позиции, то уже в первом абзаце автор заявляет, что «на роль Шекспира есть несколько вполне определенных претендентов», а чуть далее обозначает и своего «фаворита»: «Эдвард де Вер, семнадцатый граф Оксфорд, биография которого так или иначе отражается практически во всех комедиях и трагедиях Шекспира» [15].

Здесь не место разбирать, насколько «отражается» во всех шекспировских пьесах биография графа Оксфорда. Отдельного разговора требует и гипотеза самого И.В. Пешкова – автора нескольких содержательных рецензий и исследований о Шекспире, выходивших в 2000-е и написанных во вполне традиционном, «стрэтфордианском» ключе; по крайней мере – без какой-либо полемики с ним. С конца 2000-х, однако, работы Пешкова стали носить оттенок непримиримо-

⁶ Особенно навязчиво выглядят полудетективные заголовки: «Тайна Великого Феникса», «Портрет Шекспира или личное дело Фрэнсиса Бэкона», «Автор “Гамлета” оставил нам свою подпись», «Код Шекспира», «Тайное станет явным. Шекспир без маски»...

⁵ Уделено ей место и в книге Шайтанова [19, с. 326–327].

го антистрэтфордианства (см.: [13, 14, 16]). Краеугольным камнем доказательства в пользу авторства де Вера у Пешкова выступает Первое Фолио, в котором он находит несколько нумерологически зашифрованных упоминаний имени своего «фаворита». (Без ссылок на скрытые шифры не обходится почти ни одно антистрэтфордианское повествование.) В числе страниц Первого Фолио и даже в опечатке (993 вместо 399) Пешков видит некое «число де Вера», указывающее на его тайное авторство.

Дело даже не в том, что нумерологические изыскания Пешкова слишком напоминают известное место из «Маятника Фуко» У. Эко⁷... Все эти поиски имели бы смысл, если бы Первое Фолио было опубликовано не в начале XVII века, а столетием или двумя позже, когда отношение издателей к воле автора и к издаваемой ими продукции кардинально изменилось и подобные изощренные типографские проекты могли быть возможны. Однако посмертный шекспировский сборник вышел тогда, когда вышел – в 1623 году, и издателем его был Уильям Джеггард, не отличавшийся особой педантичностью, о чем свидетельствует история с изданным им за четверть века до этого, в 1599 году, сборником «Влюбленный пилигрим» (*The Passionate Pilgrim*)⁸... Пусть во время подготовки Первого фолио Джеггард был уже не у дел и передал дела в печатне своему сыну, логика издательского дела была прежней: фигура автора стояла в ней на последнем месте...

Основное обвинение, выдвигаемое И.В. Пешковым в отношении книги Шайтанова, состоит в игнорировании «работ оксфордианцев» – «самой многочисленной среди нестратфордианцев группы шекспироведов, к тому же за последние десятилетия достаточно глубоко инкорпорировавшейся в академические круги англо-американских гуманитариев» [15]. Если оксфордианство под пером Пешкова сопрягается с современной прогрессивной наукой, то стрэтфордианство – с помощью столь же нехитрой метонимии – с «отжившей» советской. «И.О. Шайтанов <...> в целом вполне вписывается в сложившуюся в советское время традицию, более того, развивает ее, доводя до логического предела». Заметим, правда, что представление стрэтфордианства как «сложившейся в советское время традиции», мягко говоря, не совсем корректно: до 1917 года абсолютно преобладающим в русском литературоведении было именно стрэтфордианство, тогда как сомнения в авторстве Шекспира рассматривались не более как «модная ересь». И, на-

против, в 1920-е годы версия о Шекспире – Ретленде была активно поддержана наркомом Луначарским. С другой стороны, убежденными стрэтфордианцами были авторы, которых едва ли можно отнести к «советской» традиции: Борис Пастернак и Юрий Домбровский... Так что отношение стрэтфордианства и антистрэтфордианства никак не укладываются в бинарную («регрессивное – прогрессивное») схему. Хотя соблазн представить их именно таким образом, чувствуется, велик.

«По социологическим опросам в 2007 г., – пишет И.В. Пешков, – например, в той или иной мере сочувствующих нестратфордианским гипотезам преподавателей-шекспироведов было в США уже 17%» [15].

И что же из этого следует? Будем решать «шекспировскую проблему» путем соцопросов?

Впрочем, в своей недавней монографии И.В. Пешков идет еще дальше: «Для решения шекспировского вопроса в его наиболее банальном варианте (вроде «Кто же скрывался под маской Шекспира?») нужна политическая воля... Причем воля нужна глобальная...» [16, с. 531].

Как-то не совсем убедительно после этого выглядит адресованный Шайтанову упрек в том, что «в книге постоянно чувствуется тон пропагандиста» [15]. Тоном пропагандиста – причем страстного и непримиримого – проникнуты, на мой взгляд, как раз исследования самого И.В. Пешкова. Не говоря уже о его выступлениях в прессе, где о результатах его нумерологических экзерсисов в 2010 даже заговорили как о «сенсационном открытии»: «...шекспировед Игорь Пешков, похоже, сделал сенсационное открытие – нашел подлинную подпись гения. <...> Об открытии Игорь Пешков собирается рассказать в своей новой книге – она уже в типографии. <...> Сам исследователь не сомневается: литературный мир ждет сенсация» [6]. Говорили, впрочем, не долго; хотя вышла и книга, и вторая, и статьи в «Новом литературном обозрении»... Сенсации не произошло. И глобальная политическая воля тоже, похоже, пока не намерена решать «шекспировский вопрос» (в желаемом для И.В. Пешкова ключе). Отсюда и по-человечески понятное раздражение, которым проникнут его отклик на книгу Шайтанова.

Единственное критическое замечание И.В. Пешкова, с которым можно отчасти согласиться, – это обнаруженная им опечатка, вкравшаяся в текст книги: «Shakespere» вместо «Shakspeare», как фамилия отца Шекспира передана в приходской книге церкви Святой Троицы в Стрэтфорде.

«...В оригинале, – пишет Пешков, – последнее слово четко читается “Shakspeare”. При большом желании это можно прочитать и “Shakspeare”, но уж никак не “Shakespeare”: букв просто не хватает. А между “k” и “s” буква “e” не помещается, как ни вталкивай. Нет ее. А значит, есть проблема с базовой аргументацией стратфордианцев (напомним, что она держится тождеством имени человека из Стратфорда и имен, напечатанных на изданиях произведений Шекспира)» [15].

Опечатка, действительно, досадная – однако, по сути, ничего в аргументации Шайтанова не меняющая: автор «Шекспира» сам признает, что в записи в приходской книге «написание фамилии Шекспира не

⁷ Я имею в виду «лекцию» Алье о «нумерологии» цветочной будки: «...предлагаю вам самим отправиться и измерить эту будку. Вы увидите, что длина прилавка составляет 149 сантиметров, то есть одну стомиллиардную долю расстояния между Землей и Солнцем. Высота его задней стенки, разделенная на ширину окошка, дает нам 176/56, то есть 3,14. Высота фасада составляет девятнадцать дециметров, то есть равна количеству лет древнегреческого лунного цикла. Сумма высот двух передних ребер и двух задних ребер подсчитывается так: $190 \times 2 + 176 \times 2 = 732$, это дата победы при Пуатье. Толщина прилавка составляет 3,10 сантиметров, а ширина наличника окна – 8,8 сантиметров. Заменяя целые числа соответствующими литерами алфавита, мы получим C10H8, то есть формулу нафталина».

⁸ Когда, напомним, Джеггард напечатал в изданной под именем Шекспира антологии несколько сонетов Шекспира и других поэтов (не спросив ни у кого из них на это разрешения).

совпадает с тем, которое принято теперь – *Shakespeare*» [19, с. 16–17]. И довольно убедительно поясняет причину этого отличия: «Это свидетельствует о неустойчивости орфографии в английском языке тюдоровской эпохи. В отношении Ричарда, деда поэта, зафиксированы *Shakstaff* и *Shakeshafte*. В документах, относящихся к его сыну Джону, таких вариантов не менее двадцати. В генеалогическом справочнике, изданном в 1867 году, способов написания фамилии значится – 57, причем с оговоркой, что в действительности их еще больше. Теперь считается, что их было не менее восьмидесяти. В печатных текстах Уильяма Шекспира преобладает *Shakespeare* (хотя иногда слово разделено дефисом), но в письменных текстах написание сильно колеблется, варьируя в первой части фамилии *Shaks-* и *Shax-*» [19, с. 17].

Так что на месте И.В. Пешкова я бы не стал топиться объявлять замеченную опечатку «тенденциозной ошибкой». Пусть даже она повторяется, как он заметил, в статье Шайтанова в «Вопросах литературы» [14, с. 72] – такие казусы порой случаются, и от них не застрахован ни один автор. В том числе и сам Пешков, в одной из книг которого было допущено сразу несколько ошибок в передаче шекспировского текста – на что ему было указано рецензентом⁹...

Разбор критических инвектив рецензента «Нового литературного обозрения» можно было бы продолжить – однако делать этого я не стану, поскольку в цели этой статьи не входил ни разбор «сенсационной» гипотезы Пешкова¹⁰, ни защита книги Шайтанова (она, на мой взгляд, в этом и не нуждается). Шекспировская биография, с ее многочисленными «белыми пятнами» и противоречиями уже давно сама превратилась в художественное произведение – то комедию, то драму, то трагедию, в зависимости от того, на какой научной сцене она ставится; а «шекспировский вопрос» давно уже перерос знаменитый гамлетовский. И пока существует интерес к английскому классическому, каждая новая биография будет решать этот вопрос по-своему и по-своему распределять роли в великой пьесе под названием «Уильям Шекспир».

⁹ «А на с. 8 вступительной статьи, воспроизводя титульный лист первого издания пьесы (“плохого” quarto 1603 г.), он в двух строках допускает (очевидно, по недосмотру) целых четыре ошибки. Напечатано History, а надо Historie, Denmark стоит вместо Danmarke, by вместо By, перед Universities пропущены слова the two. Эти ошибки повторяются при воспроизведении заглавия quarto 1604 г., хотя оно дано и в фототипическом воспроизведении на первой странице книги!» [5].

¹⁰ С большим интересом, признаюсь, я бы рассмотрел ту часть недавней монографии И.В. Пешкова [16], в которой он анализирует становление категории авторства в позднеренессансной Англии. Хотя общий вывод о движении авторства от анонимности к псевдонимности выглядит несколько схематичным, однако он – в отличие от «оксфордской» части книги – может стать предметом продуктивной дискуссии.

Литература

1. Акройд, П. Шекспир. Биография / П. Акройд; пер. с англ. О. Кельберт. – Москва: Колибри, 2009. – 736 с. – (Отдельные проекты).
2. Аникст, А.А. Шекспир / А.А. Аникст. – Москва: Молодая гвардия, 1964. – 368 с.
3. Брайсон, Б. Шекспир: Весь мир театр / Б. Брайсон; пер. с англ. А. Николаевской. – Москва: Центр книги Рудомино, 2014. – 318 с.
4. Бренда, Дж. Тайное станет явным. Шекспир без маски / Дж. Бренда, У.Д. Рубинштейн; пер. с англ. М.Д. Литвиновой и Н. Литвиновой. – Москва: Весь мир, 2008. – 376 с. – (Магия имен).
5. Вахрушев, В.С. [Рецензия] [Электронный ресурс] / В.С. Вахрушев // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 4 (68). – С. 377–381. – Рец. на кн.: Шекспир. Гамлет. В поисках идентичности / пер., вступит. статья, подгот. текста оригинала и коммент. И.В. Пешкова. – Москва, 2003. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/kn33.html>.
6. Ганиева, Д. Переводчик «Гамлета» утверждает, что нашел подпись истинного Шекспира [Электронный ресурс] / Д. Ганиева // Вести. RU. – 2010. – 5 октября. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=397046>.
7. Гаспаров, М.Л. Записи и выписки / М.Л. Гаспаров. – 3-е изд. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 388 с.
8. Герман, В. Портрет Шекспира или личное дело Фрэнсиса Бэкона / В. Герман. – Москва: Некоммерческая издательская группа Э. Ракитской, 2002. – 288 с.
9. Гилилов, И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса / И.М. Гилилов. – Москва: Артист. Режиссер. Театр, 1997. – 474 с.
10. Гинзбург, Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования / Л. Гинзбург. – Ленинград: Сов. писатель, 1989. – 608 с.
11. Гордеева, Е. Плоды шекспиролубия: Шекспир и Шакспер; Елизаветинцы и Джордано Бруно / Е. Гордеева. – Москва: ОГИ, 2014. – 1112 с.
12. Литвинова, М.Д. Оправдание Шекспира / М.Д. Литвинова. – Москва: Вагриус, 2008. – 656 с.
13. Пешков, И. Автор «Гамлета» оставил нам свою подпись / И. Пешков. – Москва: Лабиринт, 2010. – 278 с. – (Гамлет-серия).
14. Пешков И. Опечатка, или Ключ к имени автора [Электронный ресурс] / И. Пешков // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 4 (105). – С. 156–171. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/pe14.html>.
15. Пешков, И. Призрак однопартийности [Электронный ресурс] / И. Пешков // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 2 (126). – С. 374–384. – Рец. на кн.: Шайтанов И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва, 2013. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/126/39p.html>.
16. Пешков, И.В. F1, или Книга доказательств: теорема Шекспира как лемма авторства / И.В. Пешков. – Москва: РИПОЛ классик, 2015. – 576 с.
17. Феллоуз, В.М. Код Шекспира / В.М. Феллоуз; пер. с англ. И.И. Буровой. – Москва; Санкт-Петербург: Диля, 2008. – 442 с.
18. Шайтанов, И.О. Обстоятельства и проблемы творческой биографии Шекспира (до 1594 года) / И.О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2013. – № 2. – С. 72–109.
19. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474 с. – (Жизнь замечательных людей, 1425).

SHAKESPEARE WHO WAS SHAKESPEARE. THE AUTHORSHIP QUESTION REVISITED

The paper analyses Igor Shaytanov's *Shakespeare* (2013) in the context of the current discussion on the Shakespeare question in Russian literature studies. It reviews the key Shakespearean biographies of 2000s – early 2010s and some recent arguments of Russian Anti-Stratfordians.

W. Shakespeare, Stratfordians, Anti-Stratfordians, philosophy, authorship.

УДК 821.111

М.Ф. Амусин
Иерусалим, Израиль

ШЕКСПИР: БЫЛЬ, МИФЫ, ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматривается книга И.О. Шайтанова «Шекспир» в серии «ЖЗЛ». Книга, выдержанная в «проблемном» ключе, сочетает в себе широкий ряд исследовательских подходов и процедур, воссоздает историко-культурный контекст творчества великого драматурга и поэта, подробно излагает как установленные, так и спорные, «темные» моменты его биографии. Стержнем ее служит эстетический и смысловой анализ произведений Шекспира, который, по убеждению автора, только и может приблизить нас к пониманию тайн его личности и жизни.

Шекспир, елизаветинская эпоха, проблема авторства, эстетико-смысловой анализ, «историческая поэтика», «новый историзм», архетипические модели, «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Венецианский купец».

Книга Игоря Шайтанова «Шекспир» в серии ЖЗЛ принадлежит жанру популярной биографической литературы, пожалуй, в меньшей степени, чем домену научного шекспироведения, от которого я довольно далек. Данные заметки – отклик «заинтересованного читателя», которому по определению непросто оценивать полноту эрудиции и безупречность аргументации автора книги. Между тем книга мне понравилась, и это восприятие однозначно. Его-то я и попытаюсь здесь эксплицировать.

Для начала отмечу очевидный момент: писать биографию Шекспира – совсем не то, что создавать жизнеописание более близких к нам исторически фигур. Всем известно, насколько зыбка в данном случае фактологическая основа. Один возможный путь – пуститься в легковесно-авантюрную реконструкцию судьбы героя, затягивая лакуны и проломы паутиной общих мест, собственных – или коллективных – интуиций, чтобы не сказать домислов. Другая крайность – погрузиться в безличную энциклопедичность, растворив фабулу жизни Шекспира в море сопутствующих сведений и соображений.

Трудность для автора еще и в том, чтобы озвучить собственные взгляды в многоголосом хоре коллег-специалистов, предшественников и современников. Как обозначить и утвердить свой, оригинальный подход к шекспировской проблеме, не ограничиваясь воспроизведением готовых – и противоречащих друг другу – теорий и версий?

Шайтанов выбрал нелегкий, но, на мой взгляд, благодарный вариант: признать проблему и строить свое повествование в проблемном ключе. Это нетривиальный выбор. Например, замечательный знаток творчества Шекспира А. Аникст свою книгу в серии ЖЗЛ (полувековой уже давности) написал в очень спокойном, утвердительно-изъявительном наклонении, как будто о герое известно если не все, то все существенное – внемите.

Шайтанов, с самого начала заявив твердую «стрэтфордскую» позицию, предоставляет в своем тексте место сомнениям, доводам оппонентов, честно признает, что многие вопросы, многие моменты шекспировской биографии остаются – и навсегда останутся – спорными. И провозглашает свой главный методический принцип: ключ к пониманию биографии и личности Шекспира лежит в его произведениях.

Но творчество «эйвонского лебедя» глубоко укоренено в материальной и духовной почве его эпохи. Эту почву Шайтанов вспахивает глубоко и основательно. Эрудиция автора не выпячивается, но, все же, бросает определенный вызов способности восприятия рядового читателя. Текст книги чуть ли не перенасыщен сведениями самого разного рода: от системы школьного образования в тогдашней Англии до Порохового заговора, от правил сбора штрафов и налогов до театральной топографии Лондона. Линия жизни Шекспира вьется и петляет между массивами ис-

торических реалий, часто прерывается отступлениями. Отступления у Шайтанова напоминают краткие перегруппировки сил перед новыми атаками на биографические и литературоведческие проблемы. В них к тому же выявляется разнообразие инструментария, который автор книги использует в своем повествовании/исследовании. Например, симпатии автора к «исторической поэтике» тут прекрасно уживаются с углублениями в социальную и бытовую фактуру времени в духе нового историзма.

Однако историко-политические и «материальные» подробности – лишь фон, по которому автор пишет центральный сюжет своей книги: рождение и становление универсального гения в его человеческой и духовной «окружающей среде». Здесь присутствуют эскизные, но очень выразительные портреты ведущих современников Шекспира, знаменитых драматургов-елизаветинцев: Марло и Кида, Нэша и Грина, Бена Джонсона, более молодых Бомонта и Флетчера. Большое внимание автор уделяет и описанию эпохальных сдвигов, совершавшихся в шекспировскую эпоху в литературе и культуре. Обсуждается частный, вроде бы, вопрос: Бен Джонсон в известном отзыве о Шекспире говорит, что тот знал по латыни «немного» или «очень мало»? А завершается это обсуждение мыслью о том, что именно тогда совершался переход от безоговорочной ориентации на латынь и античные образцы – к языковой и культурной автономии национальных литератур. И Шекспир, с его скромным багажом латыни и мощным творческим импульсом, был живым воплощением этого перехода.

Или – тонкий анализ столь важной для шекспироведения темы авторства/соавторства. Шайтанов подчеркивает и доказывает, что тема эта остро актуальна именно для нас, а в ту эпоху она была гораздо более расплывчатой: «...в шекспировское время он [автор] еще не вполне родился. Особенно в театре, поскольку театр не был литературой...» (с. 129). Анализ этот подводит к парадоксальному выводу: во времена бродячих сюжетов, «безымянного и коллективного» сочинения опусов для сцены как раз попытки утвердить индивидуальное авторство могли восприниматься как плагиат.

Собственно жизнеописание представлено в книге в режиме своего рода интерактивного диалога: с читателями, с коллегами и оппонентами, с фактами. Задаются вопросы: сколько лет Шекспир ходил в школу? Где он мог набраться сведений из истории царствующих домов Англии? Что делал в «утраченные годы» (1585–1592)? Кому посвящал свои сонетные циклы? Шайтанов или предлагает ответы – на основе многолетних наработок шекспироведов и собственных суждений; или приводит перечень возможных решений; или спокойно констатирует, что утверждать что-либо трудно. Прекрасный пример – размышление о том, какую пьесу Шекспира следует считать первой: хронике «Генрих VI»? трагедию «Тит Андроник»? Аргументы в пользу каждого из вариантов обстоятельны и весомы. А вот претензии комедии на дебютную роль Шайтанов не считает обоснованными.

Или совсем другая материя: социальный статус и имущественное положение Шекспира. Шайтанов подчеркивает, что среди современников-драматургов,

порой свысока третировавших своего успешного коллегу ввиду его невысокого образовательного ценза, Шекспир был единственным, имевшим законное право именовать себя джентльменом: его отец получил (не без помощи сына) герб и дворянское достоинство. Ткань жизни героя, где это только возможно, уплотняется, наполняется деталями и красками, ярче проступает на подробно прописанном историческом фоне.

И все же центральная составляющая текста – это эстетический и смысловой анализ творений Шекспира, его пьес и поэзии. Казалось бы, что тут можно сказать нового, тем более в рамках биографии? Шайтанов, конспективно обозначая то общепринятое и несомненное, что накопила традиция, находит здесь свои, незаемные подходы. Привычные ракурсы восприятия он то укрупняет, то сдвигает или остранивает. Вот скрупулезный разбор «выходного монолога» Глостера в «Ричарде III» – в нем подчеркнут момент крушения эпического мира и перехода к новому, индивидуальному самоощущению человека.

Говоря о «Ромео и Джульетте», Шайтанов замечает: «Это первый по времени создания шекспировский миф, оставленный потомкам в помощь им для понимания самих себя» (с. 260). А потом делает упор на стилевых особенностях этой трагедии, воплотившей в очередной раз классический любовный сюжет. Он отмечает, что в «Ромео и Джульетте» Шекспир преодолевает сонетную традицию повествования о любви. Здесь происходит овладение глубиной и подвижностью лирического слова при одновременном освобождении от штампов любовной лирики.

А «Венецианский купец» – пьеса, обретшая новую популярность в последние десятилетия благодаря богатству ее идеологических обертонов? Шайтанов делает краткий экскурс в область межнациональных отношений в елизаветинской Англии, но уходит от обсуждения избитого вопроса: в какой степени Шекспир был юдофобом? В его изложении национальная проблематика «Венецианского купца» много шире, а за ней открываются другие горизонты: от возможной гомосексуальной привязанности Антонио к Бассанио до появления здесь – впервые у Шекспира – проблемы отчуждения, на психологическом уровне проявляющейся через чувство меланхолии.

В разговоре о «Гамлете» автор книги уточняет расхожую формулу о «нашем современнике Вильяме Шекспире». Он дополняет ее встречной мыслью о том, что сюжет пьесы явился из средневековой хроники и не раз обрабатывался на протяжении XVI века, что в нем сохраняется много элементов архаики. Но и сверх того: Шайтанов обращает взгляд читателя к тем граням, которыми трагедия обращена не столько к будущему, сколько к преданию, мифу, т.е. к неизменному. И делает вывод: «самые важные события у Шекспира совершаются не в каком-то одном измерении... но *между уровнями* – между глубиной истории и современностью быта, между мифом и политической актуальностью» (с. 346).

И сам Гамлет, по Шайтанову, разрывается между требованиями традиции (и жанра «трагедии мести») – и открывшейся в нем способностью рефлексии, постижения моральных последствий своих поступков,

«нравственного раздумья». Это и делает его ситуацию столь безнадежной, причем в ретроспективе она нам гораздо яснее, чем современникам Шекспира: «Трагедия его героев в том, что они – выходцы из другого мира, первыми столкнувшиеся с теми проблемами, которые мы считаем своими... Герои Шекспира подобны людям, привыкшим отмерять время по башенным часам и звуку церковного колокола, которым вдруг дали в руки секундомер...» (с. 345).

В книге, нужно заметить, много таких лаконичных образных формулировок. Нет, это не афоризмы, которые слишком самодовлеющи, слишком любуются собой в ущерб объективной истине. Но Шайтанов знает цену точному и емкому суждению, сжимающему смысловую пружину. Вот еще пара примеров. «Фальстаф [в «Виндзорских насмешниках» по сравнению с «Генрихом IV»] меняется не потому, что его вываливают из корзины с бельем, а потому, что из исторического Времени его вываливают в быт, из хроники – в комедию...» (с. 292). «В жесте Просперо, отказывающегося от магической силы, видят жест прощания драматурга, отпускающего на свободу своих персонажей и зрителей, 20 лет пребывавших в его власти» (с. 443).

Такие сгустки словесной энергии служат в книге для повышения убедительности, «авторитетности» авторского высказывания. Они нарушают потенциальную монотонность изложения, столь насыщенного, «крутого», освежают читательское восприятие. Впрочем, текст Шайтанова и вообще богат интонационными нюансами. Здесь и сдержанный полемический задор в противостоянии взглядам антистрэтфордianцев; и легкая ирония по адресу тех, кто склонен редуцировать шекспировскую «фактуру» к современным схемам политкорректности; и строго дозированный пафос нечастых оценочных суждений в отношении самого Шекспира.

Что же в итоге? По прочтении книги вряд ли можно сказать, что жизненный путь и личность Шекспира предстали нам прозрачными, отчетливыми. Но мне кажется, что предусмотренный автором результат достигнут. Дистанция между нами, читателями, и великим творцом становится не столь огромной, мы начинаем лучше понимать, как индивидуальность гения, взаимодействуя с обстоятельствами места и времени, рождала удивительные произведения, вечные образы, архетипические модели современной культуры.

M.F. Amusin

SHAKESPEARE: REALITY, MYTH, SUPER-REALITY

The article is a review of I. Shaytanov's book on Shakespeare (2013, the *Lives of Remarkable People* series). This book, which is designed in a problem-oriented vein, comprises a wide range of research approaches and procedures. It reconstructs the historic and cultural context of the great dramatist's work, presents in detail both well established and disputable, obscure moments of Shakespeare's biography. The main focus of this book is the aesthetic and semantic analysis of plays and poetry by Shakespeare – such an analysis, according to Shaytanov, is the only way to approximate to the mysteries of his life and personality.

W. Shakespeare, *Hamlet*, *Romeo and Juliet*, *The Merchant of Venice*, Elizabethan age, authorship problem, aesthetic and semantic analysis, 'historical poetics', New Historicism, archetypal models.

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

«НАГРУЖЕН ЗНАНИЕМ, ОСНОВАТЕЛЕН И НЕ ЛИШЕН МАНЕВРЕННОСТИ»

Не акцентируя новизны и оригинальности открытий, И.О. Шайтанов показывает блестящую работу с концептами в драме Шекспира и механизм действий его острого ума, демонстрирует, что стиль «метафизической поэзии» рождается в хронике – в «Ричарде II» и что в «Ромео и Джульетте», иногда называемой «сонетной» трагедией, важно опровержение сонетного стиля. Степень филологических открытий в этом труде высока. И.О. Шайтанов убедителен в глубинной реконструкции биографии с оригинальной хронологией, системой мотивировок и связей, в результате – в показе укорененности творчества лондонского драматурга в биографии уроженца Стрэтфорда-на-Эйвоне.

У. Шекспир, И.О. Шайтанов, серия «ЖЗЛ», остроумие, «университетские остроумия», компаративистика, метафизический концепт, «метафизическая поэзия».

Когда я зашла в областную библиотеку посмотреть, что доступно на абонементе, книги И.О. Шайтанова на полке не оказалось. «Творчество Шекспира» А.А. Аникста 1963 года – самая зачитанная книга. Много читали «Шекспира» в серии «ЖЗЛ» Аникста (М., 1964), краткую документальную биографию Шекспира С. Шенбаума (М., 1985).

В 1985-м, говоря о «мнимой загадке авторства Шекспира», читателя можно было «взять» уверенностью и чистосердечной искренностью; во вступительной статье к Шенбауму Аникст демонстрирует это: «На самом деле никакой загадки нет. Пьесы Шекспира написал актер Уильям Шекспир. Именно он! Сомнений в этом быть не может...» [2, с. 17]. В 2010-х изменилась модальность текста, воздействует скорее ирония, чем восклицательные знаки. «К “шекспировскому вопросу” я отношусь положительно в том смысле, что это – стимул для биографа. Как алхимия для науки, – пишет И.О. Шайтанов. – Но то, что полезно для биографа, бывает очень вредно для читателя, которому очередная версия предлагается как истина в последней инстанции (добытая нечеловеческим напряжением ума и путем хитроумнейшего расследования), а не как детективное чтиво, пригодное, чтобы скоротать время в электричке» [1, с. 6].

С автором трудно не согласиться в том, что «“шекспировский вопрос” (хоть он и называется “шекспировским”) – не к Шекспиру, а к воспринимающему сознанию» [1, с. 11] и что «...сильные аргументы последнего времени посвящены не опровержению какой-то одной версии, а объяснению принципов их возникновения...» [1, с. 12]. Демонстрация и этого, и иных механизмов – несомненное достоинство книги. Автора влекут не столько загадки шекспировской биографии (они многочисленны и прекрасно изложены), сколько тайна гения. «Величие замысла» увлекает и оставляет чувство благодарности.

Книга остро сюжетна. Динамика задана в первом же предложении предисловия «О драматурге из

Стрэтфорда»: «В названии предисловия – быстрый ответ читателю, взявшему в руки эту книгу, с тем чтобы выяснить: кто же все-таки скрывается под именем Шекспира?» [1, с. 6]. Читать быстро у меня не получается: каждое предложение насыщено информацией (комментарии получились бы многостраничными), веской афористичностью аргументов, и, во-первых даже не часть – главу или две, испытываешь потребность обдумать.

В книге шесть частей («Стрэтфорд», «Лондон», «Чума сделала его поэтом», «Слуги лорда-камергера», «Весь мир – “Глобус”», «При Стюартах») и эпилог. Первая часть, к примеру, состоит из четырех глав. В первой («Семейство из Снитерфилда на фоне эпохи») пять четких разделов: «Ускользающие свидетельства», «Шекспир из Снитерфилда и Арденны из Уилмкота», «Мог ли неграмотный фермер стать мэром?», «Реформация по-английски», «Джон Шекспир – жертва Реформации?» Традиционно для автора превосходно выписан фон, исчерпывающе изложены детали.

Глава вторая («Он знал довольно по-латыни...») предлагает многогранные ответы на четко поставленные вопросы: «“Довольно” – это много или мало?», «Чему и как учили в грамматической школе?», «Посещал ли? Не мог не посещать». Качественные вопросы – характерная черта книги, и глава третья («О чем говорят слухи и молчат документы?») – не исключение: «После школы: у мясника или в суде?», «Брак-коньер?», «Католик и учитель?», «Брак ранний и тоже загадочный».

Динамичность и увлекательность повествования нарастает. И.О. Шайтанов собрал великолепную библиотеку современного англоязычного шекспироведения. Он, безусловно, – в курсе всего отечественного, но англоязычные подходы пока вне конкуренции. Думаю, эта книга способна вызывать интерес и за рубежом. Здесь взгляд представителя русской филологической школы, продолжателя А.Н. Веселовского,

формалистов. И – знатока шекспировских трудов П. Акройда, Х. Блума, К. Данкен-Джоунз, С. Гринблатта, Ф. Кермоуда, П. Леви, Дж. Митчелла, Дж. Шапиро, С. Уэллса и др.

Всепроницающе остроумие, внимание к языку. Как иначе говорить о шекспировском времени? «Прошедшие школу формального расчленения и составления слов, выискивания этимологий и созвучий современники [Шекспира] оказались средой, восприимчивой к словесной игре, откликающейся на речевой юмор» [1, с. 52].

Важно соответствовать и эпохе, и – гению-герою. «Творческая образованность – это вдохновенное знание, предполагающее наличие понятий, но переносящее акцент на способность “соображать”, соединять и объяснять их. Шекспир обладал этой способностью в фантастической степени, очевидной уже в стремительности и глубине речевого потока его пьес» [1, с. 53].

Одним из первых на книгу откликнулся Михаил Швыдкой, и его воспоминание трудно забыть: «Когда-то, когда я принес в научный сборник статью о любимом мною Джордже Лилло (1693–1739), родоначальнике английской “мещанской” драматургии, А.А. Аникст, который был ответственным редактором этого сборника, сказал мне с присущей ему откровенной резкостью: “Зачем ты занимаешься этой ерундой? Если хочешь стать настоящим ученым, займись гениями. Шекспиром, например. Обретеешь другой масштаб личности, – человеческий и научный”» [3]. И.О. Шайтанов в шекспироведении органичен.

О Шекспире бытует много слухов, легенд, анекдотов, собранных или присочиненных ранними биографами. Что обычно делают со слухами? Их излагают. Приоритеты компаративиста Шайтанова иные: «Попробуем соотнести их, проверяя, в какой мере они стыкуются или исключают друг друга. Иными словами, проведем опыт сюжетостроения, сопоставляя разные мотивы, выясняя их происхождение, степень достоверности и возможный хронологический порядок» [1, с. 55]. Постановка задач предельно четкая, решения красивы.

В главе «Браконьер?», например, рассматривается легендарная версия, какие обстоятельства могли побудить Шекспира к отъезду из Стрэтфорда. Как отмечает И.О. Шайтанов, эта версия «в сюжете шекспировского жизнеописания» «представляет собой вставную новеллу, разрастающуюся на протяжении веков и преломленную несколькими жанрами» [1, с. 60]. Жанровый подход – специфика видения исследователя: «Освещение событий всегда зависит от того, в каком жанре о них повествовать. Одно и то же событие может быть увидено эпически, сентиментально или анекдотически. Историю отъезда или бегства Шекспира из родного города рассказывали так долго, что ей пришлось адаптироваться к меняющимся повествовательным стратегиям» [1, с. 60]. При чтении получаешь отличные филологические уроки.

Углубляясь в анализ эпизода, И.О. Шайтанов задерживается на моменте возможности порки Уильяма: «Такое могло быть, а могли пригрозить, потом распустить слух...» [1, с. 62]. Исследователь проводит параллель с похожим эпизодом из пушкинской био-

графии. Там речь шла не о браконьерстве – «о вольномыслии и юношеской бравате, по поводу чего был распущен слух, что Пушкина забрали в участок, да и высекли, чтобы был разумнее. Оскорбленное самолюбие, африканская ярость, удвоенная бравата и как результат – южная ссылка. А клеветнику – оскорбительнейшая эпиграмма: “...И теперь он, слава Богу, / Только что картежный вор”» [1, с. 62]. Испытываешь благодарность за компаративизм в квадрате: «В деле о браконьерстве оскорбительный ответ поэта также присутствует – в жанре баллады» [1, с. 62]. И – за отсутствие стремления расставить точки над i: «Неисповедимы пути слухов и биографических анекдотов. Они так же легко могли быть сплетены из мотивов, обнаруженных в пьесах, как предполагаемые ими события – породить эти шекспировские события» [1, с. 65].

И.О. Шайтанов – не любитель «простых» вопросов: «...откуда фермерский внук и сын перчаточника из Стрэтфорда мог все это знать – про королей, графов и тронные интриги? Ответ дают простой: он сам был если не из королей, то из графов... И вопрос наивный, и ответ – глупый. Что, собственно, такого знает автор хроник и трагедий про королей, чего он не мог прочесть у Холла и Холиншеда?» [1, с. 68]. Постановка филологических вопросов много интереснее: «...где Шекспир мог приобрести эту речевую свободу...» [1, с. 68].

Юмор нередко маркирован интертекстуальными включениями. Говоря о версиях свидетельств того, что Шекспир по прибытии в Лондон мог присматривать за лошадьми джентльменов, приезжавших верхом в театр, Шайтанов наслаждается красотой сюжета о том, «...как Шекспир (если человек талантлив, то талантлив во всем) вытеснил конкурентов: сначала приобрел репутацию своим умением услужить, затем собрал мальчишек, распределил усилия и захватил весь конюшенный бизнес – в общем, показал себя как предтеча Шерлока Холмса и Остапа Бендера, мастеров по использованию услуг подрастающего поколения» [1, с. 72].

Запоминаются попутные ремарки, например, о том, что «связь с секретными или сыскными службами надолго останется традицией для английских писателей – от Даниеля Дефо и Генри Филдинга до Сомерсета Моэма и Грэма Грина» [1, с. 100–101].

Ценны ремарки исследователя-путешественника, знающего маршруты своего героя: «Расстояние от Стрэтфорда до Лондона – около 100 миль. Ехать можно двумя путями – через Котсуолдские холмы и Бэнбери или через Оксфорд. Второй путь несколько длиннее, но Шекспир предпочитал именно его, как полагают, чтобы заглянуть в университетские книжные лавки» [1, с. 94]. Описание детально – можно отправляться за ними вослед.

Забота о читателе ощущается постоянно. Собранная по крупицам информация щедро предоставляется в наше распоряжение. Казалось бы, мы знаем о чуме, но бывают ли лишними цифры? «Развлекательным заведениям предписывалось закрывать двери, когда смертность от чумы в столице достигала пятидесяти смертей в неделю (позже эту цифру снизят до сорока)» [1, с. 150].

И.О. Шайтанов не склонен к культурным и социальным предрассудкам. Новой и убедительной для меня стала параллель Шекспир – Бродский. Оба не только «университетов не кончали», но и в школе не доучились. «Если вы услышите сегодня снисходительное: так ли уж образован Иосиф Бродский? Да, он любил античность, но... по переводам...» [1, с. 110]. Эта зоркость и проницательность взгляда позволяет по-новому увидеть Шекспира.

Столь же поразительна и тонкость слуха; например, говоря о переводе английского выражения *university wits* как «университетские умы», издавна вошедшего в употребление, И.О. Шайтанов отмечает, что «вполне удачным» его считать нельзя. Обращая внимание на то, что в английском выражении слышны два равно важных слова, где второе имеет исторически отчетливый смысл, исследователь предлагает отказаться от «умов» (с различным грибоедовским подтекстом). Остановиться на «университетских остроумцах»? Нет, ассоциации со способностью отпустить острое словцо тоже неидеальны, а потому лучше не бояться архаизации и придерживаться более точного, связанного с остротой мышления термина: «университетские остроумы» [1, с. 97].

Ценна языковая рефлексия; например, о механизме работы острого ума: «Легкое перепрыгивание с одного слова на другое, с ним созвучное, вчитывание в слово второго и третьего смысла, возвращение идиоматически стертому слову его первоначального значения – это и есть путь остроумия, движущегося каламбурами и продуктивными аналогиями» [1, с. 112].

О движении концептов в «метафизической поэзии» говорено многократно. И.О. Шайтанов показывает блестящую работу поэта в драматическом жанре: умение обнаружить драматические возможности в слове запускает виртуозную игру с ними. «Выдумка требует подсказки и часто получает ее в языке, когда слово, сказанное в одном значении, перетолковывается в другом, становясь ядром повествовательного сюжета или, во всяком случае, сопровождая его. Можно сказать, что такова изначальная способность языка – порождать мифы. В шекспировские времена она еще очень сильна, а поэт, пишущий пьесы, постоянно дает нам почувствовать, как из слов плетется смысловая паутина, опутывающая происходящее, как, будучи произнесенными, слова порождают эхо взаимных переключек. Однажды сказанное слово не забывается и может потянуть за собой шлейф через всю пьесу» [1, с. 122].

Меня удивило распространение этого видения не только на драму, но и на сплетни [1, с. 123–124], хотя, действительно, почему нет? Порождающий механизм языковой игры, характерный для атмосферы елизаветинского остроумия, не менее любопытен, когда происходит «на грани (и за гранью) злоязычия» [1, с. 124].

Проницательны заключения о русском переводе. Словесные нити часто теряются, и перевод «рвет речевую логику шекспировских пьес». Самое трудное – «удержать эхо смысловых переключек» [1, с. 123].

В книге много открытий. Исследователь показывает, что стиль «метафизической поэзии» рождается в хронике – в «Ричарде II» [1, с. 256].

Трагедию «Ромео и Джульетта» иногда называют «сонетной», но в действительности здесь важно опровержение сонетного стиля [1, с. 262].

Для Шекспира важно подвести итог и – двигаться дальше: «Уходя вперед, он любил оглянуться и сделать предметом обсуждения то, что недавно было принятым способом речи и усвоенным кругом идей» [1, с. 262]. Уходил вперед он, экспериментатор, постоянно.

Оригинальна система хронологии. Не будет преувеличением сказать, что в отношении Шекспира двигались самые разные версии. И если та или иная датировка в каком-то труде уже высказывалась, то здесь, в книге – именно *система хронологии, система мотивировок и связей* его, И.О. Шайтанова.

Реконструкции воспринимаются как убедительные филологические гипотезы (иного пути, кроме как гипотетического, здесь нет). Логические конструкции крепки. За аргументацией следишь с напряженным вниманием – и с удовольствием: поражает объем и глубина знаний об эпохе и творчестве, изумляет интуиция.

Какая пьеса была написана первой, в каком жанре? Наиболее радикальное решение – по поводу комедии. Исследователь показывает, почему, по его мнению, Шекспир начал писать комедии одновременно с сонетами (не ранее); более того, создавал их для частных домов. Почему, скажем, «Комедия ошибок» написана не в 1591, а в 1594 году? Она хорошо сделана («самая хорошо сделанная, выстроенная пьеса»): «ощущается рука мастера» [1, с. 193]. Вас это не убеждает? Но почему бы не прислушаться к специалисту, выныкнув в его логику?

Кроме наслаждения богатством филологических открытий, наверное, каждый по прочтении задумывается о своих любимых гипотезах. Мне оказалась близка версия, что Шекспир после восстания Эссекса мог быть в Шотландии, стать известным королю Иакову: слишком многое она объясняет в «Макбете».

Автор затрагивает многочисленные проблемы, иногда – в ироническом ключе. «Так и остаются современные биографы и историки в этой ужасной неопределенности: что там было, не было или могло быть в хитросплетениях ренессансной сексуальности» [1, с. 382].

Эрудиция впечатляет. Говоря об открытии проблемы нового века – власти денег в «Тимоне Афинском» (человек пришел не любить – делать деньги), И.О. Шайтанов не преминет напомнить вдохновенный гимн золоту из «Вольпоне» Бена Джонсона в переводе П. Мелковой: «О порождение солнца! / Ты ярче, чем оно! Дай приложиться / К тебе, ко всем следам твоим священным...» [1, с. 420]. У него на памяти переключки очень широкого плана. Так, я не замечала эхо «fair and foul» Макбета и ведьм (рокового превращения добра в зло) в «Тимоне». Тимон «как ему кажется, разгадывает загадку метаморфозы, находит источник страшного превращения» и путь выхода: «Тут золота достаточно вполне, / Чтоб черное успешно сделать белым, / Уродство – красотой, зло – добром...» (пер. П. Мелковой) [1, с. 420].

Это очень современная книга. Я имею в виду не столько иронию, стремительность мыслей, но осново-

полагающий взгляд на Шекспира – «нашего современника». Для него «...современность предстала в момент рождения как разрыв прежней связи. Трагедия его героев в том, что они – выходцы из другого мира, первыми столкнувшиеся с теми проблемами, которые мы считаем своими. Наши проблемы становятся их проблемами и ставят их в тупик, а мы получаем возможность увидеть нашу реальность освобожденной от привычности и кажущейся понятности» [1, с. 345].

Читая, часто улыбаешься актуальности параллелей; например, о вездесущих мытарях. «В то время как в Стрэтфорде Шекспир приобретает крупную собственность, в Лондоне по его следу идут налоговики, чтобы взыскать пять шиллингов с имущества, оцененного в пять фунтов» [1, с. 275].

Доставляет удовольствие образность мышления, соответствующая герою и его веку, например: «В своих многократных поединках остроумия Шекспир и Бен Джонсон видятся мне испанским тяжелым галеоном и английским боевым кораблем; мастер Джонсон, подобный первому, нагружен знанием, основателен, но лишен маневренности. Шекспир, подобно английскому кораблю, уступает в размерах, но легок под парусом, способен отбиться любому течению и поймать любой ветер благодаря остроте и изобретательности своего ума» [1, с. 296]. И в то же время – актуальность речевого жеста: «В этой шумной клоунаде нет даже умного шута, способного выступить модератором языкового пространства» [1, с. 50].

Виртуозная легкость основательных выводов идеальна для серии «ЖЗЛ», рассчитанной на самую разнообразную аудиторию: «У Шекспира мы часто становимся свидетелями того, как, взяв прежде незначительный или только набирающий популярность сюжет, он превращает его в культурный миф, сохраняющий силу на последующие века» [1, с. 365].

С любого момента можно начинать новый цикл глубинного – на века – разговора, как это делает, например, М. Швыдкой: «И. Шайтанов пытается разгадать главную его [Шекспира] тайну – судьбу гуманистической утопии, которая испытывается на прочность в трагедиях, – и, похоже, терпит поражение в трагикомедиях, завершающих его творческий путь. Но если бы эта гуманистическая утопия потерпела крах – в начале XVII или XXI века, – мы бы не вчитывались заново в его строки. Не искали бы ответов на вопросы, которые в эпоху Шекспира, казалось, еще не были сформулированы...» [3].

Литература

1. Шайтанов, И.О. Шекспир / И. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474 с. – (Жизнь замечательных людей).
2. Шенбаум, С. Шекспир. Краткая документальная биография / С. Шенбаум; пер. с англ. А.А. Аникста и А.Л. Величанского; вступ. ст. А.А. Аникста. – Москва: Прогресс, 1985. – 432 с.
3. Швыдкой, М. Ускользающий гений [Электронный ресурс] / М. Швыдкой // Российская газета. – 2013. – 28 августа. – № 6166 (190). – Режим доступа: http://gvardiya.ru/news/mihail_shvydkoy_o_biografii_shekspir_igo_rya_shaytanova

L.V. Yegorova

‘BUILT HIGH IN LEARNING, SOLID, NOT SLOW IN HIS PERFORMANCE’

Without any special emphasis on the novelty and originality of his discoveries, Igor Shaytanov demonstrates the way Shakespeare works with metaphysical conceits in drama, and reveals his wit and its mechanisms. Shaytanov proves that the style of ‘metaphysical poetry’ appears initially in chronicles – in *Richard II. Romeo and Juliet*, the so-called ‘sonnet tragedy’, is of special importance with regards to refuting the sonnet style. The book is abundant in discoveries. Shaytanov is convincing in his profound reconstruction of William Shakespeare biography, the original system of chronology. He gives a highly convincing picture of the rooting of London playwright’s works in a biographical context.

W. Shakespeare, I. Shaytanov, the *Lives of Remarkable People* series, wit, ‘university wits’, comparative studies, metaphysical conceit, ‘metaphysical poetry’.

Н.С. Зелезинская
Белорусский государственный университет

ШЕКСПИР: БИОГРАФИЯ С КОММЕНТАРИЯМИ

В статье предпринята попытка анализа трансформации биографии как жанра в последние десятилетия. Объектом исследования являются повторные биографии, позволяющие зафиксировать изменения в жанре. Автор отмечает тенденции к диалогичности, аллюзивности, вариативности, доказательности, узкоспециализации, фрагментаризации и ее преодолению, модальности недействительности, открытости, сочетанию историчности и детализации, уходу от ненадежного и эпатазирующего нарратива, эксперименту в форме, но не в содержании, стиранию внутрижанровых границ. Основной силой, вызвавшей эти изменения, исследователю видится постмодернизм, который вкупе с сопутствующими ему течениями деконструктивизма, нового историзма и др. привнес в биографию ряд идей и техник, и переживание опыта постмодернизма в прошедшем по отношению к нему времени. Отсюда использование категориального аппарата постмодернизма как наиболее адекватного и перспективного в данной ситуации и подробное рассмотрение преломления теории смерти автора, детерриторизации, интертекстуальности, фрагментаризации, смешения жанров и других постмодернистских идей в биографии. В результате автор отмечает как широкое использование методологии постмодернизма, и особенно нового историзма, так и реверсное по отношению к ним движение, и возросшее внимание к традиционным характеристикам биографии. Материалом исследования послужили биографии Шекспира, как отечественных, так и зарубежных авторов, но основное внимание приковано к книге И.О. Шайтанова, которая ярко отображает важнейшие современные тенденции жанра, устанавливает его образец и демонстрирует перспективу его развития.

Биография, жанр, трансформация, постмодернизм, новый историзм, доказательность, Шекспир, проблема авторства.

Интерес к жанру биографии вырос в конце XX века и сохраняет ту же тенденцию в веке XXI, что заметно и по количеству издаваемых биографий, и по теоретическим работам, стремящимся охватить предмет, жанровую форму и методологию биографики [см. 25]. Как и другие востребованные литературные жанры, биография подвержена трансформации, высвечивает тенденции времени, способствует пониманию литературного и литературоведческого процессов, что предопределяет актуальность таких исследований.

Изменения внутри жанра особенно интересно проследить на примере повторных биографий. Повторные биографии являются одним из любопытных феноменов биографики, появляясь не только вследствие интереса к определенной личности, но и ввиду полемики (скрытой и явной) с предшествующими биографиями. Появление новой биографии, очевидно, провоцируется выявлением новых, ранее не известных фактов в количестве достаточном, чтобы претендовать на новый угол зрения и новое видение великого человека. Они пишутся как из научного интереса, так и в угоду «обществу, бурно воспринимающему попытки авторов развеять привычные мифы» [7, с. 228]. Причина более объективного характера зачастую кроется в устаревшем подходе первого жизнеописания: многие биографии советских времен настолько проникнуты соответствующей идеологией, что делают книгу нечитабельной или, во всяком случае, непопулярной у современного реципиента. Очевидно, что автор каждой последующей биографии надеется, по меньшей мере, что его труд вытеснит

предыдущие из широкого круга чтения. Каких из вышеупомянутых причин достаточно, чтобы появившаяся новая биография завладела читателем? Насколько замысел последующих биографий завязан на уже существующих? Несомненно, делать вид, что перед вами – чистая доска, сегодня сродни невежеству или лицемерию. Постепенно вырисовывается ситуация, когда каждая последующая биография становится частью интертекста и, в силу компетентности и открытости автора, несет определенную нагруженность аллюзиями на своих предшественников, что, конечно, усложняет задачу биографа, но обогащает читателя новыми уровнями информации.

К размышлениям о повторных биографиях очень располагают биографии Уильяма Шекспира. Русскоязычный читатель знаком с переводными изданиями книг Г. Брандеса, Ф. Холлидея, С. Шенбаума, Э. Берджеса, П. Акройда. Но при всем интересе к зарубежным исследованиям за знаниями о Шекспире традиционно обращались к работам отечественных шекспироведов. Источником биографических сведений служили вышедшие в серии ЖЗЛ «Шекспир» М.М. Морозова в 1947 г., «Шекспир» А.А. Аникста в 1964 г. и – после длительного перерыва – «Шекспир» И.О. Шайтанова в 2013 г. Что дал отечественному шекспироведению перерыв в полвека?

Между текстом середины XX века и текстом начала XXI стоит эпоха, трансформировавшая мировую литературу по целому ряду параметров. Биография – жанр на стыке документальной и беллетристической литературы [см. 15] – не только не избежала этой уча-

сти, но и достаточно успешно отразила тенденции постмодернизма, а также его преодоления. В силу своей биполярности жанр вынужден сохранять константы, не теряя из виду документальную основу повествования, и в то же время адаптироваться к изменению формы и содержания. Как показывает практика, жанр лоялен к экспериментам: вполне конкурентоспособны биографии в виде комикса («графический роман» о Стиве Джобсе [24]), биографии города (с таким подзаголовком только о Лондоне вышли книги Кристофера Хибберта, Бернара Удена и Питера Акройда), биография без хронологической подачи событий [14] и др.

Биография Шекспира по своей природе идеально ложится в постмодернистское русло. Она распадается на фрагменты, загадывает загадки, вызывает на вариативность и открыта как с точки зрения неконечности шекспировского канона, так и с позиции постоянного пополнения и отсеивания документов. Материал шекспировской жизни – идеальная база для создания самого ненадежного нарратива, что приходит в оппозицию с сутью биографии – «осмыслением истории жизни личности» [17, с. 91]. Возможно, это противоречие является одной из причин разночтения одних и тех же фактов и, как следствие, порождения многочисленных биографий и псевдобιοграфий Уильяма Шекспира. До постмодернизма не могло появиться биографии, в которой автор предлагает читателю перейти из оппозиции «говорящий – слушающий» к диалогу, задавать все шекспировские вопросы, отмечать разные точки зрения, вступать в полемику, давать вариативные ответы, не навязывая свою точку зрения и позволяя себе сомневаться. Сегодня мы держим ее в руках. Наконец-то читателю позволено узнать, из каких кирпичиков складывается эта биография, увидеть неприглаженность и неопределенность фактов, неясность документов, нечитабельность почерков, ненадежность свидетельств – И.О. Шайтанов приглашает вместе разбираться в разрозненных материалах, ведет нас туманными дорожками догадок, удерживая, правда, на твердой почве научности, что, конечно, не просто, учитывая, какие возможности к интерпретации открывает биография Шекспира.

Задача исследователя – собрать калейдоскоп. Памятуя, что смотреть в него будет читатель. Недаром И.О. Шайтанов предупреждает: «что полезно для биографа, бывает очень вредно для читателя, которому очередная версия предлагается как истина в последней инстанции» [20, с. 6]. Свою же задачу российский литературовед видит (в т.ч.) в *приближении* «к тайне величайшего гения» [20, с. 13]. Новый «Шекспир» – очевидный продукт сознания XXI века, перешагнувшего кризис глобализации, большие теории, альтернативные истории, постмодернизм, новый историзм, но отразившего их опыт и достижения.

Уже беглый просмотр книги позволяет заметить, как изменилась модальность биографического текста. Если в 1947 г. можно было утверждать, что «с семилетнего возраста Шекспир ходил в «грамматическую школу» [13, с. 10], то в 2013 г. эта же мысль звучит иначе: «Шекспир не мог не посещать грамматическую школу в силу социального положения своей семьи» [20, с. 47]. В эпоху сомнений текст также осторожен:

«быть может», «вероятно», «кажется», «если» рассыпаны по страницам. Нарратив наполнен вопросительными и условными предложениями. Вопросы, а не утверждения предваряют многие разделы книги: После школы: у мясника или в суде? Браконьер? Католик и учитель? О том, что и кем могло быть украдено; Если первой была хроника; Если первым был «Тит Андроник»; Чем заполнить паузу? Какая из комедий могла быть первой? Если Джон Донн ходил в театр... Комедия для неизвестно чьей свадьбы и др.

Рука об руку с осторожностью текста идет доказательность. У читателя в руках не привычный по советским временам монолог, где автор уверенно излагает свое видение чужой жизни. В 1964 г. А.А. Аникст (не забыв о благодарности предшественникам в начале книги и о хорошей библиографии в конце) написал биографию как цельную историю на одном дыхании, историю авторскую, и автор один – Аникст. Текст И.О. Шайтанова несет печать постмодернистского опыта: любое утверждение ведет за собой страницы комментария, каждая фраза нагружена значениями предшествующих текстов и отмечена осознанием своего знания. «Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года в Стрэтфорде-на Эйвоне в семье перчаточника. Эта фраза привычно и уверенно открывает шекспировскую биографию, но все ли в ней абсолютно достоверно?» [20, с. 16] Сегодняшний исследователь, как влюбленный у Умберто Эко, вынужден признаваться Шекспиру в любви, ссылаясь на других шекспироведов.

Доказательность одновременно и залог успешности биографии. Чего бы ни касалась биография – дороги в школу, изучения латыни, ежегодных поездок в Стрэтфорд, открытия «Глобуса», выдачи сукна на ливрею – сознательно заняв фактологическую позицию, И. Шайтанов комментирует и аргументирует как значительные, так и мелкие события. Книга цитирует или упоминает документы, значимые для установления даты, автора, места постановки, регистрации пьес. Такая педантичность радует специалистов и необходима в книге-ответе, книге-диалоге, хотя вряд ли упрощает чтение. А ведь биография помещена в серию ЖЗЛ и, значит, предполагает самый широкий круг читателей. В сравнении с имеющимися у русскоязычного читателя шекспировскими биографиями данная явно тяготеет к узкоспециализации.

Биографический жанр в принципе чувствителен к дихотомии «научность – популярность». Удивительно, что при общем стремлении литературного текста к упрощению языка, фанфику, массовой культуре, биография шагает в обратном направлении. В предисловии к русскому переводу книги Макса Коха «Шекспир» Н.И. Стороженко отмечает, что «Кох намеренно избегает специальных исследований» [9, с. 1]. В последних шекспировских биографиях (за исключением, пожалуй, Стэнли Уэллса) такие намерения не прослеживаются, как и в целом ряде других писательских биографий. Например, Г. Аросев в рецензии на книгу «Станиславский» замечает, что Кречетов-театровед расставляет акценты с точки зрения своего интереса, «изредка вставляет целые страницы, посвященные истории русского театра. Все это действительно интересно, но узкоспециализировано»

[3, с. 394], и упрекает ее в «излишней научности книги» [3, с. 395]. На наш взгляд, узкоспециализированность сегодня есть обратная сторона достоверности. Биография должна быть авторитетной, заявляют шекспироведы, собирая подписи, завешание, письма, свидетельства графологов, краеведов, мемуаристов, ранних биографов, юристов, охотников. Неискушенному читателю грозит опасность завязнуть в текстологических изысканиях. Исследование Шайтанова если и не ориентировано в основном на литературоведов, то, во всяком случае, предполагает определенный багаж знаний у читателя и способность к анализу и синтезу прочитанного.

О том, что доказательность является залогом успеха биографа, свидетельствует судьба книги Сэма Шенбаума, поставившего надежность нарратива во главу угла: «Эта книга является документальной биографией. Этим она отличается от бесчисленных популярных книг о жизни Шекспира, где факты дополнены авторскими умозаключениями, гипотетическими реконструкциями или критическими толкованиями пьес и стихов» [22, с. 24]. Несколько дальше шекспировед поясняет, от каких популярных книг он отмежевывается, с видимым удовольствием цитируя пассажи Энтони Берджеса о двух Энн, чтобы потом обозвать это толкование вымыслом «цветистым и безвкусным» [22, с. 127]. Взамен любовного треугольника С. Шенбаум тут же предлагает читателю перечень всех близлежащих церквей для установления места, где был заключен брак Шекспиров [22, с. 129–131]. О занимательности этой работы трудно говорить, особенно в сравнении с работой Питера Акройда, с первой страницы поражающей «растертыми заячьими мозгами, которые в Уорикшире обычай предписывал давать новорожденному» [1, с. 15].

Работа И.О. Шайтанова, несомненно, многим обязана С. Шенбауму, однако документальной биографией в чистом виде не является. Отдавая предпочтение первому, автор не забывает и о других главных принципах, провозглашенных редакцией ЖЗЛ еще в 1950 г.: «научной достоверности, высоком литературном уровне и занимательности» (из предисловия к каталогу ЖЗЛ 1890–2010). Он смягчает сухость фактов живостью повествования, прекрасным слогом, богатым словарем, сравнениями, аллюзиями, иронией и самоиронией. Развлекает читателей «вставной новеллой» (балладой?) о браконьерстве, в главе об «утраченных годах» в духе Джона Фаулза практически предлагает читателю самому выбрать занятие для юного Шекспира. И даже будто принимает правила детектива, ставшие нормой для антистрэтфордских трудов (частично тоже в силу постмодернистского давления), но исключительно формально – детективная составляющая структурирует текст более интересно, нежели хронологическое перечисление фактов/сухая хронология. Читателю даже предлагают поучаствовать в расследовании, проанализировать «улики» и «допросить свидетелей». Но, конечно, в конце книги не выскакивает, как чертик из табакерки, очередной Ретленд, и жанровое заигрывание оборачивается сквозной иронией по отношению к антистрэтфордianцам, которые не пощадили сил и времени на расшатывание жанровой границы между беллетристикой и документалистикой, где биографии и без того нелегко балан-

сировать: «Трудно себе представить, как процесс театральности мог бы проходить, если бы автором шекспировских пьес был не он, а кто-то из предлагаемых на его место графов, живших то при дворе, то в поместье, то в Италии, то сидевших в Тауэре. По мобильной связи? А вся труппа, конечно, ни сном ни духом не подозревала о подлинном авторстве или коллективно хранила секрет. Актеры – самый подходящий для этого народ» [20, с. 91]. Грань между научной и художественной биографиями сегодня стерта еще и в результате того, что крайне занимательное *бытописание* было в прошлом веке возведено в ранг серьезных научных достижений.

Пишущего о Шекспире в XXI в. неизбежно накрывают две волны: шекспировский вопрос и новый историзм. Стивенем Гринблаттом и многими вслед за ним эпоха Возрождения была избрана как арена практического приложения творческого потенциала. Такое внимание вдохнуло жизнь и стимулировало находки в собственно шекспироведении и обогатило последнее богатым полевым материалом. Но в то же время новый историзм значительно усложнил проблему выбора методологии, вынуждая балансировать между литературой и культурой и при этом получать отчетливый литературоведческий результат. Антистрэтфордianцы разрубили методологический гордиев узел мечом деконструкции, увлекшись поисками логических нестыковок. Стрэтфордianцы в большей или меньшей степени откликнулись на вызов нового историзма, вычитывая жизнь Шекспира равно в лингвистических и экстралингвистических источниках.

Стоит вспомнить, что новый историзм не вдруг обнаружил, что у Шекспира были современники, которые писали письма, наговаривали на соседей и одаживали друг другу деньги. Еще Н.И. Стороженко хвалил за такого рода наблюдения немецкого шекспироведа в предисловии к изданию 1888 г., только метод называл по-другому: «Выходящая в русском переводе книга магдебургского профессора Макса Коха занимает особое положение в обширной шекспировской литературе. Это, сколь нам известно, единственная биография Шекспира, в которой строго проведена культурно-историческая точка зрения» [9, с. 1]. Георг Брандес в 1895 г. развивает бытовой уровень биографии: убранство домов, режим дня, костюмы, вид лондонских улиц и подобные живописные детали помогают представить Шекспира не гением вне времени, каким он безусловно является для нас и так, но обычным человеком, который не пользовался вилок и не курил табак [4]. Принцип историзма имеет солидную собственную историю, а его «новизна» состоит в выявлении «источков индивидуального опыта личности в обстоятельствах окружающей его эпохи» [17, с. 91]. В принципе, усиленное внимание к предметно-бытовому естественно вытекает из заявленной Гринблаттом текстуальности истории. И в практическом приложении часто означает смещение акцентов с масштабных абстракций на мелкие, мелочные, обыденные, частные предметы, которые, тем не менее, способны приблизить фокус зрения к объекту и высветить его в новой сущности. Как метко выразился А. Эткнд, «новый историзм ищет в тексте... воплощения ситуативных проблем автора и его времени» [26].

Вместо общих формулировок, пространных экономико-исторических очерков об экономико-политическом положении Англии, отдельных вставных биографий Елизаветы Тюдор, Марии Стюарт, Ф. Сидни, К. Марло, Ф. Бэкона, Ф. Дрейка и др. шекспироведы «дали эпохе говорить самой» [12, с. 6], приблизили линзу к стрэтфордским улицам, лондонским окраинам, конкретным семьям, профессиям и, следовательно, конкретному человеку, что, помимо информативности, плодотворно сказалось на литературности и занимательности биографического жанра. Кроме того, новоисторическое стремление интерпретатора к «культурному переводу» в значительной степени позволяет нам в XXI веке понять Шекспира, который не является нашим современником, и его произведения, которые современны всегда, и приблизиться к пониманию того, как же это все-таки возможно. Удачным примером применения опыта нового историзма, на наш взгляд, стала книга Питера Акройда «Шекспир. Биография». У П. Акройда нет Армады, огораживаний, чужих биографий и Африканской компании, зато есть точнейшее описание герба сэра Люси с расшифровкой. Есть список стрэтфордских соседей Шекспиров, которые поженились также поспешно, в ожидании ребенка, в обход обычной процедуры. Есть описание уорикширского обряда, когда мужчина и женщина приносили клятву верности (*troth-plight*), после которого считались парой еще до церемонии бракосочетания, а также цитаты из «Меры за меру», где есть слова этой клятвы, которые для непосвященного читателя сегодня (и уж тем более для читателя перевода) не обладают всей смысловой нагрузкой. Шекспир Акройда живой, а чтение вкусно и увлекательно.

Но надо признать, биография как жанр сопротивляется принципам нового историзма, поскольку склонна к созданию целостной картины жизни, а новый историзм ее фрагментаризует. Поэтому биограф либо сознательно должен идти по пути создания некоторого отрезка из жизни писателя (например, год из жизни Пушкина [16]), либо выделить несколько отрезков, которые ложатся в его интерпретацию, либо, выбирая целостность, отказаться от метода нового историзма как основного, что не мешает использовать его как дополнительный метод. Кроме того, биография, избегающая широкого исторического контекста, стремится к маргинализации и скорее претендует на дополнительное чтение, чем на основной источник информации. В контексте целого пласта шекспировских биографий, существующих в Англии, и высокой степени осведомленности в этом вопросе английского читателя биографии типа акройдовской имеют право на существование и, более того, занимают отдельную нишу, находя благодарного читателя. В условиях, когда создание новой биографии ожидается полвека, эпизодических очерков недостаточно, требуется фундаментальная работа.

Новый русский «Шекспир» является целостной работой, удачно сочетающей крупномасштабное изображение эпохи (позволяющее понять движение гуманитарной мысли, представить человека среди окружающих его условий времени) и повышенное внимание к деталям быта, нравам, культурным знакам, к едва заметным следам человека, чья биография созда-

ется: «Любопытно, в какой мере уорикширский диалект и акцент (достаточно отчетливый даже в наше время) сохранился в живой речи драматурга?» [20, с. 194]. Чего в этой биографии нет, так это знакомого нам по школьным учебникам Возрождения с титанами и идеалами. Нет также эпического пафоса с названиями глав вроде «Эпоха», «Предшественники». Обращают на себя внимание разделы об истории театра, театральных и литературных жанров, судьбе театральных зданий (об их устройстве, строительстве, расположении, обстоятельствах возникновения и исчезновения, причинах большей или меньшей популярности), театральных постановках, составе и взаимоотношениях трупп [20, с. 72–90, 306–314]. Из инструментов «нового историзма» в новом «Шекспире» особенно впечатляет постоянное видение текста в жизни, например: «Средства борьбы с чумой придумывали много – от снадобий до молитв и психологического противостояния: верили, что чума минует тех, кто весел и крепок духом. Отсюда – пир во время чумы, не метафора, а довольно частое явление» [20, с. 151]. В этом открывается истинный интерес автора книги – лингвистический.

Начиная от возвращения к первой (и отвечающей современным правилам перевода топонимов) норме орфографии «Стрэтфорд» вместо уже привычного «Стратфорд», книга демонстрирует внимание исследователя к слову в разных проявлениях. Явно прослеживается актуальная попытка привести к современным нормам перевода имена собственные, релевантные для биографии Шекспира и очень производно переводимые на русский язык. Действительно, осознаются ли читателем как одна персона ряды Ролей – Рали – Роли, Гесве – Хесве – Хатауэй – Хэтеуэй, Риотсли – Раотсли – Ризли, живущие на страницах русских изданий? И.О. Шайтанов обращает внимание русского читателя на расхождения в объеме значений слов (*труппа* – *company*; *meamp* – *stage* – *theatre*, *благородный* – *gentle*), объясняет принятые в шекспироведении понятия и термины и приводит их на двух языках (*суфлерская книга* – *promptbook*, *реконструкция по памяти* – *memorial reconstruction*, *расчленители* – *disintegrators*). В текст инкорпорировано большое количество полных и частичных цитат произведений елизаветинцев и документальных свидетельств. Внимание к слову, к тексту позволяет расставить интереснейшие акценты, например, начав разговор о проблемном поле трагедии «Гамлет» с сопоставления текстов «пра-Гамлета» и «Гамлета» 1600–1601 гг.

Собственно пьесам и их интерпретации в книге отводится очень много места, что необычно для западноевропейских биографий, но традиционно для русских, хотя Лотман считал, что «смешение этих двух типов книг – биографии автора и анализа им созданных произведений – редко приводит к удаче» [11, с. 228]. Но для И.О. Шайтанова обращение к пьесам – не уход от биографии к творчеству, а призыв к читателю обратиться непосредственно к тексту при размышлении о том, «что же сделал Шекспир», чтобы создать мировые шедевры [20, с. 341].

Разговор о биографии и творчестве под одной обложкой неизбежно приводит к камню преткновения биографики – вопросу о допустимости интерпретации

творчества через биографию и наоборот. С одной стороны, обычной практикой является поиск отражения событий жизни в работах писателя. Очевидно, что изучать наследие писателя без обращения к фактам жизни в полной мере невозможно. Было бы странно оспаривать научность размышлений о том, отразилась ли смерть 11-летнего сына Гамнета в творчестве его отца, даже при получении разных результатов. И.О. Шайтанов разделяет мнение Джеймса Джойса (точнее, его героя Стивена Дедалуса) и видит тень отцовских страданий в описании последних часов и мученической смерти юного Артура в «Короле Иоанне». А можно ответ на смерть сына увидеть в строках II части Генриха IV, где жена Нортумберленда обвиняет его в смерти сына (II, 3) [1, с. 404]. И в «Зимней сказке» поведение отца также становится причиной катастрофы. С другой стороны, совершенно иное отношение сложилось к противоположной стратегии. Против считывания биографических фактов с творческих ресурсов предупреждал Винокур: «Литературный текст не может рассматриваться как достоверный источник биографических сведений» [5, с. 58]. «Нельзя, например, из того факта, что Шекспир описал в „Укрошении строптивой“ своенравную женщину, делать вывод, как это пытались делать некоторые биографы, что жена его, Анна Шекспир, отличалась своенравием» [13, с. 238]. И.О. Шайтанов также стоит на той позиции, что биография не подкрепляется и не доказывается текстом произведений: «Можно ли признать, что более убедительные результаты дал поиск в пьесах намеков на сэра Люси и мотива браконьерства? А мотив этот проявляется неожиданным образом в первой же шекспировской трагедии <...> Следует ли из этих слов, что Шекспиру приходилось также воровать у мельника или хлебопека?» [20, с. 64]. Рассмотрение художественного творчества в качестве источника биографических сведений чревато фантазиями, однако надо признать, что история шекспироведения не демонстрирует полного отстранения биографии от произведений. Исходя исключительно из художественных произведений, только ленивый не упрекал Шекспира в предвзятом отношении к евреям, гомосексуалистам, женщинам или иностранцам. И серьезные шекспироведы привлекали и привлекают текст в качестве доказательства биографических фактов за недостатком оных [2, с. 29–30, с. 51]. Но вряд ли обычным делом можно считать ту степень свободы, с которой читают сонеты и многострадальный честеровский сборник антистрэтфордianцы.

Многие биографы изящно отмахиваются от недостойных внимания измышлений, как французские шекспироведы Ж.-М. и А. Маген: «Есть область, которую этот труд избегает. Это полемика вокруг авторства произведений шекспировского канона. В течение долгого времени любители исторических загадок, тайных кодов и замысловатых ключей наслаждались этим вволю и еще будут продолжать это делать. Занятие это, поскольку может доставить им удовольствие, по здравому размышлению довольно невинно. Мощные маяки привлекают всякого рода корабли: такие как сторонники графа Оксфорда, Френсиса Бэкона, королевы Елизаветы I и т.д. Если они пренебрегают сопоставлением информации из первоисточника

Фолио 1623 г., первого интегрального издания драматических произведений, со сведениями, например, из завещания, это их дело. Мы желаем им удачи. Они никогда не перестанут вызывать симпатии у значительной части читателей, страдающих сенсационных откровений, построенных вопреки здравому смыслу» [12, с. 6]. Другие уделяют т.н. «шекспировскому вопросу» незначительную часть своего труда, чтобы продемонстрировать осведомленность и отчетливо обозначить свою позицию. Так М.М. Морозов относит главу «Вопрос об авторстве» девять страниц: «Хотя эта проблема, возбуждавшая одно время страстные споры, и не имеет серьезного основания, мы не можем обойти ее молчанием» [13, с. 229]. Но надо признать, что рано говорить о ней в прошедшем времени.

«Шекспировский вопрос», пусть и имеет старые корни, расцвел на почве постмодернизма. Вполне логично, поскольку именно постмодернизм оперирует такими понятиями, как когнитивный релятивизм, закат больших нарративов, деконструкции, принципиальный плюрализм, пересмотр исходных презумпций. Место истины в традиционном понимании занимают игры истины, самодостаточные в своей плюральной процессуальности и не результирующие в истине как финальной величине. На наш взгляд, игры истины (вне зависимости от осознания авторами своего участия) не могли не затронуть шекспировскую биографию (об особенностях которой выше) во второй половине XX века и представляются закономерным движением. На постсоветском пространстве восторжествовали чудесным образом соединенные ощущения новизны постмодернизма и обретенной идеологической свободы. Движения детерриторизации и дестрагификации книги как таковой захватили многих российских литературоведов во главе с И.М. Гилиловым, а также многочисленных любителей детективов.

Поскольку эти тенденции были объективно обоснованы, оставалось только переждать антистрэтфордianскую волну в российском шекспироведении и посмотреть, что же мы имеем в сухом остатке. Сегодня, за пределами постмодернизма, можно увидеть его достижения и проигрыши, а заодно оценить реальные шансы на жизнь целой плеяды великих бардов, сотворенных желающими поиграть в истину. Версии рассыпались, как карточный домик, иногда благодаря стрэтфордianцам, но чаще – апологетам очередного претендента, которые не упускали возможности пнуть друг друга в пылу спора: «Между тем рэтлендианцу (в том числе и Гилилову) пристало бы дать рэтлендианские ответы на главные в „Сонетах“ вопросы <...> Здесь Гилилов и вовсе не имеет своего мнения» [18, с. 53]. Многие аргументы И.М. Гилилова [6], С.А. Степанова [18], Ф.П. Шипулинского [23] сводятся к вольной трактовке текстов: *manners* – не манеры, а Мэннерс – родовая фамилия Рэтленда [18, с. 53]. А некоторые шекспироведы вообще ставят себя выше доказательств, объявляя, что «эта третья версия с Божьей помощью явилась взору авторов этих строк» [8, с. 8], или дистанцируясь от них жанрово, как Ольга Кувшинникова, автор «биографического романа» о Мэри Фиттон, фрейлине Елизаветы и заодно Смуглой леди сонетов (без аргу-

ментов, хотя некоторые соображения по этому поводу в шекспироведении действительно существуют) [10].

Оказалось, что плюральность поисков автора шекспировского канона не вылилась в создание некоей альтернативной устойчивой структуры: полученные результаты взаимоисключительны. Очевидно, шекспировский вопрос исчерпал себя: все возможные кандидаты названы, но ни одному апологету не удалось привести достаточно доказательств, лишь посмеяться над чужими. Однако в свете распространенности версий, транслированных в массы, читатель ожидает вразумительных объяснений и от традиционного шекспироведения. Особенно в России, где в последние десятилетия количество написанных антистрэтфордианских биографий перекрыло стрэтфордианские, и уже чуть ли не хорошим тоном считается иронично-отстраненное «некто Уильям Шекспир» [18, с. 6] и гордый «отказ от постулатов шекспироведения» [18, с. 7].

В этом ключе актуальность нового «Шекспира» трудно переоценить. Исследователь последовательно расставляет точки над *i*. Предполагает, куда пропали из завещания рукописи и книги, указывает на существование образца почерка драматурга, приводит свидетельства У. Давенанта, Р. Грина, Б. Джонсона и др., рассуждает о том, умел ли писать мэр Стрэтфорда, может ли гений хорошо зарабатывать, оценивает школьные познания в латыни, их необходимость в успехе пьес, доступность источников сюжетов, сравнивает количество информации об эйвонском лебеде и о других елизаветинских драматургах... В «Шекспире» отдельные фразы и даже разделы звучат как ответы на чужие реплики. Книга и начинается, и заканчивается спором с антистратфордианцами, но в отличие от них избегает пафоса разоблачения. Многие контраргументы скромны, но все вместе создают полотно реальной жизни. Основной же аргумент против любителей «шекспировского вопроса», на наш взгляд, не связан ни с бытовыми подробностями, ни с количеством подписей: «Антистрэтфордианцы (судя по тому, что они пишут) если и читают Шекспира, то с целью обнаружения в его текстах тайного шифра или явного плагиата. Ищущий находит то, что искал, но пропускает все остальное» [20, с. 7].

В своей книге И.О. Шайтанов ведет диалог не только с антистрэтфордианцами, но и с представителями традиционного шекспироведения, между которыми тоже не всегда есть понимание. Много копий сломано на почве соотношения факта и вымысла в интерпретации жизни личности. В биографии Шекспира эта проблема усложняется ничтожно малым количеством документальных свидетельств, отчего возникает соблазн «позволить себе расширить сферу рассмотрения настолько, чтобы включить в нее апокрифические истории и легенды, так или иначе возникающие вокруг имен великих людей сразу же после их смерти» [22, с. 25]. Таким образом, работа биографа превращается в сизифов труд: филологи неустанно стремятся к тому, чтобы собрать свидетельства жизни Шекспира, и к тому, чтобы очистить ее от чуждых элементов.

Легенды – единственное, чем мы пока располагаем, пытаясь заполнить «утерянные годы». Даже само это понятие наполнено разным объемом. Мы не име-

ем никакими документальными сведениями о жизни Шекспира с 1585, когда родилась двойня, и до 1592, когда Шекспир упоминается Р. Грином как драматург. А некоторые ученые растягивают «утерянные годы» на весь период с 1564 по 1592, поскольку мы все равно знаем лишь о браке и рождении детей, но не о роде занятий и источнике доходов [27]. Каждому биографу Шекспира предстоит заполнить эту лакуну своей версией, по сути, вымыслом, опираясь исключительно на легенды. Самая известная и старая – легенда о браконьерстве – была упомянута со слов Беттертона первым биографом Николасом Роу в 1709 г. и подтверждена священником Ричардом Дэйвисом (Davies). История о незаконной и потому преследуемой охоте на оленей уже не воспринимается, собственно, как легенда, и с доверием воспроизводится даже Эдмундом Чемберсом. Лишь в последнее время возникли сомнения относительно ее правдивости и времени возникновения, так как выяснили, что уголья сэра Люси не имели заповедного статуса и что баллады в действительности были написаны в XVIII в. В разделе «Браконьер?» текстологический подход позволяет читателю самому увидеть истинные корни этого красивого объяснения бегства в столицу. Свое мнение И.О. Шайтанов оставляет в тени, замечая: «С равным успехом можно предположить, что из мотива, мелькнувшего в ранней пьесе, была выведена сплетня и сконструировано биографическое событие. Неисповедимы пути слухов и биографических анекдотов. Они так же легко могли быть сплетены из мотивов, обнаруженных в пьесах, как предполагаемые ими события – породить эти шекспировские мотивы» [20, с. 65]. Ту же позицию И.О. Шайтанов занимает относительно всех использованных в биографии легенд: учительства в Ланкашире, монологов над трупом теленка, бидфордских пьяниц, сопровождения лорда Лейстера в Нидерланды в качестве шута либо поездки в Шотландию и т.д. Причина такого прохладного отношения к легендам ясна: если им верить, то Шекспир после школы мог провести несколько лет сельским учителем, перчаточником, резчиком, аптекарским учеником, писцом у адвоката, помощником садовника, адвокатом, матросом и типографщиком – выбирай на вкус! А анекдот о королеве, милостиво роняющей Шекспиру перчатку во время представления, не выдерживает вообще никакой критики.

Очень близко к легендам по степени достоверности подходят неясные свидетельства, позволяющие двоякие трактовки. Так, например, нет отчетливой информации о причине обнищания Джона Шекспира. Его объясняют либо упадком торговли шерстью (основываясь на том, что в 1590 г. граждане Стрэтфорда обратились к лорду-канцлеру казначейства с петицией, в которой жаловались, что город пришел в упадок из-за оскудения суконной и прядильной промышленности), либо католическими убеждениями отца драматурга (основываясь на его «духовном завещании» под стропилами дома). И.О. Шайтанов предпочитает психологическое объяснение экономическому: «Упорный неконформизм выглядит единственным имеющимся в нашем распоряжении объяснением его разорения, прервавшего образование его сына Уильяма» [20, с. 37]. Эта версия хорошо объяс-

няет и бегство из Стрэтфорда, и ланкаширское учительство, позволяя отойти от браконьерства.

К кривотолкам очень, признаться, располагает и вторая по качеству кровать вкупе с желанием Анны Хэтеуэй быть похороненной в одной могиле с мужем, и отсутствие книги и рукописей. Существует столько измышлений на основании слухов, что, кажется, проще и лучше отринуть сразу все. Но случается, правда, что сомнительные легенды вдруг неожиданно находят документальное или вещественное доказательство. Так восточное крыло дома на Хенли-стрит издавна было известно как «мастерская по переработке шерсти». Однако все недоумевали, откуда взялась переработка шерсти у перчаточника Джона Шекспира и почему в 1709 г. Н. Роу называет Джона Шекспира «известным перекупщиком шерсти», а в начале XIX в. хозяин этого дома уверял, что под полом нашел остатки шерсти. И только в XX в. обнаружили материалы судебного дела 1599 г., где Джон Шекспир обвинял своего делового партнера в неуплате двадцати одного фунта стерлингов за 21 тонну шерсти. Они подтвердили правоту ранних биографов и создали прецедент в отношении шекспировских легенд. Такие удачи заставляют исследователей подробно изучать, комментировать, интерпретировать все свидетельства, чтобы не упустить шанс отделить зерна от плевел.

Подробные комментарии И.О. Шайтанова позволяют читателю уловить ускользающий образ «gentle Shakespeare». Его Шекспир – вполне «русский», он вписывается в наше традиционное представление о великом английском драматурге, он не шокирует и не эпатирует, но благодаря стараниям автора становится гораздо человечнее и понятнее. Книга сообщает читателю определенное видение личности, составляет впечатление энергичного, решительного, любвеобильного, внешне спокойного, благородного человека с отличным чувством юмора, склонного, «не обнаруживая своего присутствия», оставаться наблюдателем окружающей жизни [20, с. 449] и из своих наблюдений создавать гениальные произведения. Характер, творчество, история, нравы – отдельные аспекты биографии, будучи сложены вместе, создают определенную картину, целостную в той степени, насколько это возможно в условиях релевантности истории, бытия и шекспировской биографии. В той степени, которая, с одной стороны, удовлетворяет сегодняшние запросы читателя, с другой стороны, оставляет открытыми двери для новых исследований: тайны гения, жанровой эволюции, анализа текста, новых переводов...

За те полвека, что российское шекспироведение размышляло над новым Шекспиром, биография вышла на новый виток развития. Жанр вобрал и переработал опыт постмодернизма, трансформировался и в своем новом качестве вызвал небывалый ранее интерес. Этот интерес можно объяснить переосмыслением личностных ценностей при смене парадигм и желанием опереться на совершенный образец в неустойчивую эпоху смены веков. Это также реакция на не оправдавшую себя теорию смерти автора. Утверждение А. Эткинды, справедливое по отношению к XX в., постепенно утрачивает актуальность: «По мере того, как тексты размыкают свои границы и включаются в гипотетический интертекст, анализ перестает нуждаться

в индивидуальном авторе. Так одним из последствий новой гуманитарной утопии стало избегание индивидуальности. Значение биографии и психологии автора (а также героя или читателя) стало модным скорее отрицать, чем подчеркивать» [26]. Сегодня мы отмечаем реверсное движение – поиск героя, образца, гения. При этом традиционные задачи жанра не теряются из вида. Биография сохраняет поучающее воздействие, формирует мораль, устанавливает образцы поведения и ориентирует в ценностной системе, возможно, даже в большей степени, чем раньше, поскольку эти функции были частично утрачены другими областями гуманитарного знания: историей и литературой. В неосознанную и необозначенную эпоху после постмодернизма гуманитарная мысль перефокусировалась с глобальных процессов на субъект, а морализаторская функция перешла от больших нарративов к частной истории и тексту, которые органично смыкаются в биографии.

Можно пойти дальше и заявить, что автор вообще никогда не терялся в русском дискурсе. Его авторитет нет необходимости восстанавливать, поэтому так легко строит И.О. Шайтанов диалог не только с антистрэтфордianцами и читателями, но и с предшественниками. В ситуации, когда каждая последующая биография является частью интертекста и в зависимости от компетентности и открытости автора несет определенную нагруженность аллюзиями на своих предшественников, И.О. Шайтанов отдает должное не только английским источникам. Он комментирует бахтинскую трактовку Шекспира, цитирует А.Н. Веселовского и Л.Е. Пинского, рассыпает пушкинские и гоголевские аллюзии. Это то, чего нет нигде и что делает Шекспира «русским Шекспиром», поскольку без осознания, признания и освоения чужого опыта внутри своего нет дальнейшего развития. Все это делает «Шекспира» не просто блестящей биографией, а явлением российского литературоведения и шире – культуры.

Литература

1. Акройд, П. Шекспир. Биография / П. Акройд. – Москва: КоЛибри, 2010. – 734 с.
2. Аникст, А.А. Шекспир / А.А. Аникст. – Москва: Молодая гвардия, 1964. – 368 с. – (Жизнь замечательных людей).
3. Аросев, Г.Р. Кречетова. Станиславский / Г. Аросев // Вопросы литературы. – 2015. – № 5. – С. 394–395.
4. Брандес, Г. Шекспир. Жизнь и произведения / Г. Брандес // Гений в искусстве. – Москва: Алгоритм, 1997. – 734 с.
5. Винокур, Г.О. Биография и культура / Г.О. Винокур // Лингвистическое наследие XX века. – Москва: ЛКИ, 2007. – 97 с.
6. Гилилов, И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса / И. Гилилов. – Москва: Междунар. отношения, 2001. – 509 с.
7. Измайлова, М.И. Историческая биография: опыт и закономерности (на примере серии ЖЗЛ) / М.И. Измайлова // Царскосельские чтения. – 2014. – Т. 1. – № XVIII. – С. 64–72.
8. Козминиус, О. Шекспир. Тайная история / О. Козминиус, О. Мелехций. – Санкт-Петербург: Нева, 2003. – 572 с.
9. Кох, М. Шекспир / М. Кох; предисл. примеч. и доп. Н.И. Стороженко, проф. Моск. ун-та. – Москва: В.Н. Маракуев, 1888. – [2], V, [3], 6–472, VIII с.

10. Кувшинникова, О.В. Шекспир и Смуглая леди: биография любви / О. Кувшинникова. – Москва: Алгоритм-Книга, 2007. – 236 с.
11. Лотман, Ю. Биография – живое лицо / Ю. Лотман // Новый мир. – 1985. – № 2. – С. 227–242.
12. Маген, Ж.-М. Шекспир / Ж.-М. и А. Маген. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 447 с.
13. Морозов, М. Шекспир / М. Морозов. – Москва: Молодая гвардия, 1947. – 280 с.
14. Паньков, Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина / Н.А. Паньков. – Москва: МГУ, 2009. – 721 с.
15. Померанцева, Г.Е. Биография в потоке времени. – Москва: Книга, 1987. – 335 с.
16. Седова, Г.М. Биография и творчество А.С. Пушкина: последний год / Г.М. Седова. – Санкт-Петербург, 2010. – 44 с.
17. Соболевская, О.В. Биография / О.В. Соболевская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва: Интелвак, 2001. – С. 91–92.
18. Степанов, С.А. Шекспировы сонеты, или Игра в игре / С. Степанов. – Санкт-Петербург: Амфора: Седов, 2003. – 549 с.
19. Тэн, И.-А. Шекспир / И.-А. Тэн. – Одесса: Г. [Бейленсон и И. Юровский], 1894. – I. Введение; Биография Шекспира; Его стиль. – 36 с.
20. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474[6] с. – (Жизнь замечательных людей).
21. Шекспировская энциклопедия / под ред. Стэнли Уэльса при участии Джеймса Шоу. – Москва: Радуга, 2002. – 270 с.
22. Шенбаум, С. Шекспир / С. Шенбаум; пер. с англ. А.А. Аникста, А.Л. Величанского; вступ. ст. А.А. Аникста. – Москва: Прогресс, 1985. – 432 с.
23. Шипулинский, Ф.П. Шекспир – Ретленд. Трехвековая конспиративная тайна истории / Ф.П. Шипулинский. – Москва: URSS; Либроком, 2014. – 181 с.
24. Хартленд, Д. Стив Джобс. Дико крутой: графический роман / Д. Хартленд. – Москва: АСТ Corpus, 2016. – 235 с.
25. Холиков, А. Биография писателя как жанр / А. Холиков. – Москва: URSS; Либроком, 2010. – 91 с.
26. Эткинд, А. Новый историзм, русская версия [Электронный ресурс] / А. Эткинд // НЛЮ. – 2001. – № 47. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html>
27. Honigmann, E.A.J. Shakespeare: The 'Lost Years' / E.A.J. Honigmann. – Manchester University press, 1998. – 192 p.

N.S. Zelezinskaya

SHAKESPEARE: COMMENTATED BIOGRAPHY

The article considers the newest changes in the bulk of writers' biographies. According to the researcher, the process of rewriting biographies reveals the most significant features of the genre in the 21st century. The tendencies discovered are as follows: variability, textuality and intertextuality, fragmentalization and its resistance, conditionality, multifacedness. The biography strives to be open, historically true, detailed and experimental in form. Evidential requirement is seen as one of the most vital ones. The biography now is intended as a dialogue with the reader, with previous biographies of the person considered according to opponents and sources. The article views postmodernism as the catalyst of the changes mentioned and dwells upon the usage of the instruments of New Historicism, deconstruction, the notions of deterritorialization, the death of the author alongside with the reversed direction in the contemporary biography as Postmodernism turns into After-Postmodernism. The analysis of new biographies shows the traces of postmodernistic experience as well as the returning to the traditional targets and methods of the genre. The researcher exemplifies their ideas in relation to a number of Shakespeare's biographies written by European and Russian literary scholars. The greatest attention is given to *Shakespeare* by I.O. Shaytanov, which claims to reflect the main tendencies of the genre, setting high standards and demonstrating the perspective of its development.

Biography, genre, transformation, postmodernism, New Historicism, validity, W. Shakespeare, authorship problem.

В.С. Макаров

*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет (Москва)*

МИР ШЕКСПИРА, «НОВЫЙ И НЕИЗБЕЖНЫЙ» (О КНИГЕ: ШАЙТАНОВ И.О. «ШЕКСПИР»)

С выхода новой биографии Шекспира в серии «Жизнь замечательных людей», написанной И.О. Шайтановым, прошло более трех лет, два из которых пришлось на шекспировские юбилеи. Это дает возможность еще раз прочитать книгу и понять, в чем она перекликается с основной тенденцией мирового шекспироведения, которую я бы обозначил словосочетанием «постбардовский Шекспир».

Шекспир, биография, шекспироведение, И.О. Шайтанов.

Начать хотелось бы неоригинально – с напоминания, что со дня выхода биографии Шекспира, написанной И.О. Шайтановым, прошло уже три с лишним года, и два из них были юбилейными – 450-летие со дня рождения Шекспира и 400-летие со дня его смерти. Но такого шекспировского юбилея в России не было уже очень давно – абсолютно свободного, когда каждый может праздновать память того Шекспира, который ему или ей нравится. Разброд? Как ни удивительно, нет, по крайней мере, если говорить о науке. И мировое, и российское шекспироведение на волне конференций и конгрессов показало, что при всем разнообразии «мировых Шекспиров» основные тенденции примерно одинаковы. Наше понимание и исторического Шекспира в его культурном контексте, и Шекспира как культурной силы, которая за 400 лет проникла всюду, вплоть до комиксов и компьютерных игр, неостановимо усложняется.

Юбилеи окончательно показали, что «Великий Бард» – непогрешимый, одинокий на вершине своего величия – ушел в прошлое, причем не только в трудах шекспироведов, где ему, в сущности, всегда было неуютно. Даже массовой культуре все более нужен Шекспир как «прием сложности», острашения, неоднозначности, как автор, чьи пьесы и стихи одновременно не отделимы от жанра, в котором созданы, и раздвигают его границы. Такого Шекспира я бы определил словом «постбардовский», и такому Шекспиру нужна своя биография.

В России новые биографии Шекспира (оставляя за рамками, разумеется, спекулятивные домыслы) не выходили давно – если не считать переводные работы: классическую книгу Сэма Шенбаума [23] (которая, впрочем, не совсем биография, а скорее свод фактов и реферат документов) и беллетризованную работу Питера Акройда [17], то приходится возвращаться к середине шестидесятых, когда вышла книга А.А. Аникста для серии ЖЗЛ [18]. И это на фоне потока англоязычных биографий! [1; 2; 5; 7; 9; 12; 14]

И.О. Шайтанов хорошо в них ориентируется, но (забегая вперед) не могу не согласиться с автором в

самом главном – в том, что «образцом современного биографического метода» для него становится история одного года в жизни Шекспира, написанная Джеймсом Шапиро [12]. Без длинной цитаты не обойтись: Шапиро (а с ним и Шайтанов) стремятся «воссоздать жизненную ткань в контексте исторических событий, взятых с бытовой подробностью; восстановить восприятие пьес теми, для кого они были написаны; изучая биографию, приблизиться к тайне величайшего гения на все времена, но явившегося на свет в свое время – “тюдоровским гением”» [22, с. 13–14].

Главный соблазн для шекспировского биографа таится в самой природе жанра. Это соблазн рассказать красивую историю, сложить кусочки легенд так, чтобы звучало убедительнее. Судьбы людей и тексты пьес могут стать строительными камнями для такой башни, и избежать этого очень трудно. Даже опытный Стивен Гринблатт строит целую сюжетную линию своей биографии Шекспира [5, гл. 7] на весьма сомнительной параллели между Робертом Грином (или все-таки обитателем лондонского дна, которым Грин предстает в посмертном памфлете?) и шекспировским Фальстафом. И.О. Шайтанов прав, предупреждая, что «слухи и биографические анекдоты так же легко могли быть сплетены из мотивов, обнаруженных в пьесах, как предполагаемые ими события – породить эти шекспировские мотивы» [22, с. 65]. И если Шапиро избегает этого соблазна, сосредоточившись всего на одном годе жизни Шекспира – 1599, а в новой книге – 1606 [14], то для биографа, который хочет взять метод Шапиро за образец, но охватить всю жизнь Шекспира, нужны особенные стратегии.

Прежде всего это значит, что надо признать: шекспировская биография, вероятно, навсегда останется «великим “может быть”», но из нее не вычеркнуть легенд. Браконьерство Шекспира на землях сэра Томаса Люси, возможная работа домашним учителем в католическом семействе, ранние годы в Лондоне – все эти микросюжеты И.О. Шайтанов рассматривает, но отказывается признавать их фактами и делать на их основании выводы о Шекспире и его текстах. Мифы

более влиятельные приходится корректировать: «Буря» не была последней пьесой Шекспира и его прощанием со сценой, хотя при этом вполне возможно, что мысли об уходе из театра повлияли на то, каким получился Просперо [22, с. 442–443].

В такой биографии Шекспир получается «сложным», потому что «фон» и «авансцена» постоянно меняются местами, но ничего друг другу не навязывают: ни «народность», ни «гениальность». При этом важно оставить достаточно места для новых, современных и будущих, открытий и гипотез, чтобы биография не устарела уже через несколько лет. И это российскому биографу Шекспира вполне удастся. Бурное развитие стилометрии и компьютерных технологий атрибуции привело к тому, что все большее число пьес Шекспира начинают считать написанными в соавторстве. Редакторы вышедшего в прошлом году «Нового Оксфордского Шекспира» [11], например, расширяют шекспировский канон до 44 пьес, из которых в соавторстве написаны 10, в том числе и все три части «Генриха VI» (при участии К. Марло, Т. Нэша, Г. Пила и анонимного автора или авторов). Вопрос даже не в том, прав ли Гэри Тейлор и его соредакторы: вполне возможно, что Шекспир не писал совместно с Марло, а кто-то из драматургов просто подражал его популярному «мощному стиху» – или тонкой иронии Нэша. Для «бардовского» Шекспира соавторство – катастрофа представлений о гениальном драматурге, для Шекспира «постбардовского» – дополнительное доказательство того, что автора нельзя отрывать от своей эпохи. Впервые в российской традиции шекспировских биографий автор рассматривает и «апокрифы»: «Арден из Фэвершема», «Эдуард III», ища в них то, что могло заинтересовать Шекспира.

И.О. Шайтанов находит аргумент в пользу соавторства не как вынужденного занятия слишком неопытного или, наоборот, стареющего драматурга, но как неотъемлемой части авторской работы: «...в любом произведении, у которого – один автор, естественно присутствие “чужого” стиля, вошедшего в стиль эпохи, или жанра, присущего определенному типу сюжета» [22, с. 445]. Но все это не означает, что тезис о «коллективном авторстве» верен в отношении всех или большинства шекспировских пьес [22, с. 131]. Коллективно придумать сюжет действительно почти невозможно, но при обновлении старой пьесы авторство неизбежно «наслаивается» (одна из самых спорных точек современного шекспироведения – редактировал ли Томас Миддлтон «Макбета» и «Меру за меру»). Возможен был и вариант «распределения сил», когда сначала создается схема сюжета, а потом распределяются сцены в зависимости от предпочтений и сильных сторон авторов, – вот только даже компьютерный анализ не находит следов соавторства для большинства пьес Шекспира, а значит, биограф прав, и казус «Генриха VI», «Томаса Мора» и нескольких поздних трагикомедий останется лишь серией эпизодов в биографии Шекспира.

Если писать историю Шекспира как часть английской и европейской литературы, а не просто истории о Шекспире, то, конечно, необходима и фактическая точность. Здесь современный российский биограф продолжает традиции Аникста и Шенбаума (и десятка

западных биографов, упомянуть которых в короткой статье невозможно), открывая российскому читателю то новое, что появилось в западном шекспироведении за последние двадцать лет. Критическая проверка гипотез, основанная на изучении фактов и дат, встречается почти на каждой странице: это и история с гербом семейства Шекспиров (получившая в прошлом году новое развитие в связи с открытием фолджеровского библиографа Хизер Вулф [19]), и вопрос о «ростовщичестве» Шекспира (в обществе, где не было пенсий и банковских вкладов).

Еще один известный пример – пресловутая «неграмотность» отца Шекспира и его детей. Здесь хотелось бы уточнить: существовало множество практик письма и подписи. Как показал Шенбаум со ссылкой на тогда еще совсем молодого Джона Кресси [10, с. 321–322], умение читать и умение писать были двумя разными функциональными навыками. Прекрасно умевший писать Адриан Куини, сосед Шекспиров, чей внук Томас женился на дочери Уильяма Шекспира Джудит, вместо подписи мог ставить перевернутое Q [10, с. 37].

Именно так – детально и критично – и надо вести «серьезный разговор» о Шекспире, и отрадно, что в этом отношении юбилейные шекспировские годы в России не прошли бесцельно для академического сообщества, которое начало преодолевать самое печальное наследие прошлых лет – замкнутость в рамках узких групп. Новые конференции, круглые столы, семинары, журналы, академические издания и книги для массового читателя – все это, надеюсь, поможет шекспировскому сообществу стать сплоченнее и одновременно более открытым для коллег-гуманитариев. Необходимо больше критических дискуссий, в том числе междисциплинарных, а главное – более нетерпимое отношение к дилетантству и беспочвенным вымыслам, выдаваемым за науку.

Не случайно первыми на выход новой биографии Шекспира откликнулись отрицатели шекспировского авторства (позвольте не приводить ссылки на работы антишекспиристов) – их очень задело, что с самых первых страниц И.О. Шайтанов не игнорирует, а критикует их построения. Здесь биограф тоже следует принципу «обновить жанр». Но главное даже не в этом: «постбардовский» подход сам по себе выбивает почву из-под ног тех, кто не может совместить в одном человеке «гениального драматурга» и «ростовщика». Эта обновленная версия историко-культурного метода показывает, почему беспочвенна дискуссия с антишекспиристами: они совершают подмену тезиса, сводя анализ текста к анализу неких гипотетических отраженных в нем чувств и событий, а затем требуют дискутировать с ними на этом бесплодном поле. Прав современный исследователь Холджер Сайм: «спор о шекспировском авторстве – злой близнец бардолатрии» [15]. Вынести необъяснимое в гениальности за скобки, не прибегать к нему как к *ultima ratio*, когда не хватает аргументов из культурной и жанровой истории – значит показать читателю, насколько бессмыслен спор с тем, кого не убедят никакие аргументы.

Значит ли это, что мысли и чувства автора невозможно включить в «серьезный разговор» о Шекспи-

ре? Конечно же, нет. Прекрасный пример – в том, как И.О. Шайтанов анализирует известную заметку Бена Джонсона «О нашем Шекспире» (De Shakespeare Nostrat[i]). Всем известен фрагмент из нее, где Джонсон жалеет, что Шекспир «не вычеркнул тысячу [строк]» из своих текстов. Биографы часто ставят эту цитату рядом со знаменитой строкой из джонсоновской элегии в Первом фолио: «Он знал немного полатыни и меньше по-гречески», но И.О. Шайтанов идет дальше: для Джонсона не вычеркивать строки – значит проявлять «отсутствие критической способности или рефлексии» [22, с. 200], а это в его понимании поэзии – невосполнимый недостаток. Но переходя от этого фрагмента к жанру сонета в ренессансной поэзии, российский биограф тут же дает ответ на критику шекспировского друга и соперника: именно в сонетах, даже если не считать, что за каждой их строкой стоит конкретное событие, Шекспир и проявляет рефлексию, в отсутствии которой его упрекает Джонсон.

Можно сделать и еще один шаг: Джонсон нарочно критикует Шекспира перед актерами, которые «считают его речь злонамеренной» (malevolent) – ведь им самим якобы нравится именно Шекспир, из-под пера которого льется уже готовый текст. Но Джонсон не просто «бередит собственные раны» (по известному выражению Э. Хонигманна [6, с. 99]), он хочет сбалансировать память о Шекспире, чтобы она не перешла в «идолопоклонство». Джонсон – рассказчик и герой собственного текста и Джонсон – драматург и теоретик литературы не всегда полностью совпадают.

Очень показательно и то, что российскому биографу удастся не превратить книгу в набор глав, посвященных отдельным пьесам. Через несколько десятков страниц мы можем описать круг и вернуться, чтобы открыть новые аспекты в уже «прочитанных» пьесах (например, о «Макбете» вначале говорится в контексте общей тематики «великих трагедий», а чуть позже – в связи с Пороховым заговором и тем, как логика «заказа» подчиняется развитию собственно шекспировской мысли). Такой сложный путь заставляет думать и сосредотачиваться на жанровой и культурной истории, а не на отдельных, пусть и великих, пьесах вне контекста.

То же и с анализом шекспировских сонетов, где биографу удастся и не отказаться от биографичности, и показать, что это не лирический дневник автора, а литературное произведение, работающее по своим законам. У него, как у других сонетных циклов рубежа веков, есть свой мотив: «Любви угрожает Время, ее должна спасти Поэзия», но это не мешает Шекспиру постепенно искать в сонетах свой стиль (и нельзя, конечно, забывать о переключках между сонетами и драмами – на с. 225 биограф, например, показывает, как переключается метафора в сонете 33 и «Генрихе IV»). В таком контексте неизбежен и вывод о том, что «язык сонетов изменил язык шекспировской драматургии» [22, с. 234], а прорывы из жанра в жанр с их устоявшимися правилами открыли дорогу новому: драматург «научил своих героев чувствовать так, как прежде умели только в высокой поэзии», а поэт никогда прежде не играл «таким разнообразием жизненных ситуаций».

Конечно, за пределами любой шекспировской биографии всегда что-то остается. Хотелось бы больше прочитать о том, чем Шекспиру обязана «выстрелившая» на рубеже XVI–XVII веков острая, сатирическая и одновременно меланхоличная культура, центрами которой были университеты и еще в большей степени лондонские «судебные Инны». Ей обязан был и Шекспир – «отсутствующего правителя» Томас Миддлтон в «Фениксе» и Джон Марстон в «Паразита-стере» и «Недовольном» вывели на сцену едва ли не раньше, чем Шекспир в «Мере за меру». Столь необычная вспышка интереса к этому мотиву, в сущности, всего за два года (1603–1604) на несколько десятилетий превратила его в один из ключевых для английской драмы. Все основные его элементы найдены в биографии, пусть и на разных страницах: свести их воедино – задача рефлексии читающего, тот необходимый интеллектуальный труд, без которого нам к Шекспиру не пробиться сквозь время.

Это и «рождение личности» в литературе, которое приносит с собой «душевный разлад, мучительные сомнения, <...> болезнь нового века – акцидию. Позже ее назовут меланхолией (еще позже – гамлетизмом)» [22, с. 218], и мы вместе с биографом переходим от сонетов к «Гамлету». Это более конкретная интеллектуальная меланхолия как «плата за свободу мыслить и подвергать сомнению» [22, с. 354] – даже когда автор сталкивается с прямым заказом, а его герой – с тем, в чем трудно сомневаться (например, с законом в «Мере за меру»). Наконец, это свобода для самого автора отойти «неуловимым движением», чтобы «со стороны посмотреть на смеющегося, а главное – показать ему и его самого, и того, над кем он смеется», после того как «подавался навстречу народному предрассудку» [22, с. 283]. В таком «вовлечении» и «отхождении» – не только правитель на сцене, но и автор, поэтому на вопрос, поставленный И.О. Шайтановым в отношении «Меры за меру» – «неудача» это или «эксперимент» [22, с. 391], хотелось бы ответить так же, как и он сам: разумеется, эксперимент – и добавить: но эксперимент, участником которого был не он один.

Есть в биографии и то, с чем согласиться невозможно. Шекспироведы давно спорят о том, какую же пьесу Томас Платтер видел в 1599 г. на сцене лондонского театра «Куртина». И.О. Шайтанов, основываясь на описании сюжетной интриги, в которой молодые люди разных национальностей, в том числе англичанин, борются за руку девушки, полагает, что это был «Венецианский купец». Действительно, в тексте «Купца» упоминается «юный барон Фоконбридж», один из потенциальных женихов Порции. Платтер, плохо зная английский язык, мог и перепутать Фоконбриджа с Бассанио. Но в том описании, которое он приводит, невозможно узнать «Венецианского купца»: немец (или голландец) побеждает соперников в бою или схватке (gewan die tochter mitt kempfen), а потом напивается со слугой и засыпает, в то время как англичанин уводит девушку. Исследователям эта пьеса обычно известна под условным названием «Пьеса о поклонниках девушки» (Play of a Maiden's Suitors) [8; 3; 16, с. 141] – вероятно, это была переделка или ответ на популярную пьесу У. Хотона «Как по мне, так англичан» («Englishmen for my money» (1598)). Но

ошибка эта не случайна: здесь открываются новые пути жанрового взаимодействия. Пьесу Хотона считают одной из первых «городских комедий» – жанр, который вскоре прославят Джонсон и Томас Деккер. Но сюжетный ход с выбором женихов – вполне шекспировский, пусть действие его комедии и происходит в далекой Венеции.

В переплетении жанровых взаимодействий нам не дает потеряться творческая свобода Шекспира и его современников, «позволяющая совершенно иначе разрабатывать старые мотивы...» [22, с. 257]. Важно, что в биографии тема свободы и границ – жанра, авторства и человеческой природы в целом – возникает с удивительным постоянством. Интересно, что такой свободе посвятил книгу своих лекций Стивен Гринблатт [4], которого И.О. Шайтанов в свое время серьезно критиковал [21]. Что же, противоположности иногда соприкасаются – оба автора показывают, как обречены на неудачу все попытки «классифицировать» Шекспира, заставить его служить одной идее, идеологии или догматической трактовке.

Биограф завершает книгу (казалось бы) метафорой: зритель или читатель видит явившийся ему силой шекспировского искусства «новый и неизбежный» мир, в котором мы можем увидеть «самих себя, какими мы были при начале нашего Времени» [22, с. 463]. Но на самом деле это не метафора: на выходе из Нового времени перед нами такой же новый и неизбежный мир, и его свободу и границы мы, хотя и освобождаясь от образа «Барда», по-прежнему понимаем как шекспировские.

Литература

1. Bate, J. *Soul of the Age: The Life, Mind and World of William Shakespeare* / J. Bate. – New York: Penguin, 2009. – 512 p.
2. Duncan-Jones, K. *Ungentle Shakespeare. Scenes from his Life* / K. Duncan-Jones. – Bloomsbury, 2001. – 322 p.
3. Egan, G. *Thomas Platter's account of an unknown play at the Curtain or the Boar's Head* / G. Egan. – *Notes and Queries*. – 2000. – No. 245. – Pp. 53–56.
4. Greenblatt, S. *Shakespeare's Freedom* / S. Greenblatt. – University of Chicago Press, 2010. – 144 p.
5. Greenblatt, S. *Will in the World. How Shakespeare became Shakespeare* / S. Greenblatt. – Norton, 2004. – 430 p.
6. Honigmann, E.A.J. *Shakespeare's Impact on his Contemporaries* / E.A.J. Honigmann. – Springer, 2016. – 149 p.
7. Nicholl, C. *The Lodger: Shakespeare on Silver Street* / C. Nicholl. – London: Allen Lane, 2007. – 400 p.
8. *Play of a Maiden's Suitors – Lost Plays Database* [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lostplays.org/index.php?title=Play_of_a_Maiden%27s_Suitors (дата доступа: 20.02.2017).
9. Sams, E. *The Real Shakespeare. Retrieving the Early Years, 1564–1594* / E. Sams. – Yale, University Press, 1997. – 256 p.
10. Schoenbaum, S. *William Shakespeare: A Compact Documentary Life* / S. Schoenbaum. – Oxford University Press, 1987. – 420 p.
11. Shakespeare, W. *The New Oxford Shakespeare: Modern Critical Edition: The Complete Works* / W. Shakespeare. – Oxford University Press, 2016. – 3393 p.
12. Shapiro, J. 1599. *A Year in the Life of William Shakespeare* / J. Shapiro. – Faber & Faber, 2005. – 429 p.
13. Shapiro, J. *Contested Will. Who wrote Shakespeare?* / J. Shapiro. – Faber & Faber, 2011. – 384 p.
14. Shapiro, J. *The Year of Lear: Shakespeare in 1606* / J. Shapiro. – Simon and Schuster, 2015. – 383 p.
15. Syme, H. *Enough Already* [Электронный ресурс] / H. Syme. – URL: <http://www.dispositio.net/archives/476> (дата доступа: 20.02.2017).
16. Wiggins, M. *British Drama, 1533–1642: A Catalogue. Volume 4* / M. Wiggins, C.T. Richardson. – Oxford University Press, 2014. – 489 p.
17. Акройд, П. Шекспир / П. Акройд. – Санкт-Петербург: Колибри, 2009. – 752 с.
18. Аникст, А.А. Шекспир / А.А. Аникст. – Москва: Мол. гвардия, 1964. – 367 с. – (Жизнь замечательных людей. Вып. 3 (378)).
19. Макаров, В.С. Авторство Шекспира: геральдический аргумент [Электронный ресурс] / В.С. Макаров; Информационно-исследовательская база данных «Современники Шекспира: Электронное научное издание». – URL: <http://around-shake.ru/news/5068.htm> (дата доступа: 20.02.2017).
20. Шайтанов, И.О. Две «неудачи»: «Мера за меру» и «Анджело» / И.О. Шайтанов // Шайтанов И. Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики. – Москва, 2010. – С. 111–216.
21. Шайтанов, И.О. «Бытовая» история / И.О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2002. – № 2. – С. 3–24.
22. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474 с.
23. Шенбаум, С. Шекспир: Краткая документальная биография / С. Шенбаум. – Москва: Прогресс, 1985. – 432 с.

V.S. Makarov

THE 'NEW AND IRREVERSIBLE' WORLD OF SHAKESPEARE: ON SHAKESPEARE'S BIOGRAPHY BY IGOR SHAYTANOV

More than three years have passed since the last Shakespeare biography in Russian, by Igor O. Shaytanov, appeared in print. Two of these were Shakespeare's jubilee years, which gave us a marvellous chance to reassess how we look at Shakespeare at the start of another 400 years. This short contribution attempts to reexamine Shaytanov's book in the light of a more complex view of Shakespearean scholars – the one I could term 'post-bardic Shakespeare'.

W. Shakespeare, biography, Shakespeare studies, I. Shaytanov.

О.Г. Сидорова
Уральский федеральный университет

О БИОГРАФАХ И БИОГРАФИЯХ: И.О. ШАЙТАНОВ «ШЕКСПИР»

Биография У. Шекспира, написанная И.О. Шайтановым и изданная в серии «ЖЗЛ» (М., «Молодая гвардия», 2013) в преддверии 400-летнего юбилея великого англичанина, рассматривается в статье в сравнении с биографиями драматурга, изданными с той же серии (М. Морозов, 1947, 2-е издание – 1956; А. Аникст, 1964). Отмечая преемственность трех изданий и трех авторов по ряду позиций (например, относительно так называемого «шекспировского вопроса»), статья одновременно выявляет новаторские черты биографии драматурга, созданной И.О. Шайтановым. Используя новые материалы и данные, автор выдвигает ряд интересных гипотез, таких, например, как гипотезу о появлении жанра комедии в творчестве Шекспира. Кроме того, в отличие от биографий своих предшественников, И.О. Шайтанов цитирует в тексте биографии и английские оригиналы, и многочисленные русские переводы, сравнивая их между собой для выявления глубинного смысла каждого произведения.

Шекспир, биография, серия «Жизнь замечательных людей», И.О. Шайтанов.

Обосновывая проблему внешнего и внутреннего в биографии творческого человека, Г.О. Винокур еще в 1924 г. писал о человеческой личности не как о застывшей, определенной форме, но как о «модификации личности в ее развитии...», а развитие личности понимается автором как «не что иное, как синтаксически (вовсе не эволюционно!) развернутая личность» [3, с. 61–62]. Являясь одним из древнейших жанров европейской прозы, восходящим к античности, претерпев многочисленные изменения в ходе исторического развития, биография получает второе рождение в современной литературе. Жизнеописания писателей, в которых конкретные факты биографий неотделимы от их творчества и взаимосвязаны между собой, пользуются большой популярностью среди читателей разных стран. Современный критик утверждает: «Область серьезного читательского чтения переместилась сейчас с художественной литературы, с романов и повестей, как бывало раньше, в область мемориальную, дневниковую, которую на западе достаточно выразительно называют “нон-фикшн” (переведем энергично: никакой фантазии). Причины здесь очевидны: жизнь сама по себе интереснее любого романа» [4, с. IV]. Оставляя в стороне полемическую заостренность данного утверждения, подчеркнем, однако, что принцип «никакой фантазии» действительно выступает одним из очевидных преимуществ биографического жанра.

Первая биография Уильяма Шекспира, вышедшая в отечественной серии биографий «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», была написана знаменитым отечественным литературоведом и переводчиком М.М. Морозовым (первое издание – 1947 г., второе, значительно дополненное, – 1956 г.). Следующей стала биография великого англичанина, написанная ведущим советским шекспироведом А.А. Аникстом в 1964 г. и изданная в той же серии. Она открывается следующим утверждением: «Никто из современников Шекспира не озаботился

составить его биографию. В те времена такой чести удостоивались лишь короли да христианские великомученики, но не деятели культуры и искусства, тем более театра» [2, с. 5]. Биография У. Шекспира, написанная А. Аникстом, отличается, на наш взгляд, большей, по сравнению с биографией М. Морозова, ориентацией на широкий круг читателей – именно поэтому в ней отсутствует развернутый библиографический раздел. Это легко объяснимо: биография А. Аникста появилась в тот период, когда произведения У. Шекспира стали достоянием массового советского читателя и зрителя¹ – адресата биографической серии «ЖЗЛ». Кроме того, в 1957–1960 гг. в издательстве «Искусство» под общей редакцией А. Смирнова и А. Аникста было выпущено 8-томное полное собрание сочинений У. Шекспира тиражом 150 000 экземпляров, и именно в этом издании желающие могли найти информацию и комментарии академического характера. В 1962 г. увидело свет первое издание книги Г. Козинцева «Наш современник Вильям Шекспир» (второе издание появилось в 1966 г.), в которой тезис «со-временности» Шекспира советским читателям получил яркое воплощение: «Шекспир нередко говорил то, о чем думали его зрители. Он чувствовал жизненные изменения так же, как это ощущали многие из его современников; только они не могли назвать словами свою тревогу и гнев, а Шекспир смог. Он был поэтом копеечных зрителей, и его творчество возникало не в кружковых спорах, но в неустанном, не знающем отдыха труде народного драматурга и народного актера. Он писал быстро, без помарок: две тысячи зрителей, наполнявших театр, ждали его. Нет оснований предполагать, что драматург неценит их аплодисментов. Ученые джентльмены не смогли убедить его писать, придерживаясь высоких правил античности» [5, с. 78].

¹ Напомним также, что именно в 1950-е – 1960-е гг. советскими кинематографистами был снят целый ряд экранизаций пьес У. Шекспира.

Спустя почти пятьдесят лет, в почти другой стране, на новом историческом этапе эстафету подхватил известный российский литературовед И.О. Шайтанов. Очевидно, что сам факт публикации биографии У. Шекспира в прославленной серии после двух классиков отечественного шекспироведения налагает на современного биографа высокие требования. Кроме того, в преддверии 450-летнего юбилея великого англичанина (2014 г.) и 400-летней годовщины его смерти (2016 г.) число публикаций, посвященных его жизни и творчеству, возросло многократно – и во всемирном масштабе. Не учитывать их присутствие невозможно – но возможно ли их (хотя бы в некоторой степени) просмотреть и отрефлексировать, не захлебнувшись в море слов, деталей, сюжетов, подходов и точек зрения? Вопрос звучит почти риторически, но И.О. Шайтанову это, кажется, удается.

Очевидно, что написать серьезную биографию великого английского драматурга – предприятие, требующее не только энциклопедических знаний и подготовки, но и отчаянной храбрости по ряду причин. За четыреста пятьдесят лет, прошедших со дня его рождения, мир изменился кардинальным образом. Конечно, Шекспир стал человеком и драматургом на все времена – но как приблизить его время, его мир, его театр и его творения к современному (!) русскоязычному (!) читателю (?) и зрителю? И.О. Шайтанов берется за это отчаянное предприятие и уверенно с ним справляется.

В принципе, внешняя, событийная сторона хрестоматийной биографии Уильяма Шекспира из Стрэтфорда описывалась многократно разными авторами. Но истина, как известно, часто кроется в деталях – в данном случае, мы имеем в виду детали трактовки дошедших до нас фактов и документов. С этой точки зрения новая биография У. Шекспира заслуживает самого пристального внимания. Во-первых, обращает на себя внимание ее полнота – И.О. Шайтанов удивительным образом ориентируется в огромном море исследований, подходов, точек зрения на жизнь и творчество Шекспира. Однозначно стоя на позициях стрэтфордianцев, то есть сторонников той точки зрения, что автором произведений, известных сегодня во всем мире, является именно Уильям Шекспир, уроженец Стрэтфорда-на-Эйвоне, автор биографии одинаково уверенно, глубоко, остроумно и тонко комментирует и трактует как факты биографии писателя, так и его произведения. Не менее убедительными выглядят и страницы книги, посвященные полемике с антистрэтфордianцами.

В отношении к так называемому «шекспировскому вопросу» И.О. Шайтанов занимает однозначную позицию, о которой он заявляет буквально в первых строках своей книги, предисловие к которой называется «О драматурге из Стрэтфорда», а первые строки звучат так: «В названии предисловия – быстрый ответ читателю, взявшему в руки эту книгу, с тем, чтобы выяснить: кто же все-таки скрывается под именем Шекспира? <...> *Из всех претендентов там родился только Уильям Шекспир*» (курсив автора книги) [7, с. 6]. Автор фактически не рассматривает данный вопрос в основном тексте биографии, строго следуя в

русле серьезного научного подхода², сразу как бы отстраняясь от ряда ставших особенно популярными в последнее время сенсационных публикаций (единственным исключением становится небольшой параграф «Честеровский сборник и “шекспировский вопрос”»). Впрочем, еще М.М. Морозов писал в своей книге: «Ни при жизни Шекспира, ни в течение полутора веков после его смерти никто не выразил сомнения в том, что он был автором приписываемых ему произведений. Но затем эти сомнения возникли, а впоследствии разрослись в целую проблему. И хотя эта “проблема”, возбуждавшая одно время страстные споры, и не имеет серьезного основания, мы не можем обойти ее молчанием» [6, с. 156]. Глава XXV его монографии называется «Вопрос об авторстве», в ней рассматривается и развенчивается ряд доводов так называемых антистрэтфордianцев. Заканчивается глава следующим пассажем: «И, наконец, жизнь Шекспира, по-видимому, была бедна шумными внешними событиями. Он не дрался на дуэли, как Бен Джонсон; не проповедовал открыто своих вольнодумных взглядов и не был убит в таверне, как Марло; не сидел в тюрьме, как Томас Кид и Томас Деккер; не отрекался от театра в припадке религиозного пуританского фанатизма, как Роберт Грин. Это была жизнь скромного театрального работника, не привлекавшая к себе внимания любителей бурных приключений» [6, с. 160]. Это замечание биографа удивительным образом согласуется с рассуждениями И.О. Шайтанова о характере драматурга, его личности (он был «обаятельным и убедительным в своем обаянии. О том, что именно Шекспир был переговорщиком или сватом, вспоминают многие свидетели» [7, с. 407]).

Мы не ставим перед собой цели перечислить все аспекты, которые затронуты в биографии, написанной И.О. Шайтановым, – жизнь конкретного автора рассматривается в ней на широком историческом, культурном («Ему повезло с эпохой» [7, с. 462], – отмечает проницательный биограф) и даже сугубо бытовом фоне. Так, например, насколько нам известно, впервые на русском языке подробно излагается бытовой и судебный сюжет, связанный с семейством Беллот-Маунтджой, в котором *gentle Shakespeare* (устойчивая характеристика драматурга у современников) принимал участие в качестве свидетеля. Но, какими бы увлекательными ни были сюжеты «в духе современного интереса к повседневности», принципиальной является деятельность Шекспира как поэта и как ведущего драматурга одного из лучших театров. Другое дело, что автор биографии обнаруживает в своем герое ряд черт – все ту же *gentleness*, например, которые проявляются и в творчестве, и в отношениях с коллегами по театральному цеху, и в быту.

Очевидно, что отдельного внимания требуют те страницы книги, где автор анализирует тексты шекспировских произведений, трансформации жанров, многообразие типов и характеров, язык и стиль автора. Очевидно также, что это невозможно полноценно рассмотреть в рамках одной статьи. Отметим – невозможно не отметить – интереснейшую гипотезу, вы-

² Свои взгляды по поводу «шекспировского вопроса» А.А. Аникст высказал в статье «Кто написал пьесы Шекспира?» [1].

сказанную И.О. Шайтановым относительно шекспировских комедий, согласно которой сам жанр комедии в творчестве драматурга первоначально возник как заказной, связанный, прежде всего, с бракосочетаниями заказчиков.

Кроме того, из трех упомянутых нами биографий У. Шекспира, это первая работа, в которой все произведения Шекспира цитируются по-английски и по-русски, более того, из всего разнообразия русских переводов на основании пристального анализа оригинала выделяются те, которые, по мнению автора, наиболее точно отражают мысль драматурга. Так, переводы сонетов, выполненные разными переводчиками, например С. Маршаком и Б. Пастернаком, сравниваются между собой и с оригиналом. В том случае, когда, по мнению И. Шайтанова, оригинал сонета не находит адекватного отражения в русском языке, автор предлагает свой вариант перевода. Так, в частности, происходит с сонетом 15 – его перевод на русский язык, сделанный И.О. Шайтановым, приведен в тексте.

Не менее интересным становится и пристальный анализ текстов пьес Шекспира и их сравнение с переводами. Отметим, что в своем сравнительно-сопоставительном исследовании И.О. Шайтанов опирается, как правило, не на один удачный вариант перевода, но обращается к разным переводам разных авторов. Именно поэтому, цитируя, например, «Отелло» в основном в переводе Б. Пастернака, автор делает необходимое уточнение: «Краса Отелло – в подвигах Отелло». На самом же деле Дездемона говорит нечто иное: *I saw Othello's visage in his mind*. Точнее Пастернака в этом месте А. Радлова: «Дела Отелло – вот его лицо». И, наконец, в подстрочном переводе М. Морозова эта строка звучит верно: «Я увидела лицо Отелло в его душе» [7, с. 385]. Вообще, отметим, что переводы М.М. Морозова активно цитируются И.О. Шайтановым. Замечаний по поводу многочисленных русских переводов Шекспира в книге немало, есть среди них интереснейшие, такие, например, как комментарий относительно имени героя «Сна в летнюю ночь» Пигвы (англ. Quince): «А что такое Пигва? Это плод, более известный по-русски как айва, а в данном случае – плод переводческой ошибки» [7, с. 259], поскольку переводчик Т. Щепкина-Куперник явно не учла, что quince – это не только название фрукта, но еще и «деревянный клин», и, следовательно, более логичным было бы назвать героя, как и других персонажей, в соответствии с его профессиональным занятием, «скажем, Шпунтом, поскольку он скрепляет действие этого спектакля и руководит им» [7, с. 259].

Зададимся вопросом: почему ни М.М. Морозов, ни А.А. Аникст не цитировали Шекспира в оригинале? Полагаем, что причиной этого была, прежде всего, неготовность читателей воспринимать английский текст, невысокий уровень знания английского языка советской читательской аудиторией. Времена изменились, английский язык стал языком международного общения, – очевидно, что пришла пора дать русскоязычным читателям новую биографию У. Шекспира, написанную с учетом современных тенденций, находок и подходов, опирающуюся, в том числе, на

данные зарубежных архивов, с цитатами, взятыми не только из переводов, но из текстов оригинала.

Вообще, современность присутствует в книге И.О. Шайтанова и как современность драматурга, и как современность читателя, между которыми существуют зоны напряжения, и это один из тех моментов, на которые обращает внимание читатель. Биограф не уклоняется от самых острых проблем, связанных с современным прочтением творчества Шекспира. Возможно, наиболее выразительной в этом аспекте становится раздел «Горький привкус современности» [7, с. 275–283], посвященный ряду вопросов, в частности образам иностранцев в пьесах драматурга, а также анализу «Венецианского купца», которого уже в более поздние времена стали рассматривать как антисемитское произведение. Лондон конца XVI века был действительно городом многонациональным, и национальная проблема для его жителей стояла достаточно остро. «Во времена цветущей политкорректности Шекспиру не устают пенять на то, что он шел на поводу толпы лондонских ремесленников и подмастерьев с их традиционной ненавистью к иностранцам» [7, с. 276]. Однако, анализируя текст «Венецианского купца» и его рецепцию в XVI веке, И.О. Шайтанов убедительно показывает, что *наша* современность нередко начинает формировать наши представления о творчестве Шекспира, а также *как и почему* это происходит. Развивая эту мысль исследователя, легко предположить, что новые эпохи и новые зрители смогут прочесть у Шекспира новые вопросы и предложить свои ответы – Шекспир в очередной раз станет чьим-то современником. В этом, несомненно, залог бессмертия его творений, но не был ли он, в первую очередь, человеком своего времени, своей страны и культуры, в конце концов, своего города и прихода? Проблематика, идеология, эстетика, культура разных эпох далеко не всегда сосуществуют гармонично, и отношение к Шекспиру и его творчеству, как показано в биографии, яркий тому пример. Прочитываем также заключительные страницы книги: «Шекспировское величие было подкреплено временем, когда он жил. <...> Начиналось Новое время, которое, может быть, именно сегодня, в XXI веке, подошло к своему концу». Именно поэтому, по мнению современного биографа, в образах, созданных талантом великого англичанина, «многократно отражены и узнаваемы наши судьбы и лица» [7, с. 462] – хотя драматург «предпочел оставить в тени единственное лицо – свое собственное» [7, с. 463]. Возможно, впрочем, дело не в его предпочтениях, а в том, что мудрое время сохранило для потомков самое важное и существенное, а вопрос о том, почему по завещанию жене драматурга отошла не самая лучшая кровать, равно как и другие вопросы подобного уровня, остался в том времени, когда он был важен. Скрытое лицо драматурга – в его творчестве – *we saw Shakespeare's mind in his plays and poems* – именно об этом не устают напоминать биографы. Таким образом, написание и издание биографии У. Шекспира И.О. Шайтановым не только продолжило замечательную традицию отечественного шекспироведения, но и реализовало современные подходы к изучению классика мировой драматургии. Итак, давайте читать хо-

рошо и профессионально написанные биографии великих писателей – они приведут нас, обогащенных новыми знаниями, идеями и пониманием, обратно к их произведениям, которые неисчерпаемы, а значит, каждый снова найдет в них что-то для себя, и снова возникнет вопрос, кто кому современник. И спасибо за это и писателям, и их биографам.

Литература

1. Аникст, А.А. Кто написал пьесы Шекспира? / А.А. Аникст // Новое время. – 1957. – № 20. – С. 29–30. Вопросы литературы. – 1962. – № 4. – С. 107–125.

2. Аникст, А.А. Шекспир / А.А. Аникст. – Москва: Молодая гвардия, 1962. – 368 с.

3. Винокур, Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г.О. Винокур. – Москва: Русские словари, 1997. – 176 с.

4. Есин, С.Н. Послесловие / С.Н. Есин // Н.П. Михальская. Течет река. – Москва: Изд-во Литературного института, 2007. – С. III–IV.

5. Козинцев, Г.М. Наш современник Вильям Шекспир [Электронный ресурс] / Г.М. Козинцев. – Москва: Искусство, 1966. – 352 с. – URL: <http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/kozincew.txt> (дата обращения: 20.02.2017 г.).

6. Морозов, М.М. Шекспир [Электронный ресурс] / М.М. Морозов. – 2-е изд. – Москва: Молодая гвардия, 1956. – 214 с. – URL: http://az.lib.ru/m/morozow_m_m/text_0200.shtml (дата обращения: 20.02.2017 г.).

7. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 475 с.

O.G. Sidorova

ON BIOGRAPHIES AND BIOGRAPHERS: *SHAKESPEARE BY I. SHAYTANOV*

W. Shakespeare's biography written by I.O. Shaytanov and published by *Molodaya Gvardiya* Publishers in Moscow in 2013 (the *Lives of Remarkable People* ('Zhizn' zamechatel'nykh liudei') series) is compared with earlier biographies published in the same series by M. Morozov (1947, second edition – 1956) and A. Anikst in 1964. Three biographies demonstrate some features of continuity (the three biographers are firm Stratfordians, for example), but, at the same time, I. Shaytanov's book is characterized by an innovative contemporary approach. Having studied the newest data and materials, the biographer puts forward some hypotheses, for example, the one concerning the origin of Shakespeare's comedies. Besides, unlike his predecessors, I. Shaytanov quotes Shakespeare both in the original and in numerous Russian translations and via a comparative study adds further layers of analysis.

W. Shakespeare, biography, the *Lives of Remarkable People* series, I. Shaytanov.

УДК 821.111

Е.Н. Чернозёмова

Московский педагогический государственный университет

ОСЕЛОК, ИЛИ ТОЧИЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

В рецензии на книгу И.О. Шайтанова «Шекспир» (2013), вышедшую в серии «ЖЗЛ», подчеркивается академизм автора к изложению материала и глубокая филологическая проницательность, позволяющая объяснить ряд фактов, связанных с творчеством Шекспира, ранее остававшихся без комментариев.

Шекспир, исследование жизни и творчества, И.О. Шайтанов.

Давно замечено, что Шекспир и его тексты выступают пробными, а подчас и точильными камнями для любого, к ним прикоснувшегося: прикасающийся обнаруживает свою суть, а камень, даже если и обнажит одну из своих сторон, сохранит загадку своего внутреннего существа, оставив ее неприступной. Отсюда и положение о том, что интересны не только Шекспир, его сочинения, но и комментарии к ним. Загадка же самого Шекспира не менее увлекательна. Всякое новое прикосновение к Шекспиру вызывает двойное реакцию-ожидание, балансирующее между «ну вот, опять» до «ну, наконец-то».

Книга о Шекспире в ЖЗЛ [7] твердо определяет позицию автора в «шекспировском вопросе» и через

филологический анализ текстов раскрывает ряд вопросов, ранее остававшихся не проясненными. Автор книги однозначно находится на стороне стрэтфордianцев и выводит строгую и ясную линию, убеждающую читателя в том, что Шекспиром был Шекспир – человек из Стрэтфорда. Подспудный спор с антистрэтфордianством ведется не о приводимых фактах, а о способе их интерпретации, систематизации, выявлении логических сбоях, приемов, возможных в произведениях художественной литературы, выдаваемых за научное исследование. Избранный метод – не рассматривать и не оспаривать концепции антистрэтфордianцев, но собрать и изложить имеющиеся материалы и факты, свидетельствующие о жизни Стрэтфорда

и семьи Джона и Мэри Шекспиров. Такая позиция ставит автора книги в ряд замечательных реконструкторов, в художественной форме сумевших воспроизвести сцены из детства и юности величайшего драматурга, наипоэтичнее из когда-либо писавших. Здесь наиболее интересными видятся два имени. Хронологически первое – Розмари Энн Сиссон (р. 13.10.1923) [6], автор киносценариев фильмов «Мельница на Флосе» (1965), «Ветер в ивах» (1983), отдельных сюжетов известных сериалов: двух серий «Приключений Индианы Джонса» (1992, 1995), серии «Кельтская загадка» в сериале «Она написала убийство» (2003), эпизода о Катарине Арагонской в «Шести женах Генриха VIII». Начинала писательница с участия в книгоиздательском проекте, в какой-то степени родственном проекту ЖЗЛ – «Биографии юных», который осуществлял Макс Пэриш в Англии с 1959 по 1969 годы. Всего в серии вышло более 60 книг. В их числе «Юный Джон Бэньян» (Клер Абрахол), «Юный Мильтон» (Мери Хоббс), «Юный Вордсворт» (Тради Уест), «Юный Байрон» (Джеймс Барбари), «Юный Шелли» (Филипп Раш), «Юные сестры Бронте» (Филипп Бентли), «Юный Диккенс» (Патрик Прингл), «Юный Теккерей» (Андрей Курлинг), «Юный Томас Мур» (Розмари Хогтон), «Юный Теннисон» (Шарлота Хоуп), «Юный Джеймс Барри» (Майкл Илдер). Перу Розмари Энн Сиссон в книжной серии принадлежат повести «Юная Джейн Остен» и «Юный Шекспир» [4]. Шекспировская тема развита Сиссон в книгах «Влюбленный Уилл» (Will in Love, 1977) [5] и в сценарии телевизионной пьесы «Уилл Шекспир. Его жизнь и время». Родство позиций Розмари Энн Сиссон и российского автора проявляется в прекрасном знании эпохи. Описывая жизнь Вильяма Шекспира в Стрэтфорде, Сиссон вводит достоверно известные имена горожан, мастеров, соседей, учителей Стрэтфордской школы, предполагаемых соучеников и живейшим образом воспроизводит версию того, как одаренный сын перчаточника мог стать ведущим драматургом и поэтом страны. В повести для юных читателей оказывается привлеченным материал о том, какие труппы и с каким репертуаром приезжали в Стрэтфорд, какие детские театральные впечатления хотя бы теоретически мог получить юный Вильям, который, как сын бейлифа, вполне мог быть допущен на представление в зале городского Совета. И.О. Шайтанов не менее скрупулезно прорабатывает каждое из оставленных свидетельств, но неизменно остается на позиции академического ученого, сознательно избегая художественной реконструкции и тем самым противостоя излюбленным ходам антистрэтфордианцев переходить от исследования к домыслам через часто необоснованные заискивания перед «проницательным читателем». Убедительным и плодотворным автором книги признается «образец современного биографического метода: воссоздать жизненную ткань в контексте исторических событий, взятых с бытовой подробностью, восстановить восприятие пьес теми, для кого они были написаны; изучая биографию, приблизиться к тайне величайшего гения на все времена, но явившегося на свет в свое время – «тюдоровским гением» [7, с. 13–14].

Второе имя в ряду художественных реконструкторов-стрэтфордианцев – Том Стоппард – один из авторов оscarоносного киносценария «Влюбленного Шекспира», знаток шекспировской эпохи. Не могу судить, кому именно из авторов сценария – Тому Стоппарду или Марку Норману, а может быть, и обвиняющей их в плагиате Фэй Келлерман [3] принадлежит идея и разработка сцены первого показа в «Глобусе» «Ромео и Джульетты». Но именно эта сцена – словно художественный отклик на академический призыв «восстановить восприятие пьес теми, для кого они были написаны» [7, с. 13]. Дружный вздох сострадания всего зала в момент пробуждения Джульетты в склепе – реконструкция того, как могли отреагировать зрители, видящие пьесу впервые. Замечательное остроумие в его ренессансном смысле проявил Том Стоппард, приведя на роль Ромео переодетую девушку, влюбленную в шекспировский театр. Живая, дышащая ткань театральной жизни Лондона, горящие «пятки» бедняги Хэнсло, страдающего перед займодавцами в преддверье нового спектакля с обещаниями прибыли, делают события живыми и зримыми.

В книге ЖЗЛ присутствует совсем иной тип художественности, при котором возможным становится высказывание: «Документальные факты в биографии Шекспира светятся каким-то мерцающим или даже неверным светом <...> события затуманиваются, факты, как будто бы подтвержденные, расфокусируются, бумаги, которые, казалось бы, должны храниться именно вот здесь, куда-то пропадают, как будто бурная свинья, охотница за документами из гоголевской повести, смерчем пронеслась по английским архивам. Не только хрупкая бумага не выдерживает мощного энергетического поля этой биографии: в его водовороте исчезают и материальные предметы» [7, с. 17, 18].

Особенность автора книги – прекрасное владение материалом и глубокое не просто знание, а профессиональное вчувствование в шекспировский текст, пристальное внимание к произведениям драматурга, в которых интересуют не поиски тайного шифра или явного плагиата. Разговор с читателем строится не в тональности хитроумного расследования, но и не в бесстрастном академическом тоне. Ракурс, точка зрения на материал, доказательность, заинтересованность, глубина и обдуманность подхода, профессионализм приглашают к соразмышлению и делают чтение увлекательным.

Доказательства авторства Шекспира находятся через использование в его текстах омонимов, знакомых и близких ему с детства: «Шекспир не раз переносил место действия хроник в родные края: решающее заседание парламента Ричарда II происходит в Ковентри (в 20 милях от Стрэтфорда), одна из решающих битв войны Роз – в Тьюксбери (также по пути из Оксфорда). Разумеется, Шекспир не придумывал этих событий, но особенно отчетливо помнил из истории то, что связано с его родным краем» [7, с. 21].

Интересные факты актуализированы из истории семей Арденов и Шекспиров: законник Арден в донорманнские времена мог отправить висельника Шекспира на эшафот. Через века их дети поженились – чем не английский вариант сюжета о Ромео и

Джульетте. Могли ли это обсуждать и об этом шутить в семье?

Самое увлекательное в книге – обращение к анализу текстов. В этом автор книги соперничает с поэтом и переводчиком, «одним из самых проницательных, – по его определению, – хотя и не самых известных биографов» Питером Леви [7, с. 118]. «Его шекспировская биография, – пишет И.О. Шайтанов, – отличается тем, что она написана поэтом и о поэте – с вниманием к тому, как менялся стиль, набирая зрелость, как в нем рождалось шекспировское или проскальзывало то, что скорее было подсказано поэтической памятью» [7, с. 6]. Поэтичность и проникновенность в строй поэзии Шекспира автора книги в ЖЗЛ подчеркивается не только его размышлениями и наблюдениями за шекспировскими текстами, но и точными замечаниями по поводу их переводов и собственными предложениями по их реализации.

В книге воссоздается образ драматурга, способного быть легким и смешливым, шаловливым и глубоко трагически-беспощадным, играющим со зрителем и вызывающим к его чувствам и совести. Этот образ неуловимо напоминает шаловливого Духа Шекспира, танцующего на лужайке фей в «Заповеднике гоблинов» Клифорна Саймака, забывшего о том, чей он Дух, но гораздо более симпатичного своей лукавой

таинственностью, чем заносчивые и якобы ханжески стесняющиеся собственного творчества и творящие миф о себе Ретленд или граф Оксфорд, какими их пытаются представить не менее заносчивые и снобистски настроенные биографы.

Литература

1. Гайдин, Б.Н. «Влюбленный Шекспир» [Электронный ресурс] / Б.Н. Гайдин // Электронная энциклопедия «Мир Шекспира». – Режим доступа: <http://world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/4684.html> (дата обращения 02.02.2017).
2. Levi, P. Shakespeare's birthday / P. Levi. – London: Anvil Press, 1985.
3. Maslin, J. Shakespeare Saw a Therapist? Shakespeare in Love (1998). Film Review [Электронный ресурс] / J. Maslin // The New York Times. – 1998. – December 11. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/301620.stm> (дата обращения 02.02.2017).
4. Sisson, R.A. The Young Shakespeare / R.A. Sisson. – London, 1956.
5. Sisson, R.A. Will in Love / R.A. Sisson. – London, 1977.
6. Черноземова, Е.Н. Р.Э. Сиссон [Электронный ресурс] / Е.Н. Черноземова // Электронная энциклопедия «Мир Шекспира». – Режим доступа: <http://www.world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3764.html> (дата обращения 02.02.2017).
7. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013.

Е.Н. Черноземова

TOUCHSTONE

Review on *Shakespeare* (2013) by I. Shaytanov in the *Lives of Remarkable People* series shows the author's academic point of view and philological penetration into Shakespearean texts important for the discovery and explanations of a number of facts with regards to the works previously left without comments.

W. Shakespeare, biographical and creative works study, I. Shaytanov.

Е.П. Андреева

Вологодский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ САКРАЛЬНОГО СЛОВА *БОГ* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00205/15

«Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома»

В статье рассматривается история одного из ключевых сакральных слов и его дериватов в лексической системе диалекта. Основным источником исследования является Словарь вологодских говоров и его картотека наряду с данными других региональных словарей. Факты архаичных вологодских говоров дают возможность в ходе анализа поставить вопрос об экстралингвистических и интралингвистических причинах трансформации семантики сакральных слов, проследить адаптацию христианской лексики в народной речи, показать словообразовательный и семантический потенциал лексемы *Бог*. Наблюдение над развитием семантики слова *Бог* и его производных в вологодских говорах позволяет, с одной стороны, говорить об устойчивости сакральных сем в структуре значения диалектного слова, с другой стороны, выделить идеографические группы профанной лексики, связанные в народном сознании с сакрально-мифологической сферой. Анализ внутренней формы этих языковых единиц свидетельствует о специфике восприятия окружающего мира диалектным социумом.

Сакральная лексика, диалектные слова, семантическая эволюция, мотивированность, внутренняя форма языковой единицы.

Понятия сакрального (священного, религиозного) и профанного (секулярного, мирского) традиционно рассматриваются в философии и богословии, интерес к этим понятиям проявляют также исследователи в области социологии, культурологии, лингвистики. Новые аспекты изучения оппозиции сакральное – профанное возникают при обращении к фактам народной речи.

Православный взгляд на мир прочно закрепляется в крестьянском сознании. В частности, на это указывает М.М. Громыко: «Здоровые основы разных сторон крестьянской жизни были неразрывно связаны с верой. Православие было и самой сутью мировосприятия крестьянина, и образом его жизни» [4, с. 268]. Изучение лексики православия в архаичных вологодских говорах позволяет судить о функционировании сакрального слова в народной речи, о его адаптации, семантическом и словообразовательном потенциале. История таких слов представляет интерес и для этнографов, культурологов. Справедливо утверждение С.Ю. Дубровиной: «Диалекты аккумулировали семантический фундамент разных форм православия и на протяжении веков являлись трансляторами религиозного и социального опыта, культурных норм и традиций» [5].

В основе статьи лежат материалы Словаря вологодских говоров и его картотеки, а также Словаря говоров Русского Севера. Широко используется и картотека Словаря режского говора. Ее ценность для

данной работы обусловлена тем, что в течение длительного времени диалектологами Вологодского педагогического института под руководством Л.Ю. Зориной исследовался говор одной компактной территории – Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области.

Рамки статьи требуют некоторого ограничения в отборе материала: в центре внимания находится функционирование в лексической системе вологодских говоров слова *Бог* и его производных. Привлеченные источники свидетельствуют об активном употреблении в народной речи лексемы *Бог* в основном значении ‘по религиозным представлениям – создатель Вселенной, всего сущего; высший разум, управляющий миром’ [БАС₂: I, с. 657]. Показательны записи речи носителей режского говора. В сложной ситуации крестьянин искал защиты у Бога: *Уж како́й де́нь сто́ит така́я за́суха! Хо́ть бы до́ждика Бо́г дал! Сямж. Монаст.* Когда трудное дело было успешно завершено, сельские жители с благодарностью вспоминали о Божьей помощи: *Всё се́но ско́сила да су́хо́е и сно́сила, ве́дь Бо́г-то мне прино́рови́л. Сямж. Монаст. [КСРГ].* На Бога ссылались и при выполнении сложившихся традиций в праздники: *За́втра Ма́сленица, да́к сам Бог ве́лел пше́ни́чник спе́чь. В просты́е-то дни́ из пше́ни́чной му́ки ниче́го не стря́паем. В-У. Пал. Приду́т сла́вёшники, пше́ню спо́ют, Бо́га посла́вят, а ты им и жи́та пода́шь в на́граду. Сла́вёшников-то не*

бóльно мно́го бы́ло. Ходíли в Рожество́ да Бóга сла́вили. Сямж. Монаст. [КСВГ].

Наблюдение Л.Ю. Зориной над составом поговорок и пословиц в режском говоре показывает, что «частотным в режских паремиях является упоминание Бога, апелляция к нему как к защитнику, как к высшей силе» [6, с. 31]. Следует отметить, что в вологодских говорах употребляется и значительное количество фразеологизмов с компонентом *Бог*, например, *бра́ться за Бóга* ‘обращаться к Богу’, *Бог отвёл* ‘все обошлось благополучно’, *Бог ча́су не даёт* ‘о нехватке времени’, *Бóгу свёчка* ‘доброе дело, бескорыстная помощь’, *гнэвать Бóга* ‘совершать неблагоприятные поступки, грешить’, *Бóг прибра́л* ‘о чьей-либо смерти’, *под Бóга попа́сть* ‘погибнуть от удара молнии’ и др. [1, с. 169]. Показательно, что внутренняя форма последней идиомы свидетельствует о христианско-языческом синкретизме, характерном для религиозного сознания крестьянина. Фразеологический образ связан не столько с христианской идеей наказания за грехи, сколько с грозным образом славянского громовержца Перуна, культ которого является одним из самых древних в славянской мифологии. Об этом же говорит и фиксация слова *Бог* при описании грозы в следующих контекстах: *Бог на колесни́це ёдет, и заво́ссыло. Сямж. Монаст. Сгремéло, вы́шла стрелá, дак и загорéлось чтó-то. Бóг на колесни́це изди́т, то́ркают у не́й колёса. Сямж. Грид. [КСРГ].*

Интерес представляет внутренняя форма фразеологизмов с пейоративной оценкой, в составе которых одним из компонентов является прилагательный *божий*: *как бо́жий бычо́к* ‘об очень глупом человеке’, *ли́ку бо́жьего не ви́дно* ‘об очень грязной, запачканной вещи’, *ни бо́жьим ро́дом* ‘ни в коем случае, никогда, ни за что’ [КСВГ]. Отрицательная оценочность обусловлена либо семантикой одного из компонентов (лексема *бычок* в составе фразеологизма развивает семы ‘упрямый’, ‘тупой’, ‘глупый’), либо структурой фразеологической единицы: использованием отрицательной конструкции.

Отмечая сохранение традиций православной культуры в крестьянской среде, исследователи говорят и об их трансформации под влиянием времени, социальных факторов, в частности борьбы власти с религией, что отражается и в языке. В советское время большинство сельских храмов было закрыто, но люди пытались соблюдать церковные обряды и в этих условиях: *Вот килéничи приходíли к ей в э́кую-то избу́шку и моли́лись Бóгу. Сямж. Монаст.* В режском говоре *келéйница* – ‘верующая женщина, самостоятельно отправляющая религиозный культ при отсутствии священнослужителей’ [КСРГ]. В этот период церковные требы в деревне могли совершать самые набожные крестьяне, обычно пожилые женщины, о чем свидетельствует такое устойчивое сочетание, как *ба́бушка-ангелу́шка* ‘женщина, которая при отсутствии священника крестила детей’: *Не, пона́ туто́ка нет, дак ба́бушку-ангелу́шку зову́т. Сямж. Георг. [КСВГ].*

Следует учитывать и интралингвистические причины: «...любое общерусское слово в процессе эволюции языка допускает закономерное варьирование на отдельных его субуровнях, в том числе и семанти-

ческом» [7, с. 99]. Так, в вологодских говорах слово *Бóг* употребляется и в производном значении ‘икона’, возникшем на метонимической основе: *Бóх-то в пра́вом перéднем углу́ в избе́ висíт. Как зайдёшь в избу́, перекрестíсь да и поклонíсь бóгу-то. Сок. Марк. Бóг-от всё ви́дит. У меня́ вон в углу́ стои́т. Тарн. Хабар. [КСВГ].* Судя по данным СРНГ в указанном значении слово *Бог* известно вологодским говорам уже в XIX в.: *Как стукнули в передний угол, так боги и попадали с божницы. Волог., 1898 [СРНГ: вып. 2, с. 41].*

В вологодских говорах сакральная семантика дериватов мотивирована как основным, так и производным значением слова *Бог*. Обратим внимание на сложные существительные. Слово *богомолье* в вологодских говорах имеет значение ‘сельский религиозный праздник’: *У нас богомолье – Казанское, на Перхурьеве – Спасов день, на Потепалове – дак Никола. Влг: У-Куб. [СГРС: вып. 1, с. 128].* В современном русском литературном языке *богомолье* имеет иное значение – ‘поклонение особо почитаемым церковным святыням’ [БАС₂: т. 1, с. 657]. Как диалектное, так и общерусское значение лексемы *богомолье* представляется производным, в старорусском языке основное значение многозначного слова *богомоліе* (*богомолье*) – ‘моление, приношение молитв Богу’. Первая фиксация слова *богомолье* в этом значении датируется 1598 г., семантический оттенок ‘богослужение’ встречается в памятниках XVII в., значение же ‘посещение церковных святынь’ возникает значительно позже: отмечено в актах 1700 г. [Сл. РЯ XI–XVII вв.: 1 вып., с. 263]. Таким образом, в вологодских говорах наблюдается отчасти свой путь развития семантики у отмеченной лексемы.

В группе наименования лиц функционируют такие слова-компози́та, как *богадэльник* ‘старый набожный человек, строго соблюдающий все церковные каноны’ (*До чегó ж он богадэльник, шо и молоко́ в пост не пьёт. Верх. Мезен.*) и соответственно *богадэльница* ‘старая набожная женщина’ (*Нáша богадэльница небóсь опя́ть в це́рковь пошла́. Верх. Мезен.*) Интересно, что у первого слова развивается производное значение профанного характера – ‘старый человек, которому трудно работать’ (*А ра́ньше, как ста́рой ста́нет да раба́тывать уж не мо́жет, говоря́т: богадэльник*) [КСВГ].

Выделяется группа личных существительных со значением ‘крестный отец’ (*божа́т, божа́тко, бо́жка*, сущ. м.) и ‘крестная мать’ (*бо́жа, божа́та, божа́тка, бо́жка*, сущ. ж.), образованных суффиксальным способом. В СВГ и его картотеке находим также эмоционально окрашенные дериваты: *бо́женька, божа́тушка* ласк. ‘крестная мать’: *Бо́женька, или крёсна моя́. К-Г. Новос. [СВГ: 1 вып., с. 35–36]. Божа́тушка-то моя́ жива́ была́. Тарн. Никиф. [КСВГ].*

Заметим, что в больших крестьянских семьях в роли крестных родителей нередко выступали близкие родственники: дядя, тетя, старший брат, старшая сестра. Об этом свидетельствуют и рассказы диалектоносителей: *Дядя да и божа́тко э́тому Алёхе он был. Влгд. Кус. Бо́женька уж пя́ть лет как умерла́, ма́ткина сестра́ была́. Шексн. Поп. Сестра́ моёй ма́мы для меня́ божа́тка. У-К. Залес.* В результате у основного значения первоначально развивается оттенок:

например, *божѣт* ‘дядя, крестивший племянника или племянницу’, *божѣтка* ‘тетя, крестившая племянника или племянницу’ [КСВГ]. Вследствие чего в дальнейшем закономерен переход отмеченных слов в профанную группу терминов родства, связь с сакральной лексикой становится формальной. Так, у лексемы *божѣт* отметим производные значения ‘дядя, брат отца или матери’ (Нужко, *божѣт, говорим дяде, попросись, чтобы не идти. Вож. Ман. Мне божѣтом приходится. Межд. Доров.*), ‘дальний родственник’ (Бывало, *божѣтом просто родственника называли, только не ближнего, а дальнего. У-К. Залес.*). У слова *божѣтко* фиксируется значение ‘неродной отец’ (Миловал Бог сына: *дал ему отца и божѣткой прозывать стали. Влгд. Сяма*) [КСВГ]. Соответственно у слов *божѣта, божѣтка, божѣска* возникает значение ‘тетка, сестра отца или матери’ (Племяннушка зовут все божѣта да божѣта. *Верх. Парав.*; *божѣтка – дак это папиного брата жена будет. Верх. Бор. Матке-то Анна сестра будет, а мне – божѣтка. Межд. Стар.*; *Раньше теток все божѣкам звали. Теперь не зовут божѣкам. А меня дѣвки Андреевы, дочки Семёновны, все божѣкой зовут. Мы ведь с ней двоюродные, не родные сестры, а они все равно божѣкой называют. Шексн. Кам.*) [КСВГ]. *Божѣтка* отмечается и в значениях ‘старшая сестра’ (*Божѣтка, сестра, оменивать вещи на еду ходила по деревням в войну. Сямж. Рам.*), ‘невестка’ (*У нас в семье божѣткой невестку называли. У-К. Залес.*) [КСВГ].

Синкретизм семантики отмеченных слов, безусловно, создает трудности в ходе лексикографического описания при разграничении выделенных значений. Сами диалектоносители ощущают многозначность этих слов, диффузность их значения и пытаются дифференцировать лексико-семантические варианты в контексте: *Раньше все божѣ да божѣтко, дядя у меня божѣтко был, я и Алевтину, жену его звала божѣ по ему, а настояща божѣ друга была. Влгд. Кривое* [СГРС: вып. 1, с. 131]. В отдельных говорах возникают синонимы-дубликаты, при этом многозначное слово переходит в пассивный запас. Так в шекснинском говоре слово *божѣска* вытесняется лексемой *крѣска* с прозрачной внутренней формой: *Божѣкой крѣстную звали раньше. Я вот Тайсю крѣстила в сороковые, тогда в церкви пусто было, мало народу. Она меня все крѣской зовѣт, а в старину божѣкой звали. Шексн. Кам.* [КСВГ].

Обратимся к словам с предметным значением. Лексемы *богѣвня, божѣца, божѣонка* обозначают ‘полку, киот для икон’, для них мотивирующим является неосновное значение слова *Бог*, отмеченное в вологодских говорах – ‘икона’: *Богѣвня, на ней икона стоит, или божѣца; богѣвни у богатых были. Влг: Кир.* [СГРС: вып. 1, с. 128]. *Зачѣм икону-то сняла с божѣонки? Влгд. Двир. Божѣонка-то у неѣ большѣя, баскѣя. Влгд. Лев.* [СВГ: вып. 1, с. 36]. Варианты *божѣска* и *божѣонка* в значении ‘церковь, часовня’ фиксируются в древнерусских памятниках XII в. [Сл. РЯ XI–XVII вв.: вып. 1, с. 272]. В вологодских говорах в значении ‘часовня’ употребляется деминутив *божѣночка*: *У клѣдбица божѣночка стояла. Тарн. Никиф.* [КСВГ].

В говоре Режи от лексемы *Бог* образуется группа прилагательных: *богѣобѣзный* ‘верующий в бога, богѣобѣзненный’ (*Бѣбка-то была у меня богѣобѣзной, уж больно в Бѣга верила. Сямж. Монаст.*), *божѣсвенный* 1. ‘относящийся к религии; церковный’ (*Петров-то день – божѣсвенный праздник. Раньше-то в церкви и заутреню и вечерню служили. Сямж. Монаст.*), 2. ‘верующий в Бога, религиозный, набожный’ (*Фѣйна-то божѣсвенная: все молитвы знает, в Бѣга верит. Сямж. Монаст.*) [СГРС]. СГРС отмечает в других вологодских говорах устойчивое наименование *божѣсвенный угол* в значении ‘передний угол в избе, где висели иконы’: *В божѣсвенном углу иконы висят. Гряз. Клепиково* [СГРС: вып. 1, с. 133].

Семантика рассмотренных дериватов свидетельствует об их функционировании в составе сакральной лексики. Развитие значения других слов, мотивированных лексемой *Бог*, происходило по пути движения от сакрального к профанному. Однако при этом следует отметить, что внутренняя форма и этих лексических единиц прозрачна, ее формирует общий сакральный семантический компонент.

Интерес представляет группа лексических единиц, образованных от прилагательного *богѣданный*, т. е. ‘данный от бога’, как формулирует этимологическое значение этого слова М. Фасмер [Фасмер: т. 1, с. 183]. В ее составе находятся существительное *богѣдѣница* ‘дом, квартира мужа, куда после свадьбы переходит жить жена’ (*Зѣмуж вѣйдѣшь, так мѣжсѣва квартира зовѣтся богѣдѣница. Сямж. Монаст.*), субстантивированное прилагательное *богѣдѣнные* ‘родители мужа’ (*Богѣдѣнные в новом дому лѣсково встрѣтили. Влгд. Пер.*). В качестве семантического центра прилагательное выступает и в устойчивых сочетаниях *богѣдѣнная сторона* ‘неродная сторона; местность, где проживает муж или жена’ (*Пошла на богѣдѣнную сторону зѣмуж. Влгд. Филют.*), *богѣдѣнные родители* 1. ‘родители мужа’ (*Богѣдѣнные родители у меня хорошие были. Влгд. Бегл.*) 2. ‘неродные родители, отчим и мачеха’ (*В обычных семьях отчим да мачеха, а в религиозных – богѣдѣнные родители. Влгд. Сяма*) [КСВГ]. Показателен последний контекст, в котором подчеркивается употребление этих слов прежде всего в тех семьях, где сохранялись православные традиции.

Устойчивый оборот *бога ради*, характерный для русской православной речевой культуры, мотивирует значение слов-композигов. Так, прилагательное *богѣрадѣный* имеет значение ‘немошный, убогий’: *Богѣрадѣной старѣк-от, рѣбить не мѣжет. Хар. Негод.*) [СВГ: вып. 1, с. 34]. Существительное *богѣрадѣице* ‘человек, который просит милостыню, нищий’ в контексте может усиливать пейоративную окраску: *Бѣбка-та у их ѣко багарѣдишио, што хошь вѣпросит. Тарн. Кокш.* [КСВГ].

Сакральная семантика затемняется в составных наименованиях растений и животных, включающих прилагательные *божѣий, бѣгов, богѣродѣский, богѣродѣцѣкий*. Тем не менее частотность подобных номинаций не случайна: эти идеографические группы в народном сознании издавна относились к религиозно-мифологической сфере.

К сожалению, по данным словарей не всегда можно определить вид растения. Так, в СГРС дефиниция составных наименований *бо́гово сердéчко* (*сёрдце*), *бо́говы рúчки*, *бо́говы стака́шки* сводится к указанию на родовой признак – ‘травянистое растение’. О некоторых других отличительных чертах этих растений (место произрастания, пригодность в пищу, внешний вид) можно судить по приведенным контекстам: *Богово сердечко едят, по реке рвали, ели. Сок. Ядрово. У богово сердечка листочек как смятой, а по сторонам, как вырезано вся маленькая. Сок. Степановское. Боговы ручки в сырых местах, красны шишечки у них. Сок. Калитино. Боговы ручки кисточкой такой трава, по горушкам росла, мы ее ели. В-Важ. Михалево. Боговы стакашки мы звали, такие маленькие, синенькие, как стакашки. [СГРС: вып. 1, с. 127–128].* Название *бо́говы слéзки* (*бо́гова слéзка*) вопреки дефиниции, предложенной в этом словаре, в разных районах Вологодской области обозначает, по видимому, разные растения. В Никольских говорах его значение ‘чабрец’, что подтверждается контекстом: *Боговы слéзки – такие аленьки цветки, малы. Ник. Пермас. В центральных говорах Вологодской области (Сокольском, Усть-Кубинском, Харовском), судя по иллюстрациям, вариант бо́говая слéзка обозначает ‘растение трясушка семейства злаковых’: Боговы слéзки серебристы, сердечки мелки-мелки, как жива трава. Всю зиму стоит, не вянет. Сок. Большое Яковково. Боговы слéзки – это такая как всё равно, что семена, мелконька, растёт в полях, как зёрнышко, идёт на леченье. У-Куб. Устье. У боговой слéзки стебелёк и на нём маленькие крупиночки, как слезинки. Хар. Кононцево [СГРС: вып. 1, с. 127].* Составное наименование *богорóдская тра́ва* тоже является многозначным. В Бабушкинском районе, судя по данным КСВГ, его значение – ‘лекарственное растение зверобой’: *Зверобой у нас и зовут, а как ещё боле? Только мама моя ещё богорóдской травой звалá, а боле-то как? Баб. Зайч. Траву́ эту богорóдскую как лечéбную собира́ли. Баб. Минк. СГРС отмечает в верховажских говорах у составной номинации богорóдская тра́ва значение ‘растение чабрец’: Богородская тра́ва или чабрец ещё говорят – тоже есть. В-Важ. [СГРС: вып. 1, с. 129].* В этом же значении указанный словарь отмечает варианты *богорóдицкая тра́ва* в харовских говорах, *богорóдная тра́вка* в нюксенских: *Богородной травкой окуривают домовишние. Нюкс. Красавино [СГРС: вып. 1, с. 129].*

Сочетание *бо́жий гриб* ‘белый гриб’ показательно в аксиологическом плане: это один из самых ценных грибов, обладающий особым вкусом и тонким ароматом, что подчеркивают диалектоносители: *Бо́жьи-то грибы́ са́мые скúсные. Баб. Юрк. [СВГ: вып. 1, с. 129].*

Следует подчеркнуть, что составные фитонимы и миконимы с компонентами *бо́жий*, *бо́гов*, *богорóдский*, *богорóдицкий* сближают характер народной оценки. Как правило, речь идет о целебных или съедобных травах, растениях, обладающих приятным запахом, наиболее ценных грибах. Не случайно в составе подобных наименований используются такие сакральные слова, как *Бог*, *Богородица*, на что обращает внимание ряд исследователей [2, с. 64; 3, с. 36–37].

Прилагательные *бо́гов*, *бо́жий* используются и при номинации насекомых. Так, в результате метафорического переосмысления возникает составное наименование *бо́гов конёк*, *бо́гова кобы́лка* (*лоша́дка*) в значении ‘кузнечик’: *Ой, богов конёк, посадишь на крест: богов конёк, дай медку! Он маленько плюнет. Сок. Лебечиха. Боговы кобылки прыгали, как закеркает – говорили, скоро страда будет. В-Уст. Подборье. Богова лошадка называли раньше, скачут которые. В.-Уст. Малиново [СГРС: 1 вып., с. 127].* СВГ отмечает составное наименование *бо́гов конёк* в значении ‘сверчок’: *Сверчка́ у нас велича́ют ба́ско, бо́хов, говорят, конёк стрекóчет. Шексн. Романиково.* Название *бо́гова корóвка* (*корову́шка*) ‘божья коровка’ строится по общерусской семантической модели: *Богова коровка маленька така с пятнышками. Сок., Куваево. Богова коровушка маленькая, басенькая. Пели всё: «Небесная коровушка, лети на небеса!» У-Куб. Большое Лыскарево.* Заметим, что в процессе номинации насекомых используются наиболее близкие для крестьянина образы: конь, лошадь, корова.

Анализируемые наименования растений и насекомых представляют собой косвенную номинацию. Переосмыслению подвергается прежде всего значение прилагательного (*богов*, *божий*). Второй компонент составного наименования либо обозначает родовой признак (*гриб*, *трава*), либо развивает переносное значение на метафорической основе (*слéзки*, *сердечко*, *конёк*, *коровка*).

Привлеченный к анализу фактический материал свидетельствует о большой функциональной нагрузке лексемы *Бог* в народной речи. Наблюдение над развитием семантики слова *Бог* и его производных в вологодских говорах позволяет, с одной стороны, говорить об устойчивости сакральных сем в структуре значения диалектного слова. С другой стороны, это дает возможность выделить идеографические группы профанной лексики, связанные в народном сознании с сакрально-мифологической сферой.

Описание внутренней формы этих языковых единиц свидетельствует о специфике восприятия окружающего мира диалектным социумом. Анализ оппозиции сакральное/профанное в народной речи показывает, что границы между сакральным и профанным словом в языке диалекта являются размытыми.

Литература

1. Андреева, Е.П. Культурная мотивация диалектных фразеологизмов (на материале «Словаря вологодских говоров») / Е.П. Андреева // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. – Вологда: Легия, 2012. – Ч. 10. – С. 167–172.
2. Бурмистрова, Т.Н. Лингвокультурологическая интерпретация сакральных фитонимов с прозрачной внутренней формой / Т.Н. Бурмистрова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2007. – № 3. – С. 62–65.
3. Гридина, Т.А. Модели фитонимической номинации в мотивационном аспекте / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова и др. // Лексикология. Лексикография. Диалектная лингвогеография. – Екатеринбург, 2001. – С. 34–49.
4. Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – Москва: Молодая гвардия, 1991. – 269 с.
5. Дубровина, С.Ю. Христианская лексика в диалектах русского языка: дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / Дубровина С.Ю. – Тамбов, 2006. – 489 с. – Режим

доступа: <http://www.dissercat.com/content/khristianskaja-leksika-v-dialektah-rsskogo-jazykau>

6. Зорина, Л.Ю. Пословицы и поговорки в режском дискурсе как отражение системы ценностей сельских жителей / Л.Ю. Зорина // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. – Вологда: Легия, 2016. – С. 30–38.

7. Панина, Ж.А. Праздник в архангельских говорах: семантика и сочетаемость» / Ж.А. Панина // Севернорусские говоры: межвуз. сб. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – Вып. 12. – С. 97–117.

Словари

БАС₂ – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / под ред. К.С. Горбачевича. – Москва; Санкт-Петербург: Русский язык, 1991. – 864 с.

КСВГ – картотека Словаря вологодских говоров.

КСРГ – картотека Словаря режского говора.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. – Вып. 1–12.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 1. – 249 с.

Сл. РЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / сост. Н.В. Бахилина [и др.]; гл. ред. С.Г. Бархударов. – Москва: Наука, 1975. – Вып. 1. А–Б. – 371 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. – Москва; Ленинград: Наука, 1965. – Вып. 1. – 306 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Москва: Астрель, 2003.

E.P. Andreeva

TRANSFORMATION OF THE SACRED WORD *GOD* AND ITS DERIVATIVES IN VOLOGDA DIALECTS

The article deals with the history of the most important sacred word and its derivatives in the lexical system of the dialect. The main source of the research is the Vologda Dialect Dictionary and its card files as well as the materials of other regional dictionaries. The analysis of archaic Vologda dialects raises questions on extra-linguistic and inter-linguistic reasons for the semantic shift of sacred words, and is traced to the adaptation of the Christian vocabulary in folk speech, thus revealing the derivational and semantic capacity of the lexeme *God*. The observation on the semantic evolution of the word *God* and its derivatives in Vologda dialects allows for, on the one hand, the steadiness of sacred semes in the structure of a dialect word, and, on the other hand, to point out the ideographic groups of secular vocabulary, which are connected with sacred and mythological sphere in the folk conscience. The analysis of inner forms of these language units shows the peculiarities of world perception in the dialect community.

Sacred vocabulary, dialect words, semantic evolution, motivation, inner form of a language unit.

Е.Н. Варникова

Вологодский государственный университет

Н.Н. Зимичева

Горицкая средняя школа

Кирилловского района Вологодской области

ЗООНИМИКОН СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ (на материале кличек животных с. Горицы Вологодской области)

На материале кличек животных села Горицы Вологодской области в статье рассматривается состояние современной сельской зоонимии: определяется ее видовой состав, анализируются лексико-семантические и словообразовательные характеристики зоонимов. Отмечается исчезновение из активного употребления не только основных видов сельских зоонимов – кличек лошадей и коров, но и периферийных классов – кличек овец, коз, гусей, кур и др. В центре современного сельского зоонимикона остаются клички собак и кошек, на периферии появляются клички попугаев, хомяков, черепах и пр. Таким образом, в настоящее время можно говорить о видовом сближении сельской и городской зоонимии. В связи с кризисной ситуацией в отечественной отрасли животноводства подобное явление наблюдается на многих территориях севера и центра России. В кличках животных села Горицы находят отражение основные особенности современной русской зоонимии: формальный характер номинации животных, расширение лексического состава номинативной базы, широкое распространение антропозоонимов и др.

Зооним, сельская зоонимия, село Горицы, Вологодская область.

В последние десятилетия в русской зоонимии, как и в других ономастических классах, происходят значительные изменения. Прежде всего эти изменения связаны с расширением «круга апеллятивной лексики, которая стала вовлекаться в разряд имен собственных» [4, с. 81]. Действительно, в роли кличек могут использоваться термины науки, искусства, названия отвлеченных понятий, веществ, новых реалий настоящего времени и др: собаки *Аргон*, *Спика*; коровы *Октава*, *Овация*; кошки *Мультимедиа*, *Флэшка*; лошади *Визажист*, *Лизинг* и др.

Однако наряду с этими «количественными» изменениями происходят «качественные» преобразования русского зоонимикона: на многих территориях севера и центра России выходят из активного употребления и исчезают основные классы сельских зоонимов – клички лошадей и коров. Исчезновение кличек лошадей началось с 70-х гг. XX в. по причине постепенной ликвидации самих животных в колхозах и совхозах. Начиная с 90-х гг. в связи с резким сокращением поголовья крупного рогатого скота в частных и общественных хозяйствах в зону пассивного использования переходят и клички коров.

В настоящей статье рассматривается современный зоонимикон северной деревни – села Горицы Кирилловского района Вологодской области: описывается видовой состав кличек животных, анализируются их лексико-семантические и словообразовательные особенности.

Село Горицы, административный центр Горицкого сельского поселения, расположено в 130 километрах к северо-западу от города Вологды и в 7 километрах от города Кириллова на левом берегу реки Шексны. «В источниках XVI в. упоминается д. Девичья Гора Вогнемской волости» (Писцовая книга езовых

дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г. М.; Л., 1984) [6, с. 68]. Название селения образовано от существительного *горица* ‘небольшая горка’ [5, с. 85] и связано с обилием гор в его окрестностях: Маура, Никитская, Сандырева и др. Термин отразился и в названии Воскресенского Горицкого женского монастыря, основанного в 1544 г.

Первый колхоз «Красный берег» был организован в Горицах в 30-х гг. XX в. К 50-м гг. на его основе был создан многоотраслевой колхоз «Комсомолец». Основными отраслями хозяйства были мясо-молочное животноводство, полеводство и льноводство. В 1970 г. колхоз был переименован в совхоз «Горицкий». В 1985 г. он был объединен с совхозом «Кирилловский» (центром нового крупного хозяйства оставались Горицы). Совхоз «Горицкий» прекратил свое существование в 2000 г. Тогда же были ликвидированы и животноводческие фермы (около 400 голов).

В настоящее время в Горицах проживает 546 человек. Трудоспособное население вынуждено искать работу в г. Кириллове.

Предметом нашего рассмотрения являются клички животных разных видов, содержащихся в настоящий момент и содержавшихся до недавнего времени в личных хозяйствах и на общественных фермах села Горицы. Всего было собрано 898 зоонимов. Из них 394 – клички коров и телят, 350 – клички кошек, 122 – клички собак, 13 – клички лошадей, 4 – клички овец, 3 – клички коз, 6 – клички хомяков, 3 – клички попугаев, 2 – клички черепах, 1 – кличка шиншиллы. Клички лошадей, коров, овец и коз принадлежат уже не существующим животным (в настоящее время в Горицах только одна лошадь *Марат* и две коровы *Зорька* и *Марта*). Зоонимы были записаны нами у

бывших работников фермы и частично восстановлены с помощью списков животных, хранящихся в архивном отделе администрации Кирилловского муниципального района. В процессе сбора материала использовались также опрос жителей села и анкетирование учащихся БОУ КМР «Горицкая средняя школа».

Видовой состав кличек животных села Горицы свидетельствует о коренной перестройке современного сельского зоонимикона: не только исчезают основные, ядерные классы имен, но и меняется состав зоонимической периферии. Периферийными разрядами сельских зоонимов традиционно являются клички свиней, коз, овец, кур, гусей и др. Эти разряды кличек также значительно сокращаются под воздействием социально-экономических факторов (старение коренного сельского населения, нерентабельность частных хозяйств в условиях капитализма, проблема сбыта продуктов животноводства и пр.). На смену им приходят зоонимы, обычно занимающие периферийное положение в городском зоонимиконе (как было показано выше, клички попугаев, хомяков и пр.). Таким образом, в настоящее время можно говорить о видовой сближении сельской и городской зоонимии.

Прежде чем обратиться к описанию функционирующих кличек животных села Горицы, рассмотрим зоонимы исчезающих классов.

Клички лошадей, несмотря на их малочисленность, отражают традиции именования животных этого вида: *Буйный, Буран, Буян, Быстрый, Звёздочка, Карат, Крошка, Лихой, Лоза, Орлик, Пегас, Роза*. Как видно, многие из них характеризуют быстроту бега, резвость лошадей и представляют одну из продуктивных номинативных моделей, типичных для русских гиппонимов [7, с. 110].

Из 394 собранных кличек коров и телят 146 – имена животных личных хозяйств, 148 – имена животных совхозных ферм (главным образом, фермы № 1). Между кличками частных и совхозных коров не обнаруживается принципиальных различий. Сближение кличек животных частных хозяйств и государственных предприятий, отмеченное еще в 70-е годы XX в. [2], по-видимому, отражает тенденцию к формальному характеру зоонимической номинации. Среди тех и других зоонимов выделяются соотносительные номинативные модели, поэтому рассмотрим их в общем массиве.

Прежде всего отметим клички, возникшие на основе неязыковой мотивации. Такие зоонимы мотивируются признаками и свойствами именуемых животных. К ним относятся клички, называющие различные внешние признаки коров (цвет шерсти, отметины на основной масти, размер, степень упитанности, особенности телосложения и пр.): *Алая – 2¹, Батончик, Белка – 3, Брюнетка, Бурёнка – 3, Горбатая, Жирная, Заплата, Звёздка, Звёздочка – 2, Каштанка, Комолая, Крапушка, Краснуха, Крошка, Лысанка, Мальшица, Малька, Малютка, Пеструха, Пышка, Пятнашка, Рыжуха – 2, Рябка, Сивуха, Снежинка, Стрелка, Чернуха, Чернушка, Яркая* и др. Клички, характеризующие особенности нрава и поведения коров и телят: *Буйная, Буян, Буянка, Веселуха, Вредина, Звончок,*

Дика, Дикая, Доброта, Дружинка, Задира, Зажигалка, Злючка, Копуша, Ласка, Озорник, Пуля, Сердючка, Сирена, Стрекоза, Шалунья и др. Клички, выражающие общую оценку животных или отношение к ним: *Барышня, Баска, Басюлька, Богиня, Ведьма, Верная, Горькая, Забава, Золотко, Кислая, Кормилица, Краля, Красава, Красавка, Красота, Красотка, Красуля, Красулька, Неженка, Леди, Принцесса, Простушка, Радость, Сказка, Солнышко, Умница, Утеха* и др. Наконец, клички, отражающие время рождения животных: *Апрель, Апрелька – 3, Вечёрка, Июлька, Июнька, Майка, Марта – 5, Октябринка, Субботка – 2, Февралька – 2*.

Продуктивными способами образования кличек, возникших на основе неязыковой мотивации, являются онимизация апеллятивов (*Брюнетка, Озорник*), субстантивация прилагательных (*Алая, Дикая*) и суффиксация (*Апрелька, Краснуха*), наиболее активные суффиксы – *-к-* и *-ух-*.

Создание кличек на основе языковой мотивации определяется наличием в языке лексических средств и словообразовательных моделей, используемых для номинации животных по их признакам и свойствам (лексические и структурные языковые мотивации). В роли мотиваторов выступают как собственные имена, так и нарицательные. Среди собственных имен в качестве кличек коров и телят используются антропонимы, топонимы и астронимы.

Чаще всего в зоонимобразовании участвуют личные имена людей. Как правило, это русские по употреблению имена в полных и звательных формах: *Василиса, Венечка, Гаврюша, Глашка, Дарёнка, Дунька, Ерёма, Катька, Лавруша, Лидка, Лизка, Любава, Любка, Люська, Майя, Манюня, Маня, Маринка, Марфа, Машица – 2, Миша, Мишка, Моська, Наташка, Сонька, Светка, Танька – 2, Феня, Фёкла, Фрося* и др. Среди иноязычных имен преобладают прецедентные: *Гомер, Изаура, Кармен, Лаура, Лейла, Луис Альберто, Марианна, Матильда, Мери, Моника, Рамона, Сильвия*. Намного реже встречаются топонимы: *Азия, Алтайка, Амазонка, Волга, Енисейка, Кама, Нева* и астрозоонимы: *Вега, Венера, Венерка, Луна, Марс, Сатурн*. Единичны клички коров и телят, мотивированные именами других животных, реальных или вымышленных: *Бонифаций, Мурёнка, Муся, Чебурашка*.

Среди нарицательных имен также выделяются определенные группы мотиваторов: названия флоры и фауны, различные наименования лиц, названия отвлеченных понятий, конкретных предметов и веществ. Наиболее многочисленны «флористические» зоонимы: *Астра – 2, Берёза, Берёзка – 2, Брусника – 2, Вербка – 2, Ветка, Вишенка, Вишня – 2, Груша, Земляничка, Ивушка, Камелия, Квиточка, Квитка, Клюква, Лилия, Липка, Лоза, Лютик, Малина, Малинка, Мальва, Роза, Ромашка, Рябинка – 2, Яблонька*. Зоонимы, мотивированные другими наименованиями, уступают им в количественном отношении: «фаунистические»: *Бабочка, Бык, Галка, Голубка, Зайка, Зайчик, Лама, Ласточка, Мамонт, Муха, Мушка, Тёлочка, Улитка, Цапля, Чайка*; «агентивные»: *Англичанка, Дева, Дочка – 2, Князь, Лада, Ладка, Ладушка, Монголка, Мордовка, Прачка, Сплетница, Сударушка, Хозяйка, Хохлушка, Цыганка*; «отвлеченные»: *Грация,*

¹ С помощью цифр отмечена повторяемость кличек.

Забастовка, Наука, Нега, Овация, Печаль, Победа, Получка, Слава; «предметные»: *Вилка, Жалейка, Зенитка, Игрушка, Капсула, Кнопка, Коклюшка, Копейка, Кукла, Ложка, Марка, Маслёнка*; «вещественные»: *Железка, Зефир, Петрушка, Самогонка, Сникерс, Фанера, Шоколадка, Яшма* и др. Продуктивными способами образования кличек, возникших на основе языковой мотивации, являются трансонимизация (*Василиса, Луна*) и онимизация апеллятивов (*Астра, Копейка*).

Номинативные модели, выделенные нами при описании кличек крупного рогатого скота с. Горицы, отмечаются и на других территориях России [2; 3], что позволяет говорить о традициях зоонимической номинации. На традиционный характер зоонимии указывает и повторяемость типично «коровых» кличек: *Бурёнка, Дочка, Зорька, Жданка, Милка, Рыжуха* и др.

В кличках коров фермы № 1 прослеживаются признаки системной организации данного зоонимикона: выделяются оппозиции кличек, основанные на противопоставлении однокоренных имен: *Зарница – Заринка, Золинка – Золушка, Красава – Красотка – Красулька, Лапка – Лапушка*; имен, находящихся в отношениях производности: *Вишня – Вишенка, Искра – Искорка, Жданка – Нежданка*; имен, производных от слов одной тематической группы: *Оса – Пчёлка* и др.

Клички лошадей и коров как традиционно основные классы сельских зоонимов характеризуются многообразием своего «репертуара». Клички периферийных зоонимических классов, напротив, очень ограничены в лексическом отношении и отличаются высокой степенью повторяемости. Типичными кличками для овец с. Горицы являются имена *Серка, Катька, Манька, Дашка*, для коз – *Катька* и *Манька*. Однако обычно по отношению к этим видам животных используются подзывные слова. Для овец – *чига-чига, башка-башка, бяшка-бяшка, кать-кадь*, для коз *маня-маня, кать-кадь*. Как видно, некоторые из слов подзыва мотивируются повторяющимися кличками.

Обратимся к анализу кличек, реально функционирующих в настоящее время. Самый многочисленный класс составляют клички кошек, как правило, беспородных. В большинстве случаев эти клички мотивируются языковыми средствами. В качестве мотиваторов также выступают имена собственные и нарицательные, как и в кличках коров.

В сравнении с ними мотиваторы-онимы в кличках кошек совпадают по разрядам, но отличаются по составу и количеству. В 165 случаях (из 350) клички кошек мотивируются антропонимами. Большая часть зоонимов также образуется на основе русских по употреблению имен в полных и звательных формах, но состав их более разнообразен: *Аля, Антип, Аркадий, Ася, Васька – II, Вася, Василиса, Вениамин, Веня, Витька, Вовочка, Георгий, Глашка, Дашка, Дуся, Жора, Захар, Иннокентий, Катюшенька, Кузьма, Лёвушка, Лидочка, Лизка, Лина, Люся, Маня, Марина, Машенька, Машка, Мишаня, Мотенька, Петя, Платон, Прохор, Проша, Сёма, Сима, Сонька, Соня, Стеша, Стёпа, Таисия, Тасюша, Тася, Тимкофей, Тихон, Тиша, Толян, Федя, Филя, Фиса, Фрося, Шурик, Яша* и др. Более активно используются и иноязычные

по употреблению имена: *Алекс, Алисия, Аманда, Аслан, Барбара, Белла, Берта, Брунгильда, Бруно, Генри, Джессика, Джулия, Зоська, Зяма, Леонард, Лили, Лора, Люси, Макс, Максимилиан, Марианна-Есения, Матильда, Марго, Мартин, Мишель, Моника, Мэгги, Мэри, Николь, Нора, Оливер, Оскар, Поль, Саймон, Сильвестр, Симона, Стефания, Сэм, Томас, Феликс, Фелиция, Чарли* и др. Нередко такие имена присваиваются животным в честь известных людей (актеров, музыкантов, спортсменов и пр.): *Джулия – Джулия Робертс, Ева – Ева Польна, Лайма – Лайма Вайкуле, Леонард – Леонардо Ди Каприо, Моника – Моника Беллуччи, Элвис – Элвис Пресли* и т. д. Особо следует отметить клички, образованные от имен исторических, мифологических и литературных персонажей: *Гектор, Гера, Клеопатра, Мамай, Соломон, Цезарь, Фауст, Шерлок* и др. В образовании кличек кошек участвуют не только имена, но и отчества и фамилии (либо клички обретают их форму): *Боярский, Бушковский, Тайсон, Фимыч, Фёдорович, Чубайс², Якобсон*. Иногда номинация животных осуществляется по антропонимическим моделям: *Ася Пукич, Пума Колесова, Теодор Расторопов*. Крайне редко встречаются топозоонимы: *Вавилон, Массандра, Марсель* и астрозоонимы: *Луна, Марс, Марсик*. Для называния кошек более активно используются имена животных других видов или вымышленных существ (чаще всего это имена героев мультфильмов): *Багира, Гарфилд, Дейзи, Дейл, Иво, Котофей Иванович, Кузя, Масяня, Матроскин, Оптимус Прайм, Пират, Симба, Симка, Смurfик, Фунтик, Чип, Шрек* и др.

Среди нарицательных мотиваторов кличек кошек выделяются только названия фауны (преимущественно названия хищников семейства кошачьих): *Ирбис, Леопард, Лёвик, Мартышка, Муха, Мышка, Пума, Рыся*; наименования лиц: *Босс, Дроля, Лорд, Матрос, Монарх, Сынок, Якут* и названия конкретных предметов: *Бакс, Бублик, Букет, Фишка, Флэшка*.

Рассмотренные клички создаются посредством семантической деривации – онимизации (*Ирбис, Букет*) и трансонимизации (*Захар, Массандра*), в отдельных случаях – посредством суффиксации (*Марсик – суффикс -ик-*).

Зоонимы, возникшие на основе неязыковой мотивации, среди кличек кошек немногочисленны. Это клички, выражающие различные внешние признаки животных (цвет и другие особенности шерсти, размер, степень упитанности и пр.): *Бегемотик, Белка, Белый, Беляш, Бусый, Дымка, Дымок, Кнопа, Малыш, Мякиш, Персик, Полосатик, Пузо, Пух, Пуша, Пушинка, Пушок, Рыжик, Рыжуля, Серость, Серый, Синька, Снежок, Тигрик, Черныш* и др. А также клички, отражающие особенности поведения кошек: *Бес, Беса, Дерзик, Задира, Кактус, Лиска, Шустрик*. Способы образования кличек – онимизация апеллятивов, субстантивация прилагательных и суффиксация (суффикс *-ик-*).

На фоне лексического многообразия кличек кошек повторяющимися являются все же традиционные «кошачьи» клички: *Васька – II, Барсик – 7, Мурзик –*

² Кличка приобретает неязыковую мотивацию и отражает рыжий цвет шерсти животного.

5, *Мурка* – 5, *Муська* – 5. Эти клички частотны и в городской зоонимии [1, с. 92].

Породный состав собак с. Горицы более разнообразен: основную массу также составляют беспородные животные, но кроме того есть хаски, немецкие овчарки и гончие. Клички собак (122) в количественном отношении уступают кличкам кошек (350). Но по соотношению имен, возникших на основе неязыковой и языковой мотивации, сопоставимы с кличками кошек: преобладают зоонимы, мотивированные языковыми средствами. В качестве мотиваторов также чаще используются имена собственные. В большинстве случаев это антропонимы (60 из 122), русские по употреблению: *Алиса, Аркадий, Ася, Василь, Веня, Дина, Жора, Игорь, Кузя, Марик, Миша, Мишка, Сеня, Тася, Тимоша, Филька, Фрося* и др. или иноязычные: *Аслан, Барбара, Глория, Джек, Джон, Зара, Курт, Лора, Майкл, Ральф, Сильва, Теди, Чарли, Янко* и др. Выбор того или иного имени, как и в кличках кошек, может быть связан с конкретным человеком: *Дина* – Дина Гарипова, *Курт* – Курт Рассел, *Лайма* – Лайма Вайкуле, *Шанди* – Финесси Шанди и др. Реже в кличках собак встречаются другие прецедентные имена: *Гера, Горыныч, Джина, Кутузов, Цезарь*. Зоонимизация этих имен может определяться теми или иными признаками животных: *Горыныч* – злой пес, *Кутузов* – у собаки нет одного глаза и т. п. Среди кинонимов выделяются топонимы: *Алтай, Валдай, Онега, Ямал*. Единичны астрозоонимы: *Вега, Цефей*. Значительно реже трансоимизируются имена других животных, как правило, это имена «киногероев» и, как правило, собак: *Алый, Артемон, Белка*³, *Бетховен*⁴, *Бим, Бимка, Кузя, Люкан, Масяня, Мухтар, Ральф, Скуби Ду, Стрелка, Тотошка*.

Клички, образованные на базе нарицательной лексики, немногочисленны. Мотиваторами являются названия лиц: *Бой, Граф, Лорд, Матрос*, названия животных: *Белка* – 3, *Соболь, Тигр* и названия предметов: *Бакс, Бублик, Тюбик*.

Кинонимы, называющие признаки животных, единичны: внешние особенности: *Малыш, Ушастик*, особенности нрава и поведения: *Лютый, Пижон*.

Основной способ образования кинонимов – трансоимизация.

Повторяющиеся клички собак типичны для данного вида зоонимов: *Жучка* – 8, *Шарик* – 6, *Белка* – 4, *Дик* – 4, *Бобик* – 3, *Барбос* – 2. В городской зоонимии эти клички, за исключением имени *Дик*, уже не относятся к разряду частотных [1, с. 93].

В заключение приведем клички «прочих» животных: хомяки *Дуся, Пушистик, Серый, Сёма, Хома, Хомяк*; попугаи *Катя, Кеша, Попка*; красноухие черепахи *Маша* и *Миша*, шиншилла *Шишечка*.

Подведем некоторые итоги.

Как показывает анализ кличек животных с. Горицы, в настоящее время в сельском зоонимиконе происходят коренные изменения: исчезают основные классы имен – клички лошадей и коров, характеризующиеся лексическим многообразием и наиболее ярко отражающие традиции русской зоонимической

номинации. С исчезновением этих классов в ядерной зоне сельского зоонимикона остаются клички собак и кошек.

Перестройка зоонимической системы затрагивает не только ядерные, но и периферийные классы: исчезают клички овец, коз, кур, гусей. В зоне периферии появляются клички хомяков, черепах, попугаев и пр., характерные для городского зоонимикона. Таким образом, в настоящее время наблюдается видовое сближение сельской и городской зоонимии. В связи с кризисной ситуацией в отечественной отрасли животноводства подобное явление наблюдается на многих территориях севера и центра России.

На фоне расширения лексического состава номинативной базы кличек зоонимическая номинация приобретает все более формальный характер: сокращается количество кличек, отражающих те или иные свойства животных, растет количество антропозоонимов, для называния животных используются прецедентные имена.

В то же время сельский зоонимикон более консервативен: типичные клички собак, уже не характерные для городского зоонимикона, не утрачивают в нем своей частотности (их частотность во многом определяется породным составом животных).

Для каждого вида зоонимов с. Горицы характерны свои структурно-семантические модели и словообразовательные средства. Так, «флористическая» модель, широко представленная в кличках коров, почти не фиксируется в кличках животных других видов; в кличках коров, образованных на основе суффиксации, продуктивны суффиксы *-к-* и *-ух-*, в кличках кошек – суффикс *-ик-* и т. д. Однако отмечается и взаимопроникновение зоонимических разрядов: для номинации животных разных видов используются одни и те же клички: *Буян, Лайма, Машка, Мишка, Смurfик* и др.

Литература

1. Гусева, Е.В. Традиционные и частотные клички животных в языковой картине мира современного горожанина / Е.В. Гусева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2002. – № 4. – С. 91–104.
2. Поротников, П.Т. Из уральской зоонимии / П.Т. Поротников // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А.В. Суперанская. – Москва, 1972. – С. 210–250.
3. Романова, Т.П. Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных села Покровка Самарской области) / Т.П. Романова, О.В. Салмина // *Proceedings of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists*. Lublin, 24–29 July 2000. Volume I / Editor-in-Chief Stefan Warchol. – Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, 2003. – С. 221–231.
4. Рядченко, Н.Г. Зоонимика. Зоонимия русская / Н.Г. Рядченко // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – Москва: Школа-Пресс, 1994. – С. 77–84.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва: Наука, 1977. – Вып. IV.
6. Чайкина, Ю.И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь / Ю.И. Чайкина. – Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1988.
7. Щетинин, Л.М. Клички лошадей / Л.М. Щетинин // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – Москва: Школа-Пресс, 1994. – С. 107–114.

³ Клички *Белка* и *Стрелка* даны в честь собак-космонавтов.

⁴ Герой одноименного американского фильма.

MODERN VILLAGE ZOONYMICON
(on the material of animal names in the village of Goritsy of the Vologda region)

The article focuses on the animal names in the village of Goritsy of the Vologda region and presents the modern village zoonymic system. The author defines groups and clusters of this system, as well as lexico-semantic and derivational distinctions of zoonyms. The author traces the disappearance not only of the main clusters of zoonyms (which are animal names of horses and cows) from the active usage, but also of the non-basic clusters such as animal names of sheep, goats, geese, chickens, etc. In the rural zoonymic system, animal names of dogs and cats still save the central position, and animal names of parrots, hamsters and tortoises, etc. have appeared in the periphery. Thus it is possible to conclude that there is a certain convergence of rural and urban zoonymic systems. In the circumstances of the crisis of animal husbandry in Russia, this process can be noticed in many areas of the northern and central Russia. The main features of modern Russian zoonymic system are revealed in the animal naming in the village of Goritsy: formal attitude to animal naming, lexical expansion of the nominative basis, widespread of anthropozoonyms, etc.

Zoonym, rural zoonymic system, the village of Goritsy, the Vologda region.

УДК 811.161.1

В.В. Карнова

Вологодский государственный университет

**ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ
КОНЦЕПТ «ЧУДО» В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке ВРО РГО
(проект «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования»)*

Вопрос динамики в составе языковых средств, репрезентирующих концепт *чудо*, на примере фольклорных текстов является актуальным в силу своей неисследованности. Данная статья преследует цель рассмотрения некоторых средств репрезентации концепта *чудо* в текстах волшебных сказок, записанных на территории Вологодской области. В ней содержатся иллюстрации языкового выражения категорий *чудесного*: *чудесный* противник, *чудесный* супруг (супруга или иной родственник), *чудесная* задача, *чудесный* помощник, *чудесный* предмет, *чудесная* сила или знание (умение). Вышеуказанные категории описываются на примере текстов записей из нескольких сборников, в том числе сборника народных русских сказок А.Н. Афанасьева. В статье также указаны альтернативные пути исследования изменений в составе языковых средств, описывающих концепт *чудо*, в текстах волшебных сказок. Подробное описание получают данные лингвистического эксперимента, суть которого состоит в создании авторского текста, принадлежащего к жанру экологических сказок.

Концепт, концептуализация, рефрейминг, концептуальная инверсия, волшебная сказка (ВС), экологическая сказка.

Концептуализация – постоянно продолжающийся процесс как в обществе, так и в индивидуальном сознании. Изменения в общественной жизни и, как следствие, изменения в массовом сознании отражаются на содержании концептов. Язык выступает одним из способов формирования и отражения концептов. Ядерные представления о явлениях окружающей действительности закрепляются в языке на уровне лексической, словообразовательной, фразеологической систем. Факультативные же или новые знания об этих явлениях находят отражение в ассоциативно-дискурсивных реализациях. Одновременно возникают новые концепты.

Сама структура концепта предполагает включение в ее состав элементов, подтверждающих изменчивость внутри концепта. Научные изыскания С.Г. Воркачева [4], В.И. Карасик [5], Г.Г. Слышкина [12], М.В. Ники-

тина [7] в области когнитивной лингвистики объективируют очевидную неоднородность концепта. Если обратиться к структуре концепта, выделенной Ю.С. Степановым [13, с. 48], то можно увидеть распределение составляющих концепта по признаку носителя различного сознания: 1) наиболее актуальный, основной признак, в котором концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения; 2) «пассивный», дополнительный, неактуальный, исторический признак на фоне основного. Концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. При этом во всех случаях актуализируются «исторические», «пассивные» признаки концепта главным образом при общении людей внутри данной социальной группы, при общении их между собой, а не во вне, с другими группами; 3) внут-

ренная форма, или этимологический признак, или этимология, не осознается в повседневной жизни, открывается лишь исследователям и исследователями. Но это не значит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концептов вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. Если проецировать данную модель организации структуры концепта *чудо* на волшебную сказку, то получим следующее: 1) восприятие концепта *чудо* в ВС рядовым носителем языка или *бытовое понимание* концепта *чудо*; 2) восприятие концепта *чудо* сказочниками или *профессиональное понимание* *чуда* в ВС; 3) *исследовательское понимание* концепта *чуда* в условиях сказочного пространства. Особенно ценным в рамках данной статьи будет описание концепта *чуда* в контексте второго элемента структуры, поскольку именно индивидуально-авторская подача материала, его организация и наполнение традиционных сюжетов будут интересовать нас в первую очередь.

Наличие в структуре концепта образа и интерпретационного поля наряду с информационным ядром, выделенных З.Д. Поповой, И.А. Стерниным [9, с. 75–76], также свидетельствует о различном формировании концептов в онтогенезе и филогенезе, различном существовании в сознании личности. Наиболее продуктивными с точки зрения исследования неоднородности структуры концепта будут описания образной составляющей и интерпретационного поля, поскольку образ может быть как сугубо индивидуальным, так и стандартизированным в народном сознании, а интерпретационное поле может быть описано как множественное перечисление порой даже противоречивых когнитивных признаков, интерпретирующих информационное содержание концепта.

Однако изменения концептов могут быть представлены не только в статическом плане с помощью описания структуры, но и в динамическом. Это может быть *исчезновение* концепта. Например, русский концепт *местничество*, который играл большую роль в жизни российского общества и государства в 16–17 вв., научный концепт *эфир*. Это может быть *угасание* (В.И. Карасик) концепта. Например, угасает в русской концептосфере концепт *кротость*, концепты *гнедой*, *каурый*, *буланый*, *вороной* [9, с. 87]. Это может быть *концептуальная инверсия*, понимаемая Н.Н. Белозёровой и Л.Е. Чуфистовой как концептуальные преобразования в исторической перспективе. Исследуя переменные параметры концептов *рыцарь* и *мечь*, т.е. семантемы, содержание которых зависит от культурно-исторического контекста, от конкретных носителей концепта, от социальной среды носителей, исследователи приходят к выводу о травестировании описываемых концептов [2, с. 56–57]. Близким по смыслу к явлению концептуальной инверсии является термин, предложенный Дж. Лакоффом, *рефрейминг*, предполагающий «процесс повторного мышления», порой концептуальный пересмотр одного и того же явления. *Концептуальные инверсии* видят важным обращение к культурно-историческому контексту, тогда как *рефрейминг* концентрируется на ценностном компоненте, поскольку процесс реконцептуализации по Дж. Лакоффу означает, что «цель, определяемая каким-то

образом в одной системе ценностей, переносится в другую, совершенно отличную систему» [1, с. 73].

Исследователь Е.М. Абышева рассматривает концептуальные инверсии концепта *чудо* на материале русских и ирландских поговорок и сказок и приходит к выводу о том, что концепт *чудо* был подвергнут профанизации и дальнейшей сакрализации [1, с. 74]. Инверсией при инверсии русского концепта *чудо* послужили бинарные оппозиции *церковь-кабак*, *холоп-барин* [1, с. 202]. Причем из 50 русских сказок анализу подвергнуты лишь 10 синкретических сказок бытовых и волшебных.

Таким образом, видим, что описание концептуальных изменений становится все более актуальной темой для исследований, лежащих в рамках когнитивной лингвистики. Путей для описания динамики концепта *чудо* по отношению к волшебной сказке может быть несколько: сравнительный анализ сказочных текстов, записанных в разное время; анализ содержания вновь переиздаваемых сборников сказок с целью выявления наиболее часто воспроизводимых текстов; анализ текстов авторских волшебных сказок; лингвистический анализ содержания сайтов, посвященных волшебным сказкам; проведение лингвистических экспериментов с участием современных носителей языка и т.д.

На наш взгляд, динамика текста фольклорного – особая динамика и постоянная, поскольку условия бытования сказочного текста предполагают как сохранность передаваемого рассказчиком сюжета, традиционных формул, оценочных эпитетов и т.д., так и «личное», «авторское» начало хотя бы даже в выборе из перечня традиционных средств повествования. Динамика концепта *чуда* по отношению к волшебной сказке могла бы быть рассмотрена начиная с мифа и десакрализации мифологических образов. Однако в рамках данной статьи нас будут интересовать изменения в составе репрезентативных форм (лексем) концепта *чудо* внутри уже сформировавшегося жанра волшебной сказки.

С этой целью нами были проанализированы тексты записей волшебных сказок из сборника «Вологодские сказки конца XIX – начала XX века» [3]. В сборник вошли сказки, записанные на территории западных районов Вологодской области в период с 1979 по 2004. Сборник вводит в научный оборот новые тексты, позволяет проследить процессы эволюции и закономерности бытования народной сказки. Данный сборник ценен тем, что в текстах (всего 37 (№ 36–72) волшебных сказок) сохранены диалектные особенности речи сказочников, отклонения в морфологических и синтаксических конструкциях, что позволяет анализировать вербально-семантическую составляющую сказочного текста.

В первую очередь нас интересовали словоформы, описывающие семантические группы *чудесного*: *чудесный* противник, *чудесный* супруг (супруга или иной родственник), *чудесная* задача, *чудесный* помощник, *чудесный* предмет, *чудесная* сила или знание (умение).

Сравнительный анализ словоформ указанных выше семантических групп дополнительно основывался на данных следующих сборников: сборник народных русских сказок А.Н. Афанасьева (собранны с

1855 по 1863) [6] и сборник сказок Белозерского края Б.М. и Ю.М. Соколовых (собраны с 1908 (Белозерский уезд) по 1909 (Кирилловский уезд)) [8], [11]. Как видим, исследуемые сборники разделяет достаточный временной промежуток для того, чтобы описать изменения в составе репрезентирующих концепт лексем. Причиной изменений можно видеть трансформирующееся под влиянием изменений в обществе культурное сознание сказочника. 37 сказкам из сборника «Вологодские сказки конца XIX – начала XX века» соответствует 43 сказки из сборника А.Н. Афанасьева и 16 сказок из сборника братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых.

Первоначально хотелось бы отметить языковые замены на уровне сказочных функций, выделенных В.Я. Проппом и являющихся основополагающими в определении волшебных сказок. Среди структурных особенностей волшебной сказки следует отметить новое наполнение элемента отлучки. Традиционными формами отлучки являются: на работу, в лес, торговать, на войну, «по делам» [10, с. 23]. Например, «Надо было князю ехать в дальний путь, покинуть жену на чужих руках» (Аф. 265). В текстах записей сказок после А.Н. Афанасьева мотив отлучки представлен преимущественно «по делам» с использованием нового статуса главы государства – начальник: «Сарь сам уехал куда-то там, вообще, мало ли, по делам по своим. ...Ну ланно, мужа нету из командировки, она родила. ...И приехал муж, этот самый начальник-от...» (Вологод. ск. № 57); «...а он, видишь, каким-то там был, что везде уежжал в командировки. Вот приезжает домой, он ему ничо не сообщали, он не писал» (Вологод. ск. № 64); «Ну, и он уехал куда-ты учиться или сдавать, или он учился да курсы сдавать уехал...»/«[он уехал] в командировку» (Вологод. ск. № 65); «...его на собранье потребовали» (Сок. № 42).

Функция «Герой вступает в брак и воцаряется» [10, с. 50] представлена соответственно изменениям в государственном строе, акцент делается на продвижение по карьерной лестнице: «И в то времё-то сделалось, как у нас, совец'кая влась, совец'коё и там, верно. Коухоз и вот ёво и посадили предчедаёмом» (Вологод. ск. № 36); «Дак потом этова Ванюшку, вот и дураток, ёво так повысили, это царь-то, дак уж Ванеюшке и цены не было!» (Вологод. ск. № 49). Реакцию на воцарение героя в современных записях демонстрирует публика: «Публика всё ёво на ура, знает, на ура» (Вологод. ск. № 61); «Весь народ, вся публика» (Вологод. ск. № 59). Вообще обращение к другим действующим лицам звучит как: «Граждане, – говорит, – вот такой-то цветик я сорвал...» (Вологод. ск. № 67). Ср. у А.Н. Афанасьева обращение к родителям убитой девочки в сказке со сходным сюжетом «Чудесная дудка»: «Батюшка, пусти переночевать!» (Аф. 244). Или: «Господа корабельщики...» (Сок. № 42). А также: «Давай, гражданин, ты-то записывайси» (Вологод. ск. № 58).

Наблюдаются случаи, когда автор сам объективирует использование новых словоформ: «... а на земле лежит заступ (раньше ведь звали заступ или окова-лёнка, вот как звали, а теперь-то ак лопата)...» (Вологод. ск. № 68); «Плотник сделал, наподобие, как назвать, самолёта, или там раньше называли ковёр-самолёт» (Вологод. ск. № 62). Только одна словоформа такого рода описывает волшебный предмет

(самолёт). Иногда автор на определенном этапе повествования отсылает к увиденному, а не услышанному: «(Это в кине)» (Вологод. ск. № 56 «Как гуси уташ-шыли»). Или: «(Это в кине казали 2 раза)» (Вологод. ск. № 45). Такие случаи можно квалифицировать как своеобразное объяснение автором происходящих чудесных событий, последовательность которых необходимо восстановить в рассказе.

Текстовое пространство сказки становится все более наполнено обозначениями достижений техники: средство передвижения: «Шлюпка с матросами ждала у берега» (Вологод. ск. № 37); оружие: «А эшиш да тебе револьвр шестиствол. Заряжай, – лучше мины всякие разнесет, что потребуется» (Сок. № 140 (71)); «...взял он винтовоську – и покатили с матерью по белому свету» (Вологод. ск. № 43); «Берёт динокль, смотрит, знасит, в подзорную трубу... давай шлюпку опускай!» Из шлюпки: «Азбуку Морзе раз-два! – туды на корабь, понимаэш, – “Скорую помощь” быстро!»; «Вдруг ифнэй кораб как раз шел из Англии. Он видит по флагу, знасит, и азбуку Морзе. Азбуку Морзе: «К берегу, на помои» (Вологод. ск. № 45); покойник, который «выше телеграфный столбов идет» (Вологод. ск. № 47); «Обнаружили братья, что у Ивана Сапожкова клеймо: «...царю живо накатали туды телеграмму» (Вологод. ск. № 58); «Плотник сделал, наподобие, как назвать, самолёта, или там раньше называли ковёр-самолёт. ...там все рычажки нажимает... Ну, тут замаскировал свою, свой этот самолёттик...» (Вологод. ск. № 62); «Сделал, это, пароходик, ли чё там, по морю поплыл» / «...ездыт на пароходаф». Ср. «...сел на корабль и поплыл к острову» (Аф. № 286). Из приведённых выше примеров 2 словоформы относятся к волшебному предмету (револьвер, самолёттик) и 1 словоформа к обозначению чудесного исцеления (скорая помощь).

Чудесное превращение зачастую перестает быть таковым: «Сивка-Бурка дает Ивану “омундированье” (Вологод. ск. № 58); «...халат свой снял... в зеркало погляделсы – ну!»; «Галстук, и всё на свите – куды к лешому!» (Вологод. ск. № 59). Ср., например, «...в одно ушко залез – напилсы-наелсы, в друго вылез – оделсы» (Аф. № 179); «Он в ушко влез, в другое вылез, сделалсы таким молодцом, так на него бы все время и смотрел» (Сок. № 63 (33)).

Оповещение о чудесной задаче все чаще приносит почтальон: «целовек и сумка на боку: “А вот, пожалуйста, полуците от вашего Императорского Величества пакет, письмо такоё вам”» (Вологод. ск. № 58); «Вдруг идёт поцтальон из цярства, подаёт пакет» / «...пришол поштальон» (Вологод. ск. № 59). Ср. «Вдруг от царя клич» (Аф. № 179); «...от царя пришло известие» (Аф. № 180). Сама суть чудесной задачи в целом зачастую остается без изменений, однако детали в ее формулировке меняются, приобретая современное звучание: «От нашева имени величества прошу приехать к нам на экскурсию, посмотреть, – царевна сидит на семом этаже...» (Вологод. ск. № 58). Ср. «...ежели кто сорвет царевнин портрет с дому через сколько-то много бревен...» (Аф. № 179) «...храм о двенадцать столбов, о двенадцать венцов...» (Аф. № 180). Только в одном варианте сказки из сборника Афанасьева встречается сходная по значению этажу словоформа: «...хто конно даскочиць

до ёй на треціпёнтр (польск. – жилье, ярус, этаж; записано в Новогрудском районе Гродненской области) (Аф. № 181). Задача или задание именуется виной: «чтобы в три ння была здумана какая-нибудь вина» (Сок. № 59 (30)). В этой же сказке придумывают задачу вместо царя: «царь собирает свой синод»; «...задаёт одному своему сенатору...»; «опять задаёт этому сановнику...»; «Ванюшка-Пьянчушка».

Описание чудесного помощника, коня, значительно сокращается, теряется формульность в его описании: «...топот за три километра слышно туды...» (Вологод. ск. № 59). Ср. «Сивко бежит, земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом» (Аф. № 179); «...конь бежит, земля дрожит, из ушей, из ноздрей пламя пышет» (Аф. № 180); «Бежит Сивка бурка, веющая каурка, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним как конь перед травой» (Аф. № 182); «Сивушко бежит, так земля дрожит, по сенной копне из копыт летит» (Сок. № 93 (46)). В описании используются современные реалии: «...ну и погнал, дак весь и асфальт сбил» (Вологод. ск. № 58). В описании чудесного помощника могут использоваться просторечные, бранные слова: «А этот человек, просто мазурик, подыскалсе опеть в другом одеянии» (Сок. № 138 (69)). Обладателя волшебного средства («кустышок травки») называют: «Ешишо хуже съдлал дохторь...», «Зглянула на этого фершела...» (Сок. № 54).

Уничтожение волшебного противника зачастую происходит без использования специальных чудесных средств или чудесного умения: «...взяу да у итаноу да у кальсоноу (че у него было-то) менная пуговица, он занаредил, если случайно, он знает» (Вологод. ск. № 36).

Наряду с указанными иллюстрациями проникновения в текстовое пространство лексем, отвечающих изменениям во времени, можно выделить стремление к конкретизации множества деталей. Например, чудесный помощник – рыба-дельфин (конкретизация вида). Морской царь отправляется в Россию (Сок. № 59) – конкретизация чудесного пространства, которое обычно не получает детального описания, а обозначается как «в некотором царстве, в некотором государстве». «И видит: брюки висят с красным гантом по бокам» (подробное описание волшебного предмета) (Вологод. ск. № 45). Описание жизни героини волшебной сказки включает распорядок дня: «Они Машеньку любили, в школу за руку водили, из школы встречали» (Вологод. ск. № 39).

Финитные сказочные формулы также могут содержать лексемы, описывающие меняющиеся социальные обстоятельства: «Я сзаводу шел, заходил к нему, дак добро живет» (Сок. № 59 (30)).

Таким образом, данные сравнительного анализа лексем, относящихся к семантическим группам чудесного, доказывают меняющийся характер концепта чудо в русской народной волшебной сказке.

Данные лингвистических экспериментов также могут расширить границы описания динамики концепта чудо. В качестве материала для наблюдения мы исследовали более 200 текстов, представленных на международный конкурс «Экологическая сказка», который проводился с 15 марта по 30 сентября 2013 года по инициативе Вологодского регионального отделения Русского географического общества [http://

vro-rgo.ru/index.php/128-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-vro-rgo]. На базе данных данного лингвистического эксперимента интересно было бы понаблюдать за тем, в какой мере категории, способствующие репрезентации представлений о чудесном в русской волшебной сказке, сохраняются в текстах сказок, сочиняемых современными школьниками, т.е. сохраняются ли ядерные представления о концепте и каков характер изменений в восприятии концепта чудо у современного носителя языка.

Связь «экологических сказок» с традиционной русской волшебной сказкой прослеживается уже на уровне структуры. Наблюдается обилие начинательных (инициальных), медиальных и финальных сказочных формул. Сохраняются традиционные функции, реализуемые в сюжете волшебной сказки: отлучка из дома, запрет, нарушение запрета, испытание дарителем, получение волшебного средства и др. Приведем пример **нарушения запрета**: «Они очень хотели устроить беспорядок в бору, поломать кусты, порубить деревья. Петрушишк попросил мальчишек не делать этого, не портить его. Но мальчишек слезами не разжалобишь, и они начали свое грязное дело» («Лесная проблема»).

В текстах «экологических сказок» сохраняются традиционные мотивы русских волшебных сказок. Во-первых, это мотив чудесного превращения: чудесной задачи, чудесной способности, чудесного роста, чудесного предмета и его дарителя: «Ёжик её остановил и поведал ей следующее: “Я дам тебе волшебный клубочек, который покажет дорогу из леса”. Клубочек покатился, а тучка полетела за ним» («Путешествие тучки»).

Состав сказочных персонажей в конкурсных текстах вполне традиционен. Это Баба-Яга (злющая бабушка Яга, Ежка), Змей Горыныч, Кошей (Кошей Бессмертный), Дед Мороз (сказочный волшебник из Великого Устюга) и др. Другие персонажи появляются в текстах детских сказок под влиянием других фольклорных жанров (сказок о животных: Ёж-волшебник; быличек: Кикимора, Леший и пр.), сказаний других народов и авторских сказок (Дракон, крестная-волшебница, злой колдун и пр.). Отрицательных героев значительно больше, чем положительных. В основном они выполняют функцию антагониста главного героя, волшебного противника. Среди волшебных противников нередко персонажи, появление которых невозможно в классической волшебной сказке. Это, например, слуги тьмы: «Они были одеты в тёмные длинные плащи с капюшонами. Во главе стояло облако в виде страшного лесного зверя с четырьмя ушами, шестью глазами, одним ртом, двумя носами и сто пятью зубами. Их предводитель, по имени Злыдень...» («Легенда Лесондрии»).

Корпус языковых единиц, репрезентирующих само чудесное действие, собственно чудо, представлен в первую очередь лексемами с корнями -чуд-, -див-, -волшеб-: чудо, чудный, чудесный, волшебный, волшебник и др. Например, «Но вот чудо! Жук вдруг начал быстро увеличиваться в размерах» («Антонова история»). При этом волшебный и чудесный в текстах экологических сказок нередко приобретают другой смысл: чистый, не тронутый человеком: «Эй вы, звери, птицы лесные, не думаете, что можно было бы

сходить до того дивного города, как они умудрились сделать так, что не их лес, не воздух, не река не загрязняются?» («Сказка о рыбке»). Во многих сказках слова с корнями -див-, -чуд-, -волшеб- утрачивают свое исходное значение, употребляясь в значении «хороший, красивый» («Погода чудесная: солнышко ярко светит, ветерок ласково дует. Кругом птички о жизни поют» («Лесная история»), «Они выбрали чудесную полянку, собрали необходимые вещи и отправились отдыхать» («Лесной пожар»)); «методичный, изысканный» («Птицы смело вили гнёзда под крышами домов и радовали людей своими чудесными песнями. Все в этой стране жили в мире и согласии» («Мудрое решение»)); «необычный» («Вечером же прилетали на болото чудные птицы с длинным, как палка, клювом и тонкими ногами и начинали за лягушками бегать, клювом целкать. Поймают и заглатывают целиком» («Приключения клюковки»)).

Часто описание необычного, чудесного осуществляется без употребления лексем с названными ранее корневыми морфемами: «Диковинных зверей и птиц в них было видимо-невидимо» («По заслугам и честь»), «Да и как можно было быть другим в таком прекрасном месте, где все заботятся друг о друге, понижают и стараются помочь».

Зачастую чем-то волшебным становится то, что, по мнению автора, утрачивается среди людей: «Но как же Мальчик и где тот Волшебник, о котором он говорил? А все это время и Мальчик, и Волшебник были рядом. Они помогли увидеть и осознать людям страшные последствия их потребительского отношения к Реке и природе. Имя Мальчику – Будущие Поколения! Имя Волшебнику – Ответственность!» («Путешествие реки»).

Тексты «экологических сказок» испытывают очевидное влияние популярных в среде современных школьников авторских текстов (басня, литературные сказки, произведения современной фантастики).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что «экологические сказки» – корпус текстов, репрезентирующих представление о чудесном, в целом свойственное русской волшебной сказке, но в весьма значительной мере трансформированное под влиянием других источников информации

о чудесном в жизни школьников. Вариативность реализации концепта *чудо/чудесное* достигается с помощью существования в сознании каждого современного носителя русского языка индивидуальных ассоциаций, основанных на общекультурной информации, в том числе заложенной в волшебной сказке. Исследование спектра средств и способов вербализации чудесного позволит доказать наличие динамических процессов в структуре номинативного поля исследуемого нами концепта.

Литература

1. Абышева, Е.М. Концептуальные инверсии: концепт «чудо»: на материале русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абышева Евгения Михайловна. – Тюмень, 2008. – 128 с.
2. Белозерова, Н.Н. Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании: учебное пособие / Н.Н. Белозерова, Л.Е. Чуфистова. – 2-е изд. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. – 296 с.
3. Вологодские сказки конца XX – начала XXI века. – Воскресенское, 2008. – 308 с.
4. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – Москва: Гнозис, 2004. – 192 с.
5. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва: Гослитиздат, 1958.
7. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
8. Песни и сказки Белозерского края / записали Борис и Юрий Соколовы. – Москва: Изд-во Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1915.
9. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
10. Пропп, В.Я. Собрание трудов: Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 1998. – 512 с.
11. Сказки Белозерского края / записали Б.М. и Ю.М. Соколовы. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981.
12. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и мета-концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с.
13. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва: Академический Проект, 2004. – 991 с.

V.V. Karpova

CHANGES IN LANGUAGE MEANS REPRESENTING THE *MIRACLE* CONCEPT IN RUSSIAN FOLK FAIRY TALE

The question of the dynamics of language means that representing the *Miracle* concept in folklore texts is significant because of the insufficiency of research. This article aims to analyze some means of representation of the *Miracle* concept in the records of the fairy tales collected in the Vologda region. The article contains illustrations of linguistic expression of the following *miracle* categories: a miraculous opponent, a miraculous husband / wife (or other relative), a miraculous challenge, miraculous assistant, a miraculous object, miraculous power or knowledge (skill). The author describes the above categories on the examples of several collections of fairytales including A.N. Afanasyev's collection of Russian folk tales. The article also contains some alternative ways of studying changes of the linguistic means of the *Miracle* concept. The detailed description is given to the linguistic experiment data on creating the authors' texts in the genre of the environmental fairy tale.

Concept, conceptualization, reframing, conceptual inversion, fairy tale, ecological fairy tale.

Ф.И. Кевля

Вологодский государственный университет

ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕМУ БЛАГОПОЛУЧНОГО ПОДРОСТКА И ПОДРОСТКА С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

В статье идет речь о том, что время является одной из важнейших составляющих нашей жизни. Проблема времени все чаще привлекает внимание многих исследователей (философов, психологов, педагогов). Наибольшую актуальность она приобрела в последние десятилетия в связи с ускорением темпа жизни, с необходимостью постоянно адаптироваться человеку к быстро меняющемуся предметному и социальному миру. В науке широко обсуждается проблема неумения молодого поколения ценностно распоряжаться временем, расставлять в будущем цели, значимые для субъекта. Особое значение приобретает изучение временной перспективы в подростковом возрасте, когда у подростка еще мало жизненного опыта и знаний. Осмысление времени как психологического понятия дает более четкое представление о том, как происходит социально-личностное развитие и формируется образ мира конкретного субъекта. Использование комплекса диагностических методик для сравнения отношения к будущему благополучного подростка и подростка с девиантным поведением позволяет утверждать, что векторы их социально-личностного развития различные. В педагогическом плане необходимо стимулировать положительную направленность конструктивного вектора социально-личностного развития благополучного подростка и осуществлять грамотную коррекцию негативного вектора социально-личностного развития подростка с девиантным поведением.

Социально-личностное развитие подростка, педагогический антропоцентризм, гуманизм, психологическое время, тип развития временной перспективы, образ мира.

Загадочность и неопределенность проблемы времени (например, отношение молодежи к своему будущему) на протяжении всей истории развития человечества привлекает внимание многих исследователей (философов, психологов, педагогов). Наибольшую актуальность эта проблема приобрела в последние десятилетия в связи с ускорением темпа жизни, увеличением объема информации, с необходимостью человека постоянно адаптироваться к быстро меняющемуся предметному и социальному миру.

В настоящее время в педагогике, общей и социальной психологии широко обсуждается проблема неумения молодого поколения ценностно распоряжаться временем, расставлять в будущем цели, значимые для субъекта и окрашенные личностным смыслом (А.С. Макаренко [11], К.А. Абульханова-Славская [1], Ш.А. Амонашвили [2], Е.И. Головаха, А.А. Кроник [5] и др.).

Особое значение приобретает изучение временной перспективы в подростковом возрасте, когда представление о своем будущем, осознание прошлого, конструирование своего жизненного пути, являясь основой личностного развития подростка, влияет на его последующие жизненные и профессиональные выборы (К. Левин, Ф. Зимбардо [10] и др.). Этот процесс осложняется тем, что выбор «главной линии» жизни приходится на ту пору, когда у подростка еще мало жизненного опыта и знаний, а образовательный

процесс явно недостаточно осуществляет подготовку молодого человека к ответственному шагу – выбору «главной линии» своей жизни. В законе РФ «Об образовании» (2014 года) указывается на то, что российское общество сегодня нуждается в свободной личности, способной самостоятельно решать возникающие проблемы, готовой к самореализации и творчеству, к отстаиванию своей независимости и ответственности [7].

Отечественная педагогика в гуманистическом, личностно ориентированном образовании использует как базовое понятие «саморазвитие личности» (Ш.А. Амонашвили [2], О.С. Газман [4], В.А. Сухомлинский [13] и др.). Саморазвитие личности обучающихся в образовательных учреждениях осуществляется постепенно и связано с возрастным осмыслением субъектами понятия «время».

Время является одной из важнейших составляющих нашей жизни. По мнению психолога Т.Н. Денисовой, оно связывает все структуры нашей реальности, пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. Все процессы – и внешние по отношению к человеку (природные, социальные, экономические), и внутренние (психические) – происходят и разворачиваются во времени [6, с. 3].

Осмысление времени как психологического понятия дает более четкое представление о том, как происходит социально-личностное развитие и формируется образ мира конкретного субъекта. В нашем

исследовании таковым является подросток и его отношение к будущему времени.

Отношение подростка к будущему мы рассматриваем как предпосылку его социально-личностного развития, направленность которого может иметь либо конструктивный, либо негативный вектор. С целью изучения отношения к будущему благополучных подростков и подростков с девиантным поведением была организована опытно-экспериментальная работа.

Исследование проводилось на базе нескольких общеобразовательных школ города Вологды. На разных этапах опытно-экспериментальной работы было привлечено 195 учащихся 8-х классов школ: № 13 (110 человек), № 3 (30 человек), № 29 (25 человек) и МОУ «Вечерняя сменная общеобразовательная школа» № 1 (30 человек). На первом этапе опрашивались подростки школы № 13 (110 человек). На втором этапе группу испытуемых составили подростки из трех школ: 55 учащихся из обычной общеобразовательной школы и 30 – из вечерней сменной общеобразовательной школы, в которой большей частью обучаются подростки с девиантным поведением.

Методологическими подходами исследования являются: педагогический антропоцентризм К.Д. Ушинского («изучение человека во всех проявлениях его природы со специальным приложением к искусству воспитания») [15, с. 3]; гуманизм, представляющий собой систему воззрений, признающих ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей (Ш.А. Амонашвили [2], О.С. Газман [4], А.С. Макаренко [11], В.А. Сухомлинский, Я. Корчак [14] и др.).

Теоретическую основу исследования составляют идеи: природосообразного развития человека (Я.А. Коменский [9]), единства сознания и деятельности, детерминизма (Рубинштейн С.Л. [13]), зоны актуального и ближайшего развития как векторов настоящего и будущего времени (Выготский Л.С. [3]); основные положения временной перспективы, представленные в работах К.А. Абульхановой-Славской [2], Е.И. Головаха, А.А. Кроника [5], Т.Н. Денисовой [6], К. Левина [10] и других.

Методы исследования:

теоретические (изучение философской, социально-психологической, педагогической литературы по проблеме исследования, терминологический анализ ключевых понятий);

диагностические (методика Р.С. Немова «Оценка акцентуации характера», шкала «отношение к будущему» [12]); опросник Ф.И. Кевля «Хотите ли вы знать свое будущее?» [8]); адаптированная нами методика «Незаконченного предложения» Н.Е. Щурковой [16]);

эмпирические (наблюдение, беседа, тестирование, констатирующий эксперимент, математическая обработка экспериментальных данных).

В интерпретации данных нашего исследования применялась, прежде всего, концепция трехуровневого времени Т.Н. Денисовой, согласно которой субъект может представлять время как точечное, циклическое и глобальное [6].

Субъект, обладающий концепцией точечного времени, плохо опирается на прошлый опыт, слаб в

планировании, не способен синхронизироваться с окружающими ритмами и темпами, не способен устанавливать адекватные причинно-следственные связи, видеть цели и предпринимать адекватные настоящему попытки их реализации. Его психологическое время разорвано, представляет собой отдельные хронологические интервалы и события сами по себе, без их взаимосвязей.

Субъект с концепцией циклического времени способен опираться на прошлый опыт и планировать будущее, но в ограниченных пределах. Нет «полета мысли». Он – скорее исполнитель.

Субъект с концепцией глобального времени способен и к разбору прошлого опыта, и к планированию будущего с учетом окружающих ритмов, процессов; своевременен, учитывает многие возможности.

В исследовании Т.Н. Денисовой отмечено, что для успешного и устойчивого социально-личностного развития субъект должен обладать концепцией глобального, либо циклического времени.

Анализируя исследования ученых, мы установили, что социально-психологическая наука представляет подростковый возраст как качественно новый этап жизни (переход от детства к взрослости: субъект уже не ребенок, но еще не взрослый), для которого характерно физическое созревание, умственное развитие, формирование самосознания, становление мировоззрения. Особенностью подросткового возраста является некоторое устремление в будущее, выстраивание жизненных приоритетов, саморазвитие. Подростку, более чем младшему школьнику, характерно стремление к осознанию себя и своей жизни во времени, увеличение внимания к ориентации в будущее, начинающим складываться определенным типом развития временной перспективы, обеспечивающей действенность отдаленных во времени мотивов и коррекцию деятельности и поведения на все более удаленный во времени результат (К. Левин включал во временную перспективу психологическое прошлое и будущее человека, уровень притязаний, настроения, проявления инициатив личностью). Под временной перспективой мы понимаем протравивание своего будущего. Отсутствие осознанного, ответственного отношения ко времени своей жизни, деформация временного поля в подростковом возрасте приводят к различным формам дезадаптации.

Осознание состояния «подросток» происходит по-разному. В нашем исследовании из 61 восьмиклассника при дописывании фразы «Впервые я почувствовал(а) себя не ребенком, когда...»: 1) 4 ответили – в 11–12 лет (6%); 2) затруднились ответить – 13 (21%); 3) пока я чувствую себя ребенком – 7 (11%); 4) иногда я взрослый, иногда – ребенок – 4 (6%); 5) в 13–14 лет – 33 учащихся (56%) – стали считать себя подростками (см. диаграмму 1).

«Показателями» взрослости, по мнению подростков, оказались: оценка взрослых (в основном мамы) в день рождения, когда стал более самостоятельным и ответственным, мог контролировать себя, перестал бояться высказать свое мнение, обиду, когда со мной стали советоваться, больше стала обращать внимание на свою внешность, перестала играть в куклы, когда появились волосы под мышками, когда наравне со

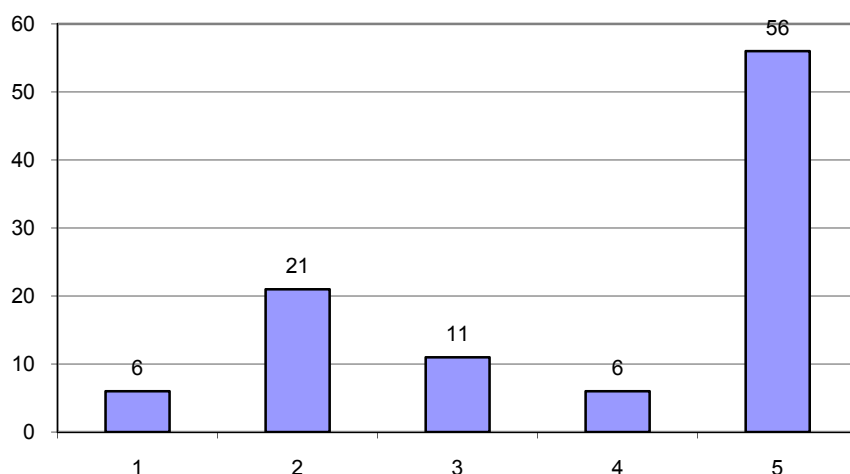

Диаграмма 1

взрослыми копал картошку, когда у сестры родилась дочь, и я стала тетей.

На вопрос, хочешь ли ты знать свое будущее, ответы 50 восьмиклассников из экспериментальной 13 школы (где проводились с подростками специальные занятия по саморазвитию и самовоспитанию) распределились следующим образом: 1) стремлюсь к будущему, хочу его знать, строить, корректировать – 40% (в соответствии с определением Т.Н. Денисовой – глобальное представление о времени); 2) хочу жить настоящим – 17% (циклическое); 3) боюсь будущего – 17% (циклическое); 4) люблю сюрпризы – 26% (точечное) (см. диаграмму 2).

Аналогичный вопрос был задан подросткам СОШ № 3 и СОШ № 29 г. Вологды (55 подростков). Ответы распределились следующим образом: 1) стремлюсь к будущему, хочу его знать, строить, корректировать (планировать) – 30% обучающихся (глобальное представление о времени); 2) хочу жить настоящим – 47% (циклическое); 3) боюсь будущего – 0% (циклическое); 4) люблю сюрпризы – 23% опрошенных (точечное), т.е. 70% подростков располагают точечным и циклическим пониманием времени, 30% – глобальным (см. диаграмму 2).

Этот же вопрос был задан подросткам МОУ «Вечерняя сменная общеобразовательная школа» № 1 г. Вологды (30 подростков). Ответы распределились следующим образом: 1) стремлюсь к будущему, хочу его знать, строить, корректировать (планировать) – 20% обучающихся (глобальное); 2) хочу жить настоящим – 50% (циклическое); 3) боюсь будущего – 30% (циклическое); 4) люблю сюрпризы – 0% опрошенных (точечное). В современной вечерней школе, как правило, оказываются подростки, которые поставлены на учет в комиссию по делам несовершенно-

летних, отличающиеся девиантным поведением. Из них лишь 20% имеют глобальное представление о времени. Но в жизни они успели уже пройти через трудности и переросли точечное представление о времени. В обычной же школе 23–26% подростков имеют точечное представление о времени (см. диаграмму 2). В исследовании Т.Н. Денисовой приводятся данные по отношению ко времени у девиантных подростков: 40% подростков понимают время как точечное, 46% – как циклическое, 14% – как глобальное. 67% девиантных подростков не представляют время как перетекающее из прошлого в настоящее, из настоящего в будущее.

У таких неблагополучных лиц наблюдается укороченность временной перспективы «своеобразное застревание в настоящем». У проблемных школьников психологический возраст ниже календарного [6].

В качестве основных новообразований подросткового возраста Л.С. Выготский отмечал развитие рефлексии и на ее основе – самосознания, способности признавать самого себя как личность [3]. При этом подростки начинают ориентироваться не столько на оценку их окружающими людьми, сколько на самооценку. Подросток эмансипируется от непосредственного влияния взрослых, его поведение начинает определяться собственными ценностями, образцами, самооценкой. Развитие самооценки порождает стремление подростка к самоутверждению и самовыражению.

Анализируя результаты опроса по методике «Незаконченного предложения», мы сопоставили их с ответами подростков по шкале «Отношение к будущему», являющуюся составной частью методики «Оценка акцентуации характера», по Р.С. Немову [12].

Время/ шк	шк. 13	шк 3и29	веч. шк1
Глобальное	40%	30%	20%
Циклическое	34%	47%	80%
Точечное	26%	23%	0%

Диаграмма 2

Ниже приводится список типичных ответов учащихся МОУ «Вечерняя сменная общеобразовательная школа» № 1 г. Вологды.

Когда я закончу школу: пойду учиться дальше (50%), стану родителем (25%); свое будущее я представляю как: успешное (40%), не знаю (30%), женюсь /выйду замуж (30%). Каким буду «Я» через 10 лет: не знаю (30%), умру (30%), заведу семью (40%). Для меня одиночество это: нормально (80%), не знаю (20%). В будущем я стану: **никем (50%)**, родителем (30%), не знаю (20%).

Состояние моего здоровья в будущем: хорошее (50%), плохое (30%), не знаю (20%). Больше всего мне нравится быть: в компании (20%), одному (10%), не знаю (30%), родителем (10%), счастливым (30%). Я буду счастлив, если: сдам экзамены (20%), не знаю (20%), никогда (30%), если будет сын (30%). Я планирую: пойти на тренировку (5%), уехать в другую страну (15%), не знаю (20%), быть счастливым (25%), **ничего не хочу (35%)**.

Я мечтаю: быть счастливым (20%), летать на самолете (10%), быть богатым (40%), не знаю (30%). Я хочу, чтобы близкие и родные: просто были (33%), были счастливы (33%), были рядом (33%). Больше всего я люблю: маму, бабушку (17%), поесть (23%), ничего (25%), алкоголь (15%), гулять с друзьями (20%). Под смыслом жизни я понимаю: беречь семью, быть сильным, добиваться своего (20%), любовь к жизни (10%), **не знаю (70%)**.

Далее приводим список типичных ответов учащихся 8-х классов общеобразовательных школ № 3 и № 29 г. Вологды.

Когда я закончу школу, то: пойду учиться в ВУЗ (60%), стану спортсменом (20%), пойду в армию (20%). Свое будущее я представляю как: рай (40%), буду помогать людям (20%), успешное (30%), чудесное (10%). Мне хочется в будущем: получить хорошую работу (50%), быть успешным (30%), стать квалифицированным специалистом (20%). Через 10 лет я: не изменюсь (20%), поднимусь по карьерной лестнице (30%), вырасту и стану богаче (30%), буду работать (20%). Для меня одиночество это: когда тебя бросили (18%), норма (7%), душевная боль (25%), время обдумывать планы наперед (18%), худшее, что может быть (32%). В моей семье будет: собака (10%), счастье (40%), дети (50%). В будущем я стану: успешным (50%), супер-героем, психологом, писать музыку, спортсменом, хорошим мужем (20%).

В личной жизни у меня в будущем: все хорошо (80%), не знаю (20%).

Состояние моего здоровья в будущем: хорошее (70%), спортивное (20%), не знаю (10%). Больше всего мне нравится быть: счастливым (50%), сытым (10%), свободным (20%), человеком (10%), в коллективе (10%).

Я буду счастлив, если: в мире будет счастье, будет так, как я хочу, если мои близкие будут здоровы (30%), не буду ни в чем нуждаться, мама будет жива (70%). Я планирую: быть счастливым (25%) раскрыть свой потенциал, пойти погулять, завести семью, быть в мировом спорте (75%). Я мечтаю: быть счастливым

(60%), быть спортсменом (10%), путешествовать, стать полицейским (30%). Я хочу, чтобы близкие и родные: были счастливы (30%), рядом (36%), были здоровы, веселы (33%). Больше всего я люблю: вкусно поесть (17%), компьютер (23%), спорт (25%), сочинять стихи, родителей (35%). Под смыслом жизни я понимаю: обеспечить себе хорошее будущее (30%), ценную работу (20%), развиваться (30%) самореализоваться, иметь семью, быть счастливым (20%).

Полученные данные по своему смыслу оказались сопоставимы с результатами предыдущей методики. Ученики МОУ «Вечерняя сменная общеобразовательная школа» № 1 в своем большинстве понимают время как циклическое, присутствует заикленность на настоящем, переживание негативного опыта в прошлом, в отличие от тех, кто учится в обычных общеобразовательных школах. У девиантных подростков, в основном, отсутствует мотивация достижения успеха, ориентация на социально-значимые ценности. В интерпретации Р.С. Немова, подросткам из вечерней школы будущее кажется мрачным и бесперспективным, их беспокоит состояние своего здоровья, они живут своими мыслями, и их мало волнует, каким в действительности окажется их будущее, они не любят много думать о своем будущем, 70% опрошиваемых не сумели положительно ответить на вопрос о смысле жизни.

А подростки из обычных школ в большинстве своем мечтают о светлом будущем, но также боятся неприятностей и неудач, стараются жить так, чтобы их будущее было хорошим, убеждены, что в будущем исполнятся все их желания и планы, но также они любят прорабатывать их в малейших деталях.

Таким образом, сравнивая показатели по тесту временной перспективы подростков из обычной общеобразовательной школы и подростков из вечерней школы, видно, что вторые в большей степени ориентированы на негативное прошлое и гедонистическое настоящее. Это говорит о том, что свое прошлое они воспринимают в негативном свете, в настоящем они ориентированы на удовольствие, и считают, что ничего не могут изменить ни в настоящем, ни в будущем.

При сравнении временной перспективы подростков, учащихся вечерней школы, и их сверстников, учащихся обычной общеобразовательной школы, было обнаружено, что временная перспектива у последних значительно глубже, чем у первых. Если для подростков из обычных школ характерно большое количество мотивов, реализация которых связана с конкретными планами и часто с четкими временными рамками (поступить в институт, раскрыть свой потенциал, реализоваться в спорте, музыке, профессии, сочинять стихи), то обучающиеся вечерней школы ориентированы на удовлетворение актуальных потребностей (сытно поесть, погулять, употреблять алкоголь, быть в компании, а в профессии быть «никем»), что связано с ограниченным содержанием мотивов и узким кругом интересов. Временная перспектива «девиантных» подростков недостаточно простроена, представлена в виде желания счастья, успеха и не отражается в конкретных целях. Ни один из 30 опрошенных не назвал профессиональных интересов.

У подобных подростков отсутствуют мотивы и представления, связанные не только с будущим, но и с прошлым. Прошлое у них представлено негативными переживаниями, негативной оценкой большинства событий. И более всего они живут в настоящем, ориентированы на удовольствие и получение наслаждения.

У подростков вечерней школы слабо выражена осознанность, осмысленность жизни. Они не имеют четких целей и намерений, которые придадут жизни направленность и осмысленность. Кроме этого у них низкий уровень осознания себя как субъекта жизнедеятельности: 70% из числа опрошенных не сумели дать ответ на вопрос: «Что ты понимаешь под смыслом жизни?».

Девиантные подростки воспринимают свою жизнь, свое будущее как неизбежность, на которую у них нет возможности влиять, и перекладывают ответственность на других людей или на судьбу, это уменьшает активность таких детей в протраивании своего будущего, временной перспективы.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что с помощью подобранных нами диагностических методик получено подтверждение основной идеи исследования: отсутствие осознанного, ответственного отношения ко времени своей жизни, деформация временного поля в подростковом возрасте приводит к различным формам дезадаптации. Следовательно, отношение подростка к будущему, действительно, является предпосылкой его социально-личностного развития, направленность которого может иметь либо конструктивный, либо негативный вектор.

Практическая значимость исследования заключается в недостаточной разработанности методики использования полученных данных педагогами и практическими психологами образовательных учреждений как в групповой, так и в индивидуальной работе с подростками. Чтобы помочь легче адаптироваться к быстро меняющемуся предметному и социальному миру, необходима специальная работа с подростками по более эффективному развитию временной перспективы, определяющей положительную направленность конструктивного и грамотную коррекцию негативного векторов их социально-личностного развития.

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. Личностная регуляция времени / К.А. Абульханова-Славская // Теории личности в трудах отечественных психологов. – Санкт-Петербург: Питер, 1999.
2. Амонашвили, Ш.А. Единство цели: пособие для учителя / Ш.А. Амонашвили. – Москва, 1987.
3. Выготский, Л.С. Диагностика развития и педагогическая клиника трудного детства // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. / Л.С. Выготский. – Москва, 1985. – Т. 5.
4. Газман, О.С. Содержание деятельности и опыт работы освобожденного классного руководителя (классного воспитателя): метод. рекомендации / О.С. Газман, А.В. Иванов. – Москва, 1992.
5. Головаха, Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984.
6. Денисова, Т.Н. Психологическое время личности: норма и патология / Т.Н. Денисова. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 162 с.
7. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ: текст с изм. и доп. на 2014 г. – Москва: ЭКСМО, 2014. – 144 с. – (Законы и кодексы).
8. Кевля, Ф.И. Психолого-педагогический консилиум: история, теория, опыт / Ф.И. Кевля. – Москва: Современное образование, 2014. – 78 с.
9. Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / Я.А. Коменский. – Москва: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 656 с; Т. 2. – 576 с.
10. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – Санкт-Петербург, 2000.
11. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко // Макаренко А.С. Соч.: в 7 т. – Москва, 1957. – Т. 1.
12. Немов, Р.С. Психология: в 3 кн. Психология образования / Р.С. Немов. – 3-е изд. – Москва: Владос, 1997. – 608 с. – Кн. 2.
13. Рубинштейн, С.Л. О мышлении и путях его исследования / С.Л. Рубинштейн. – Москва: АН СССР, 1958. – 147 с.
14. Сухомлинский, В.А. Разговор с молодым директором школы // Сухомлинский В.А. Избр. пед. соч.: в 3 т. / В.А. Сухомлинский. – Москва, 1981. – Т. 3. – С. 7–204.
15. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии // Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. / К.Д. Ушинский. – Москва; Ленинград, 1950. – Т. 8. – 776 с.; Т. 9. – 628 с.
16. Щуркова, Н.Е. Педагогическая технология / Н.Е. Щуркова. – Москва: Педагогическое общество России, 2002. – 224 с.

F.I. Kevlya

ATTITUDE TO THE FUTURE OF A HAPPY ADOLESCENT AND AN ADOLESCENT WITH DEVIANT BEHAVIOR

The paper states the fact that time is one of the most important components of our life. The problem of time increasingly attracts the attention of many researchers (philosophers, psychologists, teachers). It has acquired the greatest urgency in recent decades in connection with the acceleration of the tempo of life, and the need to constantly adapt to a rapidly changing material and social world. In sciences, the problem of the inability of the younger generation to value time, to set significant goals is discussed. It is important to study the time perspective in adolescence when a teenager has little life experience and knowledge. Considering time as a psychological concept gives a clearer idea of how the social and personal development takes place and the image of the world is formed. Using diagnostic methods to compare the attitude of a happy teenager and an adolescent with deviant behavior demonstrates that the vectors of their social and personal development are different. In the pedagogical perspective, it is necessary to stimulate the positive direction of the constructive vector of the social and personal development of a happy teenager and to implement an appropriate correction of the negative vector of the social and personal development of a teenager with deviant behavior.

Socio-personal development of a teenager, pedagogical anthropocentrism, humanism, psychological time, type of development of temporal perspective, the image of the world.

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

«...РЕШИЛ БЕСПОВОРОТНО ИДТИ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ» (ДИСКУССИИ И СПОРЫ М.А. ВОЛОШИНА С А.М. ПЕШКОВСКИМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1900-х гг.)

В статье раскрывается биография выдающегося отечественного лингвиста и методиста А.М. Пешковского (1878–1933) в начале его творческого пути (1900-е гг.). Описываются и комментируются малоизвестные факты из жизни будущего ученого за границей и его отношения с близким другом М.А. Волошиным, воссозданные по документальным свидетельствам и переписке. Особое внимание обращается на психологический и социокультурный портрет А.М. Пешковского на фоне бурных исторических событий того времени: его переживания и скитания, поиски собственного «я», попытки нащупать новые идеи в филологии и прежде всего в эстетическом осмыслении текста и т. д. В работе показаны изменения характера и целевых установок формирующейся личности А.М. Пешковского. Они связаны с переходом от увлечения естественными науками к филологии и педагогике. Важное место в публикуемой мемуаристике занимают описания европейских нравов, путешествий М.А. Волошина и А.М. Пешковского, их культурологические и философские споры. Фиксируются также важные исторические события в жизни начинающего лингвиста, повлиявшие на его биографию (волнения в Императорском Московском университете в феврале 1902 г., за участие в которых он был арестован). В статье представлен богатый фактический материал о культурной жизни эпохи, вплетенный в психологию чувств и «сердечного воображения» двух ярких деятелей того времени – М.А. Волошина и А.М. Пешковского.

Социокультурный портрет, биография, филология, эстетика, научное творчество, история.

Жизнь в Европе сблизила М.А. Волошина с А.М. Пешковским, но в то же время обнажила и определенные противоречия между друзьями. Каждый шел к желанной мечте своими дорогами и не искал легких путей. А.М. Пешковский уже испытывал некоторые «борения» в душе: его не удовлетворяла безликая глубина естествознания и тянуло к тем наукам, которые слышат живой дух человека. Его корабль медленно, но верно пристал к филологической гавани (о раннем периоде биографии см. [8]).

Тем временем старые знакомые вновь встретились в Европе: А.М. Пешковский еще учился в Берлинском университете, а М.А. Волошин посещал лекции по искусству в Париже. К этому периоду их дружбы относится совместное путешествие по Бретани и окончательный отъезд А.М. Пешковского в Москву. М.А. Волошин сообщал об этом в письме матери из Парижа 29 апреля/9 мая 1901 г.: «Я Вам, кажется, писал о Пешковском, что он, заканчивая этим летом свои естественно-научные занятия, поступает на филологический факультет и едет для этого обратно в Россию. В будущем он, кажется, хочет избрать себе педагогическую карьеру» [2, с. 520].

В 1901 г. М.А. Волошин и А.М. Пешковский путешествовали вместе по Бретани [2, с. 518].

Друзья часто спорили, обсуждали общественную жизнь в России («ведь он теперь убежденный социал-

демократ» [2, с. 606]), что значит *учиться*, делились сокровенными мыслями и порой не находили взаимопонимания. Эти противоречия понемногу отдаляли одноклассников-гимназистов, и со временем их отношения охладели, но воспоминания о былой юности согревали каждый раз их сердца при встрече. Пока же в эти последние месяцы пребывания А.М. Пешковского в Европе перед отъездом в Россию они много говорили о смысле образования, о традициях просвещения. «И Вы спрашиваете, начал ли я учиться! – восклицал в письме А.М. Петровой М.А. Волошин из Парижа 14/27 августа 1901 г. – И когда же люди поймут, что учиться можно только на свободе, а не в тюрьме. Всякое учебное заведение, которое нужно *проходить*, – тюрьма. У меня в Национальной библиотеке под руками все, что когда бы то ни было было написано на земле. Это Вы не называете учением? У меня пред глазами все то высокое и низкое, прекрасное и отвратительное, к чему привели три тысячи лет европейской истории. И это Вы не называете учением? Да знаете ли Вы, что я только в первый раз во всей своей жизни понял теперь, что значит учиться!» [2, с. 606–607]

Произошел перелом и в сознании А.М. Пешковского, и этот его очередной поворот вызывал недопонимание знакомых, привыкших к поступательному движению по одной линии. Приведем цитату из того

же письма М.А. Волошина А.М. Петровой: «Вы возмущаетесь, что Пешковский идет на филологический факультет? Почему? Мы весной много говорили об этом. Я его убеждал всеми силами сделать это. Он колебался, но наконец тут же в Париже решил бесспорно перейти на филологический. Разве вы не видите, что без широкого гуманитарного образования он не будет полон, он не будет Пешковским. Одно, с чем я не согласен, это то, что он едет в Россию для этого. Он много потеряет в широте. А ее-то ему теперь больше всего надо. Он слишком глубок и осторожен».

Если б он с самого начала попал не в поганый Берлин, а в Париж, то он бы другим стал. Ему бы Париж размах дал. Не выдержит он в России. Измучает его университетская жизнь. Ведь теперь вернуться в русский университет – то же самое, что из университета вернуться в гимназию. Он и сам это предчувствовал.

“Трудно будет к форме привыкнуть опять”, – говорил он в Париже. “Я форму буду только в университет надевать, а всегда буду носить штатский костюм”.

Это очень многозначительно. Пока он идеализирует Россию. Но, приехавши, увидит через несколько месяцев, что штатского платья (в отвлеченном смысле) в России никак не наденешь» [2, с. 607].

Через несколько дней М.А. Волошин уже пишет самому А.М. Пешковскому, где предостерегает его о трудностях: «Неужели все-таки в Москву? Помни мое предсказание: не выдержишь. Попробовав заграничной жизни, вернуться в рус<ский> университет так же трудно, как вернуться из университета в гимназию» [2, с. 618]. А завершается это послание такими пронзительными словами друга: «Мне главное досадно, что, вернувшись теперь в Россию, и через 3 месяца совершенно разочаровавшись в русских университетах, ты надрывом заставишь себя остаться, а уж не уедешь за границу. И теперь у тебя уже ведь никого знакомых в Москве не будет: совсем чужой, совсем новый город. И какой скучный, какой пакостный. Подумай еще об этом раньше. Но не оставайся и в Германии» [3, с. 619].

Скорее всего противоречия М.А. Волошина с А.М. Пешковским носили не сугубо идеологический характер, а психологический, связанный с отношением к окружающей жизни и профессиональным талантам каждого, возможности реализации задуманного и той «методе», которая двигала их стремления к постижению истины. Словом, во многом они оказались разными. Самокопание, самоистязание как бы усугубляло внутренние противоречия когда-то близких друзей. В письме А.М. Петровой из Парижа 1/14 сентября 1901 г. М.А. Волошин откровенно говорил об этом: «Теперь я чувствую и вижу, что иду снова к Вам громадными шагами, удаляясь с каждым шагом от Пешковского, который неуклонно и прямо идет все в ту же сторону, в какую пошел он еще в VI кл<ассе> гимназии. Он идет медленно и твердо, ощупывая каждый шаг и прорубая просеку, строго придерживаясь намеченного румба. Я же бегу извилистыми тропинками, может быть, теперь я очень далеко впереди него, но я легко теряю дорогу и направление, и после он наверно меня перегонит. Он не умеет скакать через

логические преграды, как скаковая лошадь через барьер, он их должен разрушить, чтобы пройти. Зато назад он никогда не вернется. А мне это всегда приходится делать» [4, с. 631].

Итак, с осени 1901 г. А.М. Пешковский учился уже на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета. Но сбылась ли его мечта? Какие чувства он испытывал от такого поворота? Что ожидало его в этой новой жизни? Обо всем он по-прежнему делился с М.А. Володиным:

«Некоторые лекторы увлекают меня, раскрывают совершенно новые горизонты, дают понять, что напрасно я поставил (для себя) крест над историей на основании отношения своего к истории гимназической. Словом, я увидел совершенно новые научные области. Я говорю о лекциях Виноградова, Веселовского, Трубецкого (ист<ория> древней философии), больше же всего о первом. Правда, из 20 обязательных часов нашлось лишь 6, которые я нахожу нужным слушать, но эти 6 дают мне очень много, а главное [–] возбуждают во мне интерес к делу, что и должно составлять главную цель всякой лекции <...> Одно, что неприятно действует – форменная одежда. К этому я и до сих пор не могу привыкнуть <...> С каким чувством я входил в университет? Смешанное чувство приятного воспоминания далекого прошлого <...>, любопытства (я успел уже позабыть все внешнее), неловкости за свою форменную одежду, изумления перед общей беспорядочностью, хаотичностью, теснотой помещений, грязью, вонью, стремление отделить созерцаемые внешние черты <...> от внутренних и постоянное сравнение с заграницей. Студенты произвели на меня сначала не очень выгодное впечатление, что я объясняю во-первых тем, что из прекрасного далека все кажется прекраснее, чем есть, а во-вторых, что я попал на 1-й курс и, следовательно, нахожусь собственно среди детей. Впрочем, теперь я в конце концов все-таки вижу в них ту самую молодежь, которую вспоминал в Берлине, столь отличную от немецких буршей, вижу духовность, интерес к предмету. В одном только отношении самый талантливый из наших студентов уступит самому нелепому, самому идиотскому буршу – в способности коллегиального обсуждения какого-либо вопроса. <...> У нас на филологическом было факультетское совещание под предс<едательством> проф. Виноградова, и вот на этом-то совещании я и был поражен косноязычием ораторов и неумением держать себя всей публики, включая и председателя» [2, с. 682].

Но невзирая на всю внешнюю неприглядность университетского быта, А.М. Пешковский очень хочет учиться словесному ремеслу, к которому шел сквозь долгие годы переживаний и поисков собственного его. У него даже возникла новая идея, о которой он обмолвился с М.А. Володиным, – «открыть свою гимназию» [2, с. 695]. Но этому не суждено было случиться. Он попал в очередную историю, которая чуть было не стоила ему жизни и профессиональной карьеры.

В феврале 1902 г. в Московском университете опять начались волнения. Поводом для выступлений стало утверждение «Временных правил» о студенческих организациях министра народного просвещения

генерала П.С. Ванновского. 9 февраля в актовом зале Московского университета состоялось собрание, на котором большинство студентов поддержало политическую резолюцию, в которой говорилось: «[...] считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего беспорядка, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований» [6, с. 395].

А.М. Пешковского арестовали 9 числа. «У него нашли револьвер», – сообщал М.А. Волошин А.М. Петровой из Парижа 23 февраля/8 марта 1902 г. И продолжал: «Понимаете, что это значит? Если это ссылка – то это благодеяние для него: он отдохнет. Но пред этим ведь месяцы тюрьмы – с его нервами, с его бессонницами, с его желудком, при той тюремной пище, которую даже я не выдерживал. А потом – взят с оружием в руках – за это ведь ссылали в Якутскую область, за это бывало и хуже. Верно ли то, что он был с револьвером? Я думаю: да» [2, с. 713]. Это письмо М.А. Волошина преисполнено сочувствием происходившим событиям и опасением за судьбу друга. Он восклицал: «Нелепая страна! Нелепые порядки! [...] Какое позорное время! [...] Стыдно оставаться на свободе, когда другие сидят в тюрьме [...] У нас есть и генералы от революции, которые так же почетно декорируют стены заграничных митингов, как благонамеренные генералы на свадьбах.

Бедный Саша... Мне страшно себе представить его в одиночке. А ведь я это ему предсказывал, я ему писал об этом осенью» [2, с. 714–715].

Из Парижа своей знакомой Л.О. Вяземской он сообщил 5/18 марта 1902 г.: «Пешковский арестован 9 февраля. Говорят, что он долго не решался идти, но потом пошел с сознанием бессмысленности этого. Вероятно, его сошлют в Сибирь, т^{ак} к^{ак} мне писали, что при нем был револьвер. Если тюрьма не убьет его физически, то ссылка может быть для него спасением от умственного переутомления. Стыдно быть здесь, когда там начинается. Но я все-таки не поеду до тех пор, пока не совершу свою программу осмотра земного шара. Я многое готов простить правительству, но только не Пешковского» [2, с. 730].

В другом письме из Парижа 5/18 марта своему родственнику Я.А. Гловову он так характеризовал обстановку: «В России между отдельными классами лежит расстояние в несколько столетий. Поэтому, когда сделаешь прыжок через одно или два столетия и попадешь в Париж, то поневоле то, что делается ныне в России, в глубине столетия кажется абстракцией. Реально мне близки только несколько лиц: Пешковский был одним из самых близких, поэтому его арест для меня гораздо реальнее, чем все русские побоища...» [6, с. 394].

Можно только предполагать, каких усилий стоило А.М. Пешковскому выжить в таких тяжелых условиях, ведь содержался он в Бутырской тюрьме 5 месяцев и освобожден 22 июля 1902 г. «по Высочайшему повелению на месяц раньше срока» [2, с. 756]. В том же письме М.А. Волошину 12 августа 1902 г. из Томска он сообщал: «В Москве пробыл лишь один день [...] Напиши, что это за faculté des lettres в Сорбонне, что там проходят и какой минимальный срок обучения,

если же выпускной экзамен можно держать когда угодно, то каков обычный срок. Я подумываю теперь, если обнаружится [...], что по окончании его можно держать в России государственный экзамен на филологическом факультете, махнуть туда» [2, с. 756]. И хотя М.А. Волошин очень ждал своего друга, А.М. Пешковский так и не приехал в Париж.

Переписка М.А. Волошина с А.М. Пешковским раскрывает ту часть их духовного общения, волновавшую обоих с ранних лет: они жили творчеством, которое бессознательным образом двигало их мыслями и поступками, заставляло переписывать историю жизни, меняло и создавало новые культурные символы, рождало свежие идеи. Так, в письме М.А. Волошину 7 января 1904 г. А.М. Пешковский говорил о своем художественном перевороте после знакомства с московской коллекцией С.И. Щукина: «Я должен быть очень благодарен тебе за протекцию. Коллекция эта произвела полный переворот в моем отношении к живописи. Могу сказать, что я до осмотра этой коллекции страдал в этом отношении “цветной слепотой”, теперь же прозрел [...] переворот произошел громадный. Случился он собственно благодаря Уистлеру. На его картинках я впервые почувствовал краски, впервые отвлекся от сюжета и увидел на мгновение только краски. А затем я уже стал видеть их везде, и в тех картинах, в которых раньше не видел» [3, с. 105].

25 февраля 1904 г. А.М. Пешковский признавался Волошину: «...я взял под свою защиту в кружках курсисток и студентов, где бываю, Брюсова, которого теперь очень высоко ставлю, а некоторые вещи даже очень люблю. И Бальмонта теперь ругать не позволяю, а больше всего злуюсь, когда слышу слово “декадентство”. Произнесший его обыкновенно получает от меня внушение» (см. подробнее: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. № 964. Цит. по изд.: [3, с. 105]).

Их дискуссии и споры часто превращались в философские письма и признания, в желание вывернуть наружу свою обнаженную душу и всегда быть искренним друг перед другом. Приведем письмо М.А. Волошина А.М. Пешковскому из Парижа 2/15 марта 1904 г.:

Дорогой Саша!

Я перед тобой очень виноват столь продолжительным молчанием. После наших бесплодных попыток понять друг друга в Москве у меня все не хватало духа или, скорее, желания взяться за перо. Теперь я вижу из твоих писем только подтверждение моей старой теории о том, что люди никогда не могут согласиться ни с какой чужой мыслью, если разговор носит характер спора. Но спустя несколько времени брошенные мысли всходят как семена.

Спор – и неизбежный протест противоречий, связанный с ним, только затрудняют эти всходы. Согласно этой теории написана и моя статья о живописи (имеется в виду статья М.А. Волошина «Скелет живописи», опубликованная в журнале «Вѣсь» (№ 1, 1904). В отклике на нее у А.М. Пешковского было много критики: «чуждоизложность изложения», «окрошковидность» и т. д. См. подробнее: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. № 964; также [3, с. 105]. – О. Н.). Я хотел только бросить несколько новых мыслей как семена. В этом есть известное самоотречение. Я не хотел класть клейма своих доказательств на высказанные мною мысли. Так их примет большее число людей и, подыскав к ним свои доказательства, будут считать их своими. Клеймо автора только

задерживает распространение мысли. А мне важны всходы. Надо писать так, чтобы читатель, прочтя статью, вполне искренно стал считать ее мысли своими собственными. Это одно из следствий моей теории анонимного искусства, о котором я теперь пишу целую статью.

Напрасно ты думаешь только, что я целиком выловил все, что у меня было. У меня еще много и очень много мыслей об искусстве и не менее новых и не менее необычных.

Тут я изложил большой отдел – основы, но это только первая часть.

Меня только удивляет то, что ты называешь статью «окрошкой». В ней есть большая внутренняя связь и последовательность. Она вся представляет развитие одной мысли, об относительности нашего зрения и о гипнозе «видения». Я только отбросил все ненужные внешние связи и слова. Но этим я достиг высшего достоинства – краткости.

Я рад, что ты начал понимать Брюсова, Бальмонта и французских художников. Это все-таки ломает многие наросшие между нами преграды и дает по крайней мере возможность говорить. А то ведь мы в сущности были совершенно лишены этого.

Я чувствую необходимость все-таки дать тебе некоторое разъяснение относительно многих моих странностей во время пребывания в Москве. Мне тогда до такой степени было не до эстетических и теоретических разговоров.

Дело в том, что я как раз в то время был в первый раз в своей жизни влюблен со всеми особенностями этого состояния. (Пожалуйста – это строго между нами. Об этом решительно никто не знает и это решительно никому знать не нужно[.] и я не хочу, чтобы кто-нибудь знал. Тебе я пишу, потому [что] чувствую себя обязанным тебе некоторым объяснением своего поведения). Состояние это в день моего отъезда было до такой степени остро (помнишь наши нелепые разговоры у тебя в комнате и в ресторане?), что я, сев в вагон, *ревел* всю ночь в буквальном смысле слова, что со мной с шестилетнего возраста не бывало. Понимаешь, в каком состоянии я был. Мне теперь дико об этом вспоминать: как будто не о себе. И мне тогда ужасно было важно с тобой поделиться, но ты так был невыносим со своими логическими требованиями и теоретическими разговорами, что тебя проклинал в душе ежеминутно. Меня только удивляет, как ты, будучи настолько сам на опыте знаком с подобными состояниями и с твоими наблюдениями за моим характером, ничего не заметил и не почувствовал. А это было так явно моментами и в стихах, которые я писал тогда.

Твои моральные принципы не изменились от признания поэзии Брюс<ова> и Бальм<онта>? Волю свою ты воспитываешь успешно?

У меня то же самое. Я по-прежнему в спокойном состоянии ума признаю полную моральную свободу, и как только охватывает половой кошмар, из глубины тотчас же поднимаются старые пружины нравственности и не пускают. Вечная и нелепая история. Результаты такие нравственные и похвальные, как у тебя [...] [3, с. 102–104].

Еще одна черта, сближавшая М.А. Волошина с А.М. Пешковским, какими бы противоречиями они ни страдали, – это страсть к путешествиям, которая в их понимании была нечто большим, чем простое созерцание. Это – испытание своей воли, чувств, самоучительство и самопознание. Это – своеобразная философия жизни.

Летом 1904 г. М.А. Волошин был в Швейцарии, где встретился с А.М. Пешковским. В письме М.В. Сабашниковой 10/23 июля 1904 г. из Макона (Франция) он обмолвился о том, что с А.М. Пешковским «теперь все расходимся дальше и дальше. Мы встречаемся раз в год и говорим по несколько дней

напролет. Он все старается меня понять. Я стараюсь ему объяснить все с наивозможной для меня последовательностью и ясностью, но, очевидно, понимание совсем не в этом, и мы чувствуем, что после каждого разговора остается все меньше и меньше прошлого» [5, с. 100–101].

В письме своей давней знакомой А.М. Петровой 29 июля/11 августа из Женевы он признавался: «Свидание мое с Пешковским было очень тяжело. Мы с ним расходимся. Уже разошлись. А когда встретимся – Бог весть. Это полное непонимание. Непонимание с его стороны. Его я понимаю и ценю, потому что и я этим раньше жил. Но он меня не понимает. А, не понимая, принять не хочет. Он не хочет допустить, чтобы я что-нибудь писал или говорил из того, что я теперь пишу и говорю, говорил бы искренно. В конце концов, он мне прямо не позволяет быть самим собой. Есть грани, которые он не хочет и не может переступить. Он чего-то во мне окончательно не может мне простить. Я рад, что при наших разговорах все время присутствовал Яша, и благодаря этому атмосфера логики была все-таки легче, чем осенью в Москве. Я для него даже делал уступки: говорил последовательно и доказывал. Но именно эта атмосфера логики и убивает все, она переводит из пределов жизни разговор в мертвые области убеждений. Он живет только в этих областях и меня же упрекает в полном незнакомстве и равнодушии к жизни. Это очень печально, но я чувствую, что Пешковский меня окончательно отверг. Внешние отношения остались те же. Но связывает нас только прошлое. В настоящем между нами нет ни одной точки соприкосновения. Встретись мы с ним теперь впервые, мы бы не сказали друг с другом двух слов. Так мы далеки» [3, с. 140–141].

Летом 1905 г. А.М. Пешковский планировал со своей будущей женой приехать во Францию. Там же находился и М.А. Волошин, которого он усиленно просил «во имя когда-то пылавших и еще не совсем загложивших чувств» помочь ему с организацией поездки по Бретани. А.М. Пешковский буквально забросал своего друга «зоологическими» вопросами: «[...] 5) Есть ли смысл в июле и августе ехать в Бретань? 6) В какое время дня бывает там в это время отлив? 7) В какой пункт Бретани нужно поехать, чтобы найти богатейшую фауну на дне морском во время отлива? 8) Что ты думаешь относительно Киберона на полуострове того же имени в Бретани? 9) Есть ли что-нибудь подобное тем сокровищам, которые мы видели в Лок-Мариак, на побережье Немецкого моря в Бельгии и Голландии или Ламанша и Па де Кале со стороны Англии (где мы будем до Бретани и до Парижа), другими словами, есть ли необходимость, чтобы увидеть рака-отшельника, ехать непременно в Бретань, или его можно найти и у других берегов? [...]» [3, с. 177–178].

М.А. Волошин незамедлительно откликнулся: «Я буду счастлив тебя видеть в Париже (особенно еще женатым) [...]».

Времени я тебе уделю во всяком случае достаточно, чтобы ты попросил пощады. Только по музеям ходить не буду – надоели (это и лучше), а буду показывать “жизнь”» [3, с. 176–177] (фрагмент письма, март 1905 г.).

Долгожданная встреча когда-то близких друзей состоялась. М.А. Волошин писал об этом матери из Парижа в конце августа 1905 г.: «Пешковский с женой поселился у меня в мастерской. Жена его очень мила и симпатичная. Но он производит очень удручающее впечатление. Он как-то в браке совсем распустился и опустился. Может быть, это производит такое впечатление по сравнению с ее молодостью и свежестью. На самом видном месте в мастерской он повесил на стене ничем не задрапированные клистирные приспособления, одет ужасно, все время при ней считает деньги и боится перерасходовать, как будто он путешествует на последние средства, потом с ним совершенно не о чем говорить – он отказывается воспринимать самые простые мысли и слова. Словом, его вид меня ужасно удручает и мне жалко его жены, а не его.

Он очень торжественно называет ее «моя жена». Но в общем, кажется, наша совместная гимназическая жизнь оставила в нем такое впечатление, что супружеская ему кажется только ее продолжением. Жена его мне жаловалась, что он ее называет часто «Максом», меня же он уже несколько раз называл Милочкой» [3, с. 217–218].

Профессор Роман Федорович Брандт

На одном из учебников А.М. Пешковского «Наш язык» начертано: «Моему первому и незабвенному учителю Роману Федоровичу Брандту посвящаю я эту книгу». Мы не знаем пока еще многих обстоятельств жизни А.М. Пешковского в студенческие годы, но можем предположить, что именно Р.Ф. Брандт, знаменитый славист, профессор Московского университета, сыграл определенную роль в становлении А.М. Пешковского как личности в годы его революционных увлечений и скитаний. Известно, что Р.Ф. Брандт с 1889 по 1902 гг. «состоял секретарем историко-филологического факультета, неоднократно исполнял обязанности декана...» [7, с. 7] и, быть может, способствовал благополучному завершению А.М. Пешковским университетского курса. Он окончил *alma mater* только в 1906 г. Кроме того, Р.Ф. Брандт был широко известен как поэт-баснописец, переводчик произведений славянских и западноевропейских художников слова, он откликался и на современные его времени явления (например написал работу о языке футуристов). Нравнодушен к новым веяниям в литературе был и А.М. Пешковский, создавший оригинальные работы по лингвистическому

стиховедению и поэтике. Так соприкасались, явно или же косвенно, судьбы двух самобытных филологов – учителя и ученика.

Общение с М.А. Волошиным, хоть и с перерывами, продолжалось. Так, А.М. Пешковский попытался сделать стихотворные переводы из Горация, ознакомил своего друга с ними в Москве 29 января 1910 г. и спрашивал совета: «...принялся за обработку переводов по твоему рецепту, т. е. посвящая каждой оде чуть не день. В результате переработал 2 оды и заново переревел одну, что и предлагаю твоему благосклонному вниманию. [...] мне очень хочется знать твое мнение и во всяком случае о красоте или некрасоте стиха, т. е. звуков, размера, выражений и т. п., ты мне скажешь, а я уж разберусь, в чем виноват я, а в чем Гораций. Дело в том, что я не считаю возможным *исправлять* или *комментировать* в переводе (таков вообще мой взгляд на перевод) и поэтому стараюсь неясное или двусмысленное у Горация передать столь же неясно и двусмысленно, вычурное – вычурно, необычное для латинского языка – необычным для русского, наоборот, простое, иной раз слишком прозаическое – простым и прозаическим и т. п.» (см. подробнее: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. № 964. Цит. по изд.: [3, с. 534]; из письма, датированного около 18 апреля 1910 г.).

М.А. Волошин тянул с ответом, но в конце концов решился высказаться (ответное послание датировано 4 мая 1910 г., Коктебель):

Мой милый Саша, я действительно должен тебе признаться, что твои переводы не только мне не понравились, но даже *очень* не понравились, и отчасти поэтому я заставил тебя так долго ждать моего ответа. Но ты моему мнению не придаешь слишком большого значения, и потому я не побоюсь высказать его целиком. Когда ты читал мне их в Москве, то я был так заинтересован опытами твоими над размерами, что совершенно не обращал внимания на слова. Теперь, когда я прочел их сам, то увидел, как это тяжело-весно и не похоже на подлинник. (У меня есть Гораций в прозаическом переводе Леконта де Лиля, считающемся совершенным, и вместе с латинским текстом, так что я имел возможность дешифровать подлинник). У тебя совершенно и безнадежно не схвачен ни дух, ни стиль Горация. Я думаю, ты не будешь оспаривать, что перевод должен давать эквивалент подлинника. Гораций – поэт светский, легкий, с улыбкой сообщающий свою легкую житейскую мудрость. Его обаяние – это ясность стиха и простота слов. А что ты сделал из него. (Почему «злато», а не «деньги»? Почему «слава», а не «молва»? и т. д.) В смысле передачи горацианского духа мне кажется идеальным вольный пушкинский перевод «Кто из богов мне возвратил...». Стиль Пушкина – вот русский эквивалент стилю Горация. А ты почему-то счел нужным писать слогами моновосковым. Твои переводы трудно понять – в них торжественный штиль, лжеклассицизм дурного тона. Я понял смысл некоторых строф, только прочтя их по-французски. Разве это игривые, любезные, латински-ясные стихи светского *bon vivant*, каким он был? Это подстрочник, переложенный в стихи, – не больше. В них нет ни малейшего творчества... Ну, вот, а теперь, хотя я тебя окончательно разобидел и оскорбил, то хочу прибавить, что как ритмические опыты это мне все же кажется очень интересно и нужно и полезно для русского стиха. И Саф<ическая> и Алкеева – мне нравятся, но Архилохова III – я ее не смог почувствовать. Спондеи по-русски – нелепость и возможны только в правильных гекзаметрах и то с крайнею осторожностью и для каждого должны быть свои логические и звуковые оправ-

дания. А здесь это просто отсутствие одного слога, которое режет ухо. Ты только по одному дню на оду употреблял? Это при новых и непривычных языку размерах просто пресститаторство (устар. перен. *фокусничество*. – О. Н.). Чтобы передать такую строфу, как Архил<охова> III, надо по крайней мере месяца два непрестанно жить в ее ритме, твердя его про себя за каждым делом и отбирая к ней группы возможных слов и сочетаний. Разве можно иначе?

Я, когда уехал из Москвы после нашего разговора, целый месяц выстукивал в уме Алкееву строфу и сделал потом несколько опытов. [...]

Я пишу тебе мое мнение голосовно, потому что оно настолько отрицательно. Я пробовал твои переводы исправлять, но это, по-моему, безрезультатно. Но если хочешь – напиши, и я тогда напишу тебе детальный разбор каждого слова и оттенка 2–3-х строф, чтобы убедить тебя в серьезности (так в тексте. – О. Н.) моего мнения.

А теперь – пожалуйста, не сердись на меня: если очень станет обидно, то махни рукой и скажи «декадент» – от это<го> обида пройдет [...] [3, с. 532–533].

Ответное письмо А.М. Пешковского было отправлено лишь спустя некоторое время (не датировано). Профессиональный удар он выдержал достойно и с признательностью говорил об этом М.А. Волошину: «...досадно стало, что я тебе в свое время не ответил и что наша переписка не продолжилась... Ты наверно подумал, что я обиделся, а я, напротив, очень и искренно был тебе благодарен за откровенность и эту горячую благодарность вот уже несколько месяцев как собираюсь тебе высказать [...] спасибо тебе, что **ты не оскорбил меня ложью** (выделено нами. – О. Н.). Если бы для меня твое слово бесповоротно решало дело, то твое благодеяние было бы еще большим, так как я бросил бы переводы, которые как-никак отвлекают меня от языковедения, и сосредоточился бы на своей главной задаче; разбрасывание мне порядочно вредит [...]» [3, с. 536].

Летом 1914 г. А.М. Пешковский был в Швейцарии, в районе живописного Гисбахского водопада, но возвращался в Россию из Германии как раз накануне войны. «После 2-месячного берлинского плена прибыл в Москву [...] В Берлин мы попали потому, что бросились сдуру в Россию через Германию перед войной. Было много мытарств» [4, с. 248], – писал он М.А. Волошину уже из Москвы 15/28 октября 1914 г.

Вся последующая деятельность А.М. Пешковского связана с работой в средней школе и вузах: вначале он преподавал русский и латинский языки в частных гимназиях Москвы, «где условия для работы были несколько менее стеснительными, чем в казенных учебных заведениях» [1, с. 5], а с 1914 г. читал различные дисциплины на Высших педагогических курсах Д.И. Тихомирова. Он работал и в знаменитой Поливановской гимназии. Один из ее выпускников,

В.Г. Шершеневич, впоследствии известный поэт и переводчик, теоретик имажинизма, посвятил учителю раздел «Ломать грамматику» в своей программной книге «2 × 2 = 5» [9, с. 36–48].

Итак, биография А.М. Пешковского 1900-х гг. показывает, насколько сложными и противоречивыми были его отношения с давним гимназическим другом М.А. Володиным. Но все же центральное место в них занимали по-настоящему дружеские профессиональные споры о философии и эстетике слова, о чувстве ритма и слога. Эти пока еще не совсем уверенные шаги А.М. Пешковский делает под наблюдением М.А. Волошина, но уже знает, чему посвятит свою жизнь. Пройдет немного лет, и он станет одним из самых ярких и оригинальных лингвистов, тонко чувствующих стилистику обыденной и художественной речи и претворивших свои юношеские мечты в подлинно научные образцы эвфонических исследований текста. А.М. Пешковский обозначит и охарактеризует, наверное, самые сложные детали художественных произведений, введет свой метод в систему стилистического анализа и оценки прозы, где главными объектами его внимания станут *благоприносимость* и *звуковой символизм*, *благоритмика* и *мелодия*, *морфология* и *синтаксис*.

Источники

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Литература

1. Василенко, И.А. А.М. Пешковский – выдающийся советский лингвист и методист / И.А. Василенко, И.Р. Палей // Пешковский А.М. Избранные труды. – Москва, 1959. С. 5–18.
2. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2009. – Т. 8. Письма 1893–1902.
3. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2010. – Т. 9. Письма 1903–1912.
4. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2011. – Т. 10. Письма 1913–1917.
5. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2013. – Т. 11, кн. 1. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга первая. 1903–1905.
6. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2015. – Т. 14. Письма 1929–1932.
7. Кондрашов, Н.А. Роман Федорович Брандт / Н.А. Кондрашов. – Москва, 1963.
8. Никитин, О.В. «Жизнеописание Пешковского в юности. Тема очень благодарная...» (Опыт воссоздания портрета известного ученого) / О.В. Никитин // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2017. – № 1. – С. 89–96.
9. Шершеневич, В.Г. [Ломать грамматику] / В.Г. Шершеневич // Шершеневич В.Г. 2 × 2 = 5. Листы имажиниста. – Москва, 1920. С. 36–48.

O.V. Nikitin

‘...DECIDED DEFINITELY TO GO TO PHILOLOGY’ (DISCUSSIONS AND DISPUTES BY M.A. VOLOSHIN AND A.M. PESHKOVSKY IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL EVENTS OF THE 1900s.)

The article presents a biography of the outstanding Russian linguist and methodologist A.M. Peshkovsky (1878–1933) in the beginning of his career (1900s). It describes and comments on little known facts from the life of the future

scientist abroad and his relationship with his close friend M.A. Voloshin – according to documentary evidence and correspondence. Particular attention is given to the psychological and socio-cultural portrait of A.M. Peshkovsky on the backdrop of the turbulent historical events of the time: his experiences and wanderings, searching for his own ego, trying to find new ideas in philology and first of all in the aesthetic understanding of the text. The changes in the character and targets of the emerging personality of A.M. Peshkovsky are presented in the study. They are associated with the transition from an interest in the natural sciences to philology and pedagogy. The published memoirs contain the description of European morals, travels of M.A. Voloshin and A.M. Peshkovsky, and their cultural and philosophical debates. The article also presents the important historical events which influenced the young linguist's life (unrests in the Imperial Moscow University in February of 1902, and his arrest for the participation in them). The article presents a rich factual material about the cultural life of the era, woven into the psychology of feelings of two prominent figures – M.A. Voloshin and A.M. Peshkovsky.

Socio-cultural portrait, biography, philology, aesthetics, scientific creativity, history.

УДК 378(470.12)

О.Б. Голубев, Е.М. Ганичева
Вологодский государственный университет

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА В.А. ТЕСТОВА

Данная статья дает возможность ознакомиться с научной и педагогической деятельностью доктора педагогических наук, профессора кафедры математики и методики преподавания математики Вологодского государственного университета Владимира Афанасьевича Тестова.

Вологодский педагогический институт, физико-математический факультет, математическое и педагогическое образование, стратегия обучения математике.

Владимир Афанасьевич Тестов родился 9 февраля 1947 г. в г. Великий Устюг Вологодской области. Отец, Афанасий Георгиевич, после окончания Ленинградского политехнического института работал инженером на танковом заводе, а после переезда в Великий Устюг преподавал электротехнику и черчение в местном автодорожном техникуме. Мать, Анна Валентиновна, работала врачом-рентгенологом в городской поликлинике.

Начальная школа, в которой учился Володя, располагалась на 3 этаже здания педагогического училища. Учеба в школе давалась сравнительно легко, и он всегда был одним из лучших учеников.

В это же время у Володи началось другое увлечение. С родителями он часто выходил за город на природу. Особенно запомнились прогулки вдоль реки Сухоны на речку Воздвиженку. С этого времени у него началась любовь к походам и путешествиям, особенно манили горы. Еще школьником, без родителей, в составе туристической группы Володя совершил пеший переход с рюкзаком через Кавказский хребет. Такие походы продолжались и в студенческие годы.

В школе Володя увлекался многими предметами: вначале больше историей и географией, мечтая о путешествиях; позднее – естественными науками, математикой. В меньшей степени его интересовали

техника, языки и литература, хотя художественных произведений он читал много и с увлечением. В старших классах в его интересах стала преобладать физико-математическая направленность. Володя посещал математический кружок, стал призером областной физической олимпиады.

Среднюю школу № 10 г. Великий Устюг Владимир закончил с серебряной медалью. После некоторого периода колебаний между физикой и математикой он выбрал последнюю и в 1966 г. поступил на отделе-

ние математики физико-математического факультета Вологодского пединститута. Курс, на котором он учился, был сильным: 9 человек из этого выпуска защитили диссертации. На старших курсах Володя начал заниматься научной работой под руководством Т.Э. Каминского, квалифицированного математика, выпускника Московского областного педагогического института. Тематика исследований – «упорядоченные алгебраические системы» – стала определяющей на протяжении примерно 30 лет.

В.А. Тестов

После окончания института в 1970 г. он один год прослужил в армии в Алтайском крае. За добросовестную службу в военно-воздушных силах награжден почетной грамотой.

С ноября 1971 года стал стажером, а затем аспирантом кафедры алгебры в Московском государственном педагогическом институте. Научным руководителем у В.А. Тестова был проф. В.Г. Лемлейн, а после его безвременной кончины – проф. В.В. Рыжков, работавший в Российском университете дружбы народов. Аспирантские годы были наиболее запоминающимися в жизни. Помимо работы в библиотеке им. Ленина, посещения спецкурсов и спецсеминаров в МПГУ и на мехмате МГУ ему удавалось участвовать в культурной жизни столицы (посещать театральные спектакли, концерты, выставки, совершать экскурсии по историческим местам Москвы и Подмоскovie). В эти же годы началась дружба Владимира Афанасьевича со многими аспирантами, будущими учеными А.А. Фоминым, Е.М. Вечтомовым, В.А. Смирновым и И.М. Смирновой, П.В. Семеновым и др. [1].

21 февраля 1983 г. в совете при Московском государственном педагогическом институте Владимир Афанасьевич защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Математическая логика, алгебра и теория чисел» на тему «Вопросы теории расширений и специальные классы упорядоченных квазигрупп». В диссертации были впервые изучены вопросы теории расширений упорядоченных квазигрупп и описаны ранее не изучавшиеся классы решеточно упорядоченных квазигрупп с дополнительными условиями.

По окончании аспирантуры В.А. Тестов вернулся в Вологду и начал работать на физико-математическом факультете ВГПУ сначала ассистентом, затем старшим

преподавателем, доцентом и заведующим кафедрой алгебры и геометрии. Коллектив преподавателей на факультете в те годы был очень дружным, тон в нем задавали преподаватели, прошедшие через трудные военные годы: В.В. Гладковский, А.П. Полетаев, Н.А. Бурков, Б.В. Соколов, А.С. Гусева и др.

По мере накопления педагогического опыта, работая не только в вузе, но и в средней школе № 8 г. Вологды и в областном естественно-математическом лицее, В.А. Тестов все больше стал заниматься проблемами преподавания математики и более широкими проблемами математического образования. На выбор тематики исследований большое влияние оказало знакомство в середине 90-х годов с двумя выдающимися педагогами-математиками – проф. В.А. Гусевым и проф. А.Г. Мордковичем.

В.А. Гусев и В.А. Тестов

В.А. Гусев – один из сподвижников академика А.Н. Колмогорова в деле реформы математического образования – вначале работал в Министерстве просвещения, затем перешел на работу в МПГУ, где стал заведовать кафедрой методики математики и был также деканом факультета повышения квалификации. Особенно много ему удалось сделать в деле подготовки научно-педагогических кадров.

А.Г. Мордкович и В.А. Тестов

А.Г. Мордкович, один из учеников Н.Я. Виленкина, стал основателем нового направления в методике математики – профессионально-педагогической направленности обучения, а также организатором Всесоюзного семинара по этому направлению. Этот се-

минар ежегодно проводится каждый год в разных городах России. В.А. Тестов стал постоянным участником семинара с 1996 г. и подружился со многими участниками этого семинара: Г.А. Клековкиным, Н.И. Мерлиной, Г.Г. Хамовым, В.И. Игошиным, Ю.А. Дробышевым, И.В. Дробышевой, Л.В. Шкериной, Т.С. Поляковой, Р.М. Аслановым, В.В. Орловым, Н.С. Подходовой и др.

В 1998 г. в совете при МГПУ В.А. Тестовым была успешно защищена докторская диссертация по специальности «Теория и методика обучения математике» на тему «Математические структуры как научно-методическая основа построения математических курсов в системе непрерывного обучения (школа–вуз)». В этой фундаментальной работе автором было расширено понятие математической структуры в соответствии с общенаучным пониманием структуры и выделены те виды математических структур, которые играют первостепенную роль в развитии математического мышления, математической одаренности и их диагностике; показана роль математических структур в реализации основных дидактических принципов отбора и построения содержания обучения математике и обоснована необходимость многоступенчатости процесса формирования представлений об основных типах математических структур [2; 7].

После защиты докторской диссертации научные связи Владимира Афанасьевича продолжали расширяться. Большое влияние на методологическую основу его исследований сыграло близкое знакомство с чл.-кор. РАО Г.И. Саранцевым, его трудами и учениками.

В.А. Тестов и Г.И. Саранцев

Самое плодотворное влияние на творчество Владимира Афанасьевича оказало знакомство и сотрудничество с Ярославской школой по методике математики: Е.И. Смирновым, В.В. Афанасьевым, А.В. Ястребовым, В.С. Сековановым и др.

Большое влияние на В.А. Тестова как педагога оказало знакомство и тесное сотрудничество с известным педагогом-новатором М.П. Щетининым. Владимир Афанасьевич неоднократно выезжал в его уникальную школу в с. Текос Краснодарского края и проводил занятия с разновозрастным коллективом учеников. В теоретической педагогике решающее

влияние на него оказала личность академика РАО В.В. Краевского, в семинаре которого В.А. Тестову довелось неоднократно участвовать [4; 6].

В.В. Афанасьев и В.А. Тестов

В.А. Тестов продолжает активно заниматься научной и методической работой, ежегодно выступает с докладами на всероссийских и международных научных конференциях и семинарах. Он является автором свыше 340 научных статей, учебных и методических пособий, в том числе пяти монографий. Его монография «Стратегия обучения математике», являющаяся первой крупной работой по стратегии обучения, широко известна в стране. Им подготовлено и издано оригинальное учебное пособие «Алгебра и теория чисел» для студентов, получившее гриф УМО Министерства образования РФ, изданы пособия для учителей математики [3; 5].

В последние годы его особенно привлекают две проблемы: проблема обновления содержания обучения математике и проблема использования в обучении современных информационных технологий. Содержание курса математики общеобразовательной школы – очень болезненный и неоднозначный вопрос, взгляды на который у разных ученых, педагогов, учителей могут сильно различаться. В своей книге «Обновление содержания обучения математике: исторические и методологические аспекты» В.А. Тестов подошел к вопросу об обновлении содержания обучения математике с позиций современной методологии науки и образования, с учетом комплекса условий, связанных с изменением научной картины мира и требований общества к математическому образованию [8].

Особенно заметно изменение требований к образованию в современную эпоху – эпоху перехода к информационному обществу. В информационном обществе учащийся избавлен от необходимости запоминания больших объемов информации, что позволяет сделать акцент в школьном обучении на развитии умения творчески мыслить и самостоятельно добывать знания. В книге рассмотрены особенности обучения математике в условиях сетевого пространства.

В.А. Тестов был инициатором и организатором проведения в Вологде Всероссийского семинара преподавателей математики педвузов и университетов (семинар А.Г. Мордковича) (2001 г.), Всероссийской конференции «Задачи в обучении математике», по-

священной 115-летию П.А. Ларичева (2007 г.), Международной научной конференции «Математика в современном мире», посвященной 150-летию Д.А. Граве (2013 г.) и Международной конференции «Задачи в обучении математике, информатике и физике», посвященной 125-летию П.А. Ларичева (2017 г.).

При его активном участии при кафедре была открыта аспирантура по специальности 13.00.02. Аспиранты под руководством В.А. Тестова работают над диссертациями, выступают на научных конференциях. Под его руководством успешно защитились 9 человек.

В 2001–2008 гг. В.А. Тестов являлся членом диссертационных советов в Кирове и Вологде, а в 2009–2013 гг. – в Ярославле и Н. Новгороде. Ежегодно его назначают оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций, председателем ГАК в университетах Кирова, Ярославля, Архангельска, Череповца.

47 лет назад Владимир Афанасьевич окончил физико-математический факультет Вологодского педагогического института (ныне ВоГУ) и вся его биография неразрывно связана с ним. Самой высокой оцен-

ки заслуживает его многолетняя плодотворная деятельность, способствующая сохранению и приумножению научного и образовательного потенциала университета. Высокий уровень компетентности и способность к генерации идей, эрудиция, восприимчивость к новому, широта мысли и в то же время разумный консерватизм, проявляющийся в сохранении ценного опыта, накопленного предшественниками, – вот те качества, которые характеризуют его как ученого и Педагога. За годы своей работы Владимир Афанасьевич подготовил несколько поколений учителей математики, кандидатов и докторов наук.

Профессиональные качества специалиста сочетаются в нем с исключительной доброжелательностью, отзывчивостью, выдержанностью и трудолюбием. Владимир Афанасьевич пользуется заслуженным уважением среди преподавателей, сотрудников факультета и всего многочисленного коллектива студентов.

Владимир Афанасьевич встречает свой юбилей исполненный мудрого оптимизма и деятельных забот о настоящем и будущем российского математического образования. Мы желаем ему новых творческих свершений, крепкого здоровья и долгих лет жизни!

Литература

1. Асланов, Р.М. Педагоги современности в области математики и информатики / Р.М. Асланов, Е.В. Беляева, Н.Г. Кузина, И.В. Столярова. – Ульяновск: Человеческий фактор, 2016. – 644 с.
2. Тестов, В.А. Математические структуры как научно-методическая основа построения математических курсов в системе непрерывного обучения (школа–вуз): дис. на соис. учен. степ. д-ра пед. наук / Тестов В.А. – Вологда, 1998.
3. Тестов, В.А. Стратегия обучения математике: монография / В.А. Тестов. – Москва: Технологическая школа бизнеса, 1999.
4. Тестов, В.А. «Жесткие» и «мягкие» модели обучения / В.А. Тестов // Педагогика. – 2004. – № 8. – С. 35–39.
5. Тестов, В.А. Величины, числа, неравенства: стратегия обучения: учебно-методическое пособие / В.А. Тестов. – Вологда: Изд. центр ВПО, 2005. – 132 с.
6. Тестов, В.А. Фундаментальность образования: современные подходы / В.А. Тестов // Педагогика. – 2006. – № 4. – С. 3–7.
7. Тестов, В.А. Обновление содержания обучения математике: исторические и методологические аспекты: монография / В.А. Тестов. – Вологда: ВГПУ, 2012. – 176 с.
8. Тестов, В.А. Образование в информационном обществе: переход к новой парадигме: монография / В.А. Тестов, О.Б. Голубев. – Вологда: ВоГУ, 2016. – 176 с.

O.B. Golubev, E.M. Ganicheva

TO THE 70th ANNIVERSARY OF PROFESSOR V.A. TESTOV'S BIRTH

This article gives the readers an opportunity to become familiar with the academic and pedagogical activity of a Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Mathematics and Methods of Teaching Mathematics at Vologda State University Vladimir Afanasievich Testov.

Vologda Pedagogical Institute, the Faculty of Physics and Mathematics, mathematical and pedagogical education, the strategy of teaching mathematics.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.В. Черняев

кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора истории русской философии,
заместитель директора по научной работе
Института философии РАН

Н.А. Ястреб

кандидат философских наук, доцент,
зав. кафедрой философии ВоГУ

ОТЧЁТ О ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНОГО СЕМИНАРА «ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ: КРЫМСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-07-01322
«Открытая информационная система “История философских идей”»*

14 октября 2016 г. в Вологодском государственном университете в рамках реализации инициативного проекта Российского фонда фундаментальных исследований состоялся научный семинар «Из истории идей: крымский текст в русской философии», посвященный обсуждению проблем осмысления крымского мифа и роли Крыма для развития русской философской мысли. В рамках семинара состоялась лекция кандидата философских наук, заместителя директора по научной работе Института философии РАН, руководителя сектора истории русской философии Анатолия Владимировича Черняева и был организован круглый стол «Русская философия: исторические традиции и современные перспективы».

В своей лекции *«Крымский текст в русской философии»* А.В. Черняев показал, что Крым обладает важнейшим значением не только для политической истории России, но также для истории русской культуры и философской мысли. В Херсонесе Таврическом состоялось крещение князя Владимира, положившее начало процессу христианизации Руси. Веком раньше здесь побывал с миссией создатель славянской азбуки Константин-Кирилл Философ, благодаря трудам которого русские получили национальную письменность и первые переводы философских сочинений.

В русском общественном сознании, выразителем которого являлась русская философия, Крыму придавался особый смысл, ибо полуостров служил основными воротами в Черное море и средиземноморский бассейн, где находились, по словам Ф.И. Тютчева, «царства русского заветные столицы» – Рим и Константинополь. В том, чтобы выступать их наследником, Третьим Римом, Россия видела свое духовно-историческое призвание; эта идея объединяла древнерусских книжников и ряд ведущих русских мыслителей Нового времени. Поэтому русское присутствие в Крыму, его отстаивание с оружием в руках имело духовное и символическое измерение. Все это делало Крым особой для русской философии землей, тем метафизическим ландшафтом, к которому многие философы обращались в раздумьях о судьбе России.

Наряду с историософской проблема «Крым в истории русской философии» имеет второй аспект, связанный с изучением творческих биографий тех русских мыслителей, судьбы которых были связаны с полуостровом. Одни философы здесь работали, другие отдыхали, но практически у всех пребывание на крымской земле продуцировало новые идеи, воплощенные в созданных здесь произведениях, некоторые из которых принадлежат к числу важнейших памятников русского философского наследия («Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, «Философия имени» С.Н. Булгакова).

С Крымом связаны имена большого числа русских мыслителей, начиная с эпохи средневековья: здесь закончил свою жизнь Афанасий Никитин, через полуостров пролегал путь в Россию Максима Грека. Екатерина II, которую современники называли «философом на троне», после посещения Крыма назвала его драгоценной жемчужиной в короне Российской империи. В ходе Крымской военной кампании здесь служили Л.Н. Толстой и К.Н. Леонтьев; здесь жил Н.Я. Данилевский, которого посещал Н.Н. Страхов; С.Н. Булгакова связывали с Крымом родственные узы; погостить сюда приезжали Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.И. Иванов, М.О. Гершензон, Лев Шестов, С.Н. Дурылин; перед эмиграцией в Таврическом университете работали П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, П.Б. Струве, П.Н. Савицкий, В.И. Вернадский, Г.В. Вернадский. Отдельного упоминания заслуживает ряд архипастырей Таврической (Крымской) епархии Русской церкви, явившихся оригинальными представителями отечественной богословско-философской мысли: Иннокентий (Борисов), Михаил (Грибановский), Лука (Войно-Ясенецкий).

Попытки анализа «крымского текста» в русской культуре уже предпринимались в работах филологов, где на основе разработанной в последние десятилетия методологии изучения пространственного фактора в литературном процессе осуществляется конституирование Крымского текста русской литературы (по аналогии с выделенными ранее Петербургским и Московским текстами). Экстраполяция этого подхода на

историю русской философии позволяет показать, каким образом природно-исторический феномен Крыма (историческая память, многообразие культурного наследия, интеллектуальная среда, атмосфера творческих сообществ и уникальные природные ландшафты) нашел отражение в «крымском тексте» русской философии.

В рамках круглого стола *«Русская философия: исторические традиции и современные перспективы»* обсуждались вопросы преемственности современной российской философии по отношению к традициям русской мысли XIX–XX вв., взаимодействия философии с обществом и государством, соотношения философии и религии в России.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии ВоГУ **И.Н. Тяпин** в своем выступлении отметил, что русская философия является феноменом мирового уровня, а отсутствие признания того или иного мыслителя в западной традиции не может рассматриваться как универсальный критерий для оценки значимости философа или направления. Национальная философская мысль иногда впадала в крайности, например чрезмерного копирования западной философии в эпоху Просвещения или изоляционизма советского периода, однако, несмотря на это, она представляет собой самодостаточное и значимое явление. Постсоветская философия разделилась на два лагеря – условных «западников», ориентирующихся на модные западные тренды и парадигмы, и «славянофилов», работающих в рамках традиций русской философии. Наиболее перспективным является второй путь при условии усиления концептуальности и терминологической строгости философских исследований. В проблемном отношении наиболее перспективным направлением для развития русской философии он назвал рассмотрение глобальных проблем современности.

Доцент кафедры философии ВоГУ, кандидат философских наук **Н.А. Бушуева** обратила внимание на то, что национальная философия является важнейшим компонентом русского самосознания. В то же время в современных обсуждениях часто можно встретить утверждение о том, что никакой русской философии не существует. Однако вопрос о национальной философии свойственен не только России, существует немецкая, французская, английская философия. Возникает вопрос о статусе философии: если наука одна для всех государств и народов, а философия у каждого народа своя, то является ли философия наукой? Разрешить эту проблему можно следующим образом. Вопросы философии являются вечными для всех народов, но каждый народ имеет свой подход к ответам на эти вопросы и свои акценты в их рассмотрении, определяемые его менталитетом, традициями, историей. При оценке и рассмотрении русской философии необходимо избегать крайностей как русофобии, так и превознесения, доходящего до экстремизма. Русская философия имеет собственную значимость, но развивается в рамках мировой философии.

Старший преподаватель кафедры философии ВоГУ **С.А. Кароннов** отметил, что сложно говорить о преемственности в развитии русской философии. Так, советский период практически полностью уничтожил

традицию дореволюционной философии, а постсоветский период начался с отбрасывания марксистской программы. В связи с этим имеет смысл говорить не о наследовании традиций, а о преемственности некоторых идей или проблем, одной из которых, в частности, является проблема «Россия–Запад» или спор «западников» и «славянофилов», который в последнее время вновь стал крайне актуальным.

В отношении вопроса о значимости философии для общества и государства он отметил, что государству нужна философия послушная, обслуживающая идеологическую линию конкретного руководства, а обществу нужна другая философия – объективно отражающая реалии современного мира, реалии нашей страны, способные называть эти вещи и оценивать их, иначе говоря, «философия правды».

Заведующий кафедрой философии, кандидат философских наук **Н.А. Ястреб** обратила внимание на существование двух метафор, описывающих способы взаимодействия философа и общества: «философ, сидящий в башне из слоновой кости», занимающийся теми проблемами, которые интересны ему вне зависимости от того, значимы они в данный момент для общества или нет, и «философ на баррикадах», говорящий людям то, что их волнует. Необходимо учитывать, что внутренняя свобода философа является принципиальным условием его профессиональной деятельности, и в этом смысле он волен исследовать любые проблемы вне зависимости от того, отражают ли они актуальную повестку дня. Если лишиться этой свободы, то это убьет внутренний посыл философа. В этом плане государственный заказ на развитие философских концепций – антифилософская по своей сути идея, подменяющая любовь к мудрости обслуживанием какой-либо идеологии.

Доцент кафедры педагогики и психологии, кандидат педагогических наук **Т.С. Колесниченко** в своем выступлении рассмотрела философский аспект отечественной философской мысли. Философия породила и оформила теоретически педагогику как науку. Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, И.А. Ильин, С.И. Гессен обращали внимание на значимость философии для образования. Так, Гессен считал, что любая педагогическая система является следствием философских взглядов ее автора, а сама педагогика выступает как прикладная наука от философии. Среди философских проблем образования наиболее значимыми являются назначение человека, смысл его жизни, соотношение долга и права, ответственности и свободы, формирование личности и роль воспитания в нем.

Проблема ценностной ориентации становится определяющей. Здесь важно во главу угла поставить самого человека. Сейчас теряется ценность человеческой жизни, насилие начинает преобладать во всех сферах, в том числе в семейной и образовательной. В таких условиях важны гуманистическая направленность образования, формирование чувства собственного достоинства, чести, совести, обращение к развитию духовных потребностей и эстетических представлений человека.

В заключение круглого стола заместитель директора по научной работе Института философии РАН **А.В. Черняев** отметил, что философия – это послан-

ница мировой культуры. Настоящая философия по своей природе интернациональна, однако любая конкретная философия обладает национальным стилем, и русская философия не является исключением. Она развивается в постоянном диалоге с актуальными направлениями зарубежной мысли и в преемственности с собственной традицией, которая подсказывает «вечные» для России темы и в конечном счете обес-

печивает идентичность русской философии. Вместе с тем, преемственность означает не просто право наследования, а представляет собой динамическую и творческую задачу осмысленного отношения к традиции с точки зрения актуальных проблем современности, которое одно только может уберечь как от слепой покорности авторитетам, так и от нигилистического забвения своего прошлого.

А.Л. Кузьминых

*доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры философии и истории
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний*

А.Ю. Присяжнюк

*краевед п. Березник
Виноградовского района Архангельской области*

КОНФЕРЕНЦИЯ В УСТЮЖНЕ

1 июля 2016 г. в Устюжне состоялась научная конференция «Человек в контексте социальных, политических и культурных процессов российской истории». Она была приурочена к 95-летию Устюженского краеведческого музея и стала заметным событием общественной и культурной жизни районного центра. Устроителями мероприятия выступили администрация Устюженского муниципального района, Вологодский государственный университет и местный краеведческий музей.

Всего в конференции приняли участие более пятидесяти человек – докладчиков и тех, кто интересуется современной исторической наукой и краеведением. Собравшиеся заслушали и обсудили 18 докладов и сообщений, их тезисы были изданы заранее. Заседания конференции проходили в четырех секциях.

В центре внимания участников первой секции была тема «Индивид в контексте российского социума» (руководитель – д.и.н., проф. В.В. Микшин, Устюжна). Д.ф.н., проф. ВоГУ Б.В. Ковригин (Вологда) затронул методологические проблемы, связанные с определением понятия «средний класс». По мнению ученого, подлинными представителями этого слоя современного российского общества – это те, кто обладает личным достоинством и независимостью, общественной активностью, иммунитетом к социальному манипулированию. Д.и.н., проф. ВоГУ Т.М. Димони (Вологда) познакомила слушателей с деятельностью Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, созданного в 1950 г. Она отметила, что многие идеи, высказанные в научных публикациях института, сохранили актуальность и поныне. Ст. науч. сотрудник Устюженского краеведческого музея К.А. Зубов (Устюжна) рассказал о жизни и деятельности членов семьи Грейвер, оставивших заметный след в истории Устюжны. К.ю.н., доц. Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина А.М. Лютынский (Вологда) поста-

вил перед собой задачу проанализировать описание событий сентября 1939 г. в Польше в отечественной учебной литературе разных исторических периодов. Ст. преподаватель ВоГУ В.П. Мясников (Вологда) представил результаты работы по составлению базы данных о лицах, служивших в качестве земских и уездных исправников, глав земской и уездной полиции на территории Вологодской губернии с 1838 по 1917 гг.

Вторая секция обсуждала проблемы взаимоотношений человека и власти (руководитель – д.и.н., проф. Вологодского института права и экономики ФСИН России А.Л. Кузьминых, Вологда). Внимание к.и.н., вед. науч. сотрудника ВоГУ Н.Г. Кедрова (Устюжна) привлекла судьба А.М. Плотниковой, уроженки Устюженского района, в 1930-е гг. занимавшей ответственные должности в партийно-советских и хозяйственных организациях Ленинграда. К.и.н., науч. сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН Ф.К. Ярмолич (С.-Петербург) собрал материал о работе органов власти по формированию политико-идеологических представлений у жителей Ленинграда в 1950–1960-е гг. Успешному решению этой задачи способствовало то, что пропаганда носила непрерывный и всесторонний характер, а ее инструментарий был рассчитан на самые разные категории населения. Ст. преподаватель ВоГУ Л.С. Панов (Вологда) подготовил доклад о деятельности вологодской полиции в начале XX века. Этот вопрос представляется особенно важным, если учесть, что глубокие экономические, политические и социокультурные сдвиги, связанные с развитием капиталистических отношений в предреволюционной России, существенно усилили криминальную активность населения. К.и.н., проф. ВоГУ С.Г. Карпов (Вологда) изучил формы адаптации сотрудников правоохранительных органов в условиях трансформационных процессов 1990-х гг. Сообщение к.и.н., доц. Вологодского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной

службы М.Н. Глумной (Вологда) было посвящено участию северного крестьянства в выборах 1937 г. в Верховный Совет СССР. Она подчеркнула, что для избирателей выборы стали тестом на лояльность правящему режиму.

Третью группу докладов объединила тема «Человек в контексте экспозиционной и научно-исследовательской деятельности музея» (руководитель – зам. директора Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника И.А. Смирнов, Кириллов). Как преодолеть культурно-исторические дистанции между посетителем и экспонатом? Что может сделать музейную среду более востребованной? Об этом шла речь в докладе к.и.н., зав. экскурсионным отделом Государственного музея политической истории России Е.А. Лысенко (С.-Петербург) «Создание коммуникативной среды музея и антропоцентризм современных музейных экспозиций». Е.Е. Наумова (Пестово) говорила о работе краеведов Пестовского района Новгородской области по изучению и сохранению историко-культурного наследия родного края. Итоги многолетних разысканий, связанных с атрибуцией портрета М.Ю. Лермонтова из фондов Устюженского краеведческого музея, нашли отражение в выступлении искусствоведа и художника Н.А. Марушковой (Вологда).

На четвертой секции рассматривалась тема «Творческая личность в культурных процессах про-

винциального малого города» (руководитель – д.и.н., проф. ВоГУ Т.М. Димони). Вологодский писатель, журналист и публицист, кандидат культурологии В.В. Есипов поделился размышлениями о путях возрождения российской провинции. В качестве одного из способов решения проблем малых населенных пунктов он видит использование советского опыта работы с молодыми специалистами. Ст. науч. сотрудник УКМ Е.А. Воротынцева (Устюжна) нашла новые интересные подробности биографии М.Ф. Дубровской, невенчанной жены поэта и критика Аполлона Григорьева. Встречи вологодских писателей с читательской аудиторией в 1950–1960-е гг. – тема сообщения к.и.н., ст. преподавателя ВоГУ А.С. Столетовой (Вологда). Работу секции завершил доклад художника В.А. Белякова (Устюжна) о жизненном пути поэта А.А. Васильева (1933–2002), творчество которого выдвинулось в ряд заметных явлений культурной жизни Устюжны последней четверти XX – начала XXI вв. и заслуживает дальнейшего изучения.

Иногородним участникам встречи надолго запомнится автобусная экскурсия по Устюжне, которую провела Е.А. Воротынцева. А завершился форум праздничным вечером, на котором участники конференции и приглашенные гости поздравили сотрудников музея с юбилеем и пожелали дальнейших успехов в работе по сохранению историко-культурного наследия Устюженской земли.

С.А. Громыко, Ю.Н. Драчёва,

Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина

Вологодский государственный университет

СЛОВЕСНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ И РЕГИОНА В ПРОБЛЕМАТИКЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТЧЁТ О РАБОТЕ ПО ПРОЕКТАМ, ФИНАНСИРУЕМЫМ РГНФ/РФФИ В 2016 ГОДУ

Исследования кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета уже более пятнадцати лет имеют финансовую поддержку различных научных фондов и общественных организаций России и региона. За это время преподаватели и сотрудники кафедры неоднократно имели гранты Президента Российской Федерации для молодых ученых – кандидатов (С.А. Громыко, Ю.Н. Драчева, И.Е. Колесова) и док-

торов наук (Е.Н. Ильина), выполняли исследовательские работы в рамках федеральной целевой программы «Развитие научных и научно-педагогических кадров инновационной России на 2009–2013 годы» (науч. рук. – Г.В. Судаков), получали финансовую поддержку Правительства Вологодской области (Г.В. Судаков, С.А. Ганичева), Вологодского регионального отделения Русского географического общества (Е.Н. Ильина, Г.В. Судаков) и ряда других организаций. Вместе

с тем наиболее давним и результативным является взаимодействие преподавателей филологических дисциплин Вологодского государственного университета с Российским гуманитарным научным фондом (с 2016 года – Отделением гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований): начиная с 2000 года состоялось более десяти проектов, руководителями которых в разные годы были проф. С.Н. Смольников, проф. Г.В. Судаков, проф. Е.Н. Шаброва (Ильина), проф. Ю.И. Чайкина, проф. Л.Г. Яцкевич, доц. Л.А. Берсенева, доц. С.А. Громыко, доц. Л.Ю. Зорина, канд. филол. наук Ю.Н. Драчёва. Как правило, вологодские лингвисты оказывались в числе победителей наиболее престижной номинации «а» всероссийского конкурса. Тема

тика исследований, финансируемых РГНФ, преимущественно была сосредоточена в сфере научных направлений, ставших для кафедры традиционными: историческая и диалектная лексикология и лексикография, морфемика и словообразование русского литературного языка и народных говоров, лингвистика художественного текста. Вместе с тем в последние годы вологодские ученые сосредоточили свои усилия в сфере изучения парламентской речи и языка средств массовой коммуникации.

В 2016 году состоялась работа в рамках четырех научных проектов, финансируемых РГНФ. Далее отражены основные результаты каждого из этих проектов и перспективы их развития в продолжающихся исследованиях или новых исследовательских начинаниях.

РИТОРИКА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА: ВОЗДЕЙСТВИЕ, АРГУМЕНТАЦИЯ, ОБРАЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ДИСКУССИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент С.А. Громыко, соглашение № 16-34-01050

Изучение риторики русского национализма начала XX века включает в себя решение различных научных задач, среди которых на начальном этапе исследования важнейшей представляется определение источников и методологии изучения записей образцов русской парламентской речи. В качестве институциональных источников были рассмотрены стенограммы заседаний I, II, III, IV Государственной думы, а также заседаний Государственного Совета Российской империи. Было исследовано более 300 развернутых выступлений с трибуны и реплик русских националистов. В качестве неинституциональных источников рассматривались документы и материалы русских правых партий: воззвания, обращения, листовки, телеграммы, письма, протоколы заседаний собраний. Проанализировано более 150 материалов. Особое внимание уделялось изучению мемуарной литературы. Осуществлена выборка публичных текстов ключевых ораторов-националистов: П.А. Крушевана, В.М. Пуришкевича, Н.Е. Маркова.

В результате исследования выявлены институциональные ограничения, накладываемые парламентским регламентом на производство текстов. К ним относятся, во-первых, диалогичность и полемичность, что выражается в обязательном учете фактора адресата на этапе создания выступления, а также в наличии отсылочных суждений (внутрипарламентская интертекстуальность) в тексте высказывания. Во-вторых, это ограничения на степень инвективности высказывания, которые выражались в запрете на прямые оскорбления участников дискуссии и на ряд наименований лица по признаку национальности. В-третьих, это ограничения на использование ряда речевых стратегий, например стратегии прямой угрозы, что вынуждало агентов институционального дискурса использовать речевые средства, замещающие более жесткие проявления угрозы.

В процессе анализа речевого материала был сделан ключевой вывод о развитии русской парламентской риторики: от Первой к Четвертой Государственной думе постепенно кристаллизовались гласные и негласные правила речевого поведения в русском

парламенте, которые болезненнее всего воспринимались именно депутатами-националистами. В то же время эти ограничения позволили депутатам-радикалам ввести свою идеологию и риторику в институциональное русло, сделать их более цивилизованными и рациональными.

Сформулированы доминанты и константы воздействия публичной речи на аудиторию, образующие националистическую дискурсную формацию в России начала XX века.

1. Использование речевых средств кооперации: депутаты-националисты стремились, особенно во II и III Государственной думе, вести открытую дискуссию с оппонентами, демонстрировали чаще всего готовность к диалогу, несмотря на радикальные идеологические позиции.

2. Эвфемистичность высказываний: депутаты-националисты старались избегать высокой степени инвективности тех высказываний, которые были известны аудитории по неинституциональной деятельности политиков. Для этого были выработаны речевые штампы и клише, призванные заменить привычные националистические и антисемитские лозунги.

3. Употребление речевых средств конфронтации, что выразилось в широком применении речевой агрессии, специфичной по сравнению с другими политическими группами в плане объекта и структуры агрессивного речевого поведения. Так, евреи как объекты речевой агрессии редко подвергались специальной речевой атаке в рамках одного выступления, антисемитская агрессия была слабой и как бы «разлитой» по многим речам, в то время как атаке на другие нации были посвящены выступления целиком.

4. Привлечение иронии как основы речевой агрессии в различных ее проявлениях: от насмешки до издевки и осмеяния. В данном случае использование иронии носило компенсаторный характер и было обусловлено запретом в парламентской коммуникации на прямую, открытую инвективность.

5. Широкое использование средств интертекстуальности в качестве способа речевого воздействия.

Разнообразные прецедентные феномены в речах депутатов-националистов свидетельствуют об интеллектуальности и аналитичности как ораторов, так и созданных ими текстов.

6. Национальная тема как основа большинства выступлений в парламенте и за его пределами. Речи ораторов концентрируются вокруг различного рода исторических и культурных интерпретаций этнических проблем. Именно сквозь эту призму рассматриваются все остальные важнейшие проблемы дореволюционного российского общества: аграрный вопрос, социальные реформы, внешняя политика. На примере устных публичных выступлений В.М. Пуришкевича были проанализированы идеологемы «русский» и «враг», сделаны выводы о специфике представления этих явлений в риторике этого общественного деятеля. Русский народ, по его мнению, предстает в образе нации, находящейся во всей полноте политических, экономических, социальных и культурных взаимоотношений.

Русская государственность и ряд сложившихся культурных устоев рассматриваются Пуришкевичем как неотъемлемая черта русскости. Внутренний враг, с точки зрения В.М. Пуришкевича, – это подданные Российской империи (инородцы-сепаратисты, депутаты левых партий), действующие против русского народа и государственности. Для усиления ощущения опасности в риторике Пуришкевича идеологема врага пересекалась с другим важным идеологическим концептом – революцией как крушением всего российского и русского мироустройства, а внутренний враг представлялся как всепроникающий носитель разложения и болезни.

Результаты исследования были апробированы в 11 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях (среди них 4 в изданиях рекомендованного списка ВАК при Минобрнауки РФ), а также в докладах на двух международных (Киев, Рига) и двух всероссийских (Ярославль) научных конференциях.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОРПУС ВОЛОГОДСКИХ ТЕКСТОВ «ЖИЗНЕННЫЙ КРУГ»

Научный руководитель – канд. филол. наук Ю.Н. Драчёва, соглашение 14-34-01263

Основной задачей проекта было создание корпуса региональных текстов, отражающих специфику материальной и духовной культуры региона. Проект объединил филологов, специализирующихся на проблемах изучения лингвистики региона (Ю.Н. Драчёва, Н.С. Дьякова), программистов (И.В. Морозова), а также значительное количество молодых исследователей студентов и аспирантов Вологодского государственного университета.

«Мультимедийный корпус вологодских текстов «Жизненный круг»» состоит из массива корпусных данных и из корпусного менеджера, который представляет собой специализированную поисковую систему, направленную на работу с информацией, собранной в конкретном электронном корпусе. В частности, в корпусе сосредоточены специально образованные записи диалектной речи (более 160 часов аудио- и видеозаписей речи, полученные в результате опроса более 200 информантов). Электронная база данных построена как реляционная модель данных, в основу которой положена совокупность взаимосвязанных таблиц. Для реализации мультимедийного корпуса используется технология объектного (объектно-ориентированного) моделирования на основе принципов ADO, дополняющая реляционную модель данных за счет возможности совмещения неоднородных ресурсов. Так, в мультимедийном корпусе «Жизненный круг» производится одновременная работа с такими типами данных, как текст, графика, звук, видео. Для внешнего представления данных в мультимедийной оболочке выбран иерархический принцип структурирования материала. Материалы, связанные с концептом «труд», включают в себя следующие тематические блоки: «Сенокос», «Полевые работы», «Огородничество», «Работы по дому», «Ремесла», «Рукоделия», «Обработка льна», «Разведение скота и птицы»,

«Приготовление пищи и напитков» и пр. Материалы, связанные с концептом «игра», делятся на следующие тематические блоки: «Детские игры», «Развлечения молодежи», «Свадьба», «Календарные праздники».

Для индексации материала внутри корпуса используются следующие признаки: концепт, тема текста, тип текста, район, автор, ключевые слова. Электронный корпус «Жизненный круг» обладает следующим набором технических и пользовательских характеристик: высокая динамичность и дополняемость корпуса; экстралингвистическая разметка текстов; разметка в виде ключевых слов; большой объем текстов; использование текстовых, графических, аудио- и видеоданных; широкая доступность и разнонаправленное специализированное назначение корпуса. При разработке электронного корпуса «Жизненный круг» учитывались потребности различных групп возможных пользователей: лингвистов-исследователей, преподавателей, литературоведов, историков, социологов. Исходя из возможного круга пользователей, разрабатывались различные поисковые признаки и характеристики текстов.

В теоретическом плане на материале региональных текстов, функционирующих в различных дискурсивных практиках, исследовался феномен региональной языковой картины мира, в частности, ее базовые концепты <труд> и <игра>, а также изучалось явление *языковой трансмиссии* традиционной народной культуры Русского Севера. Это понятие возникает по аналогии с термином «культурная трансмиссия», то есть передача и сохранение определенных качеств некоего культурного объекта от предшествующего поколения к последующему. Обращение к понятию языковой трансмиссии позволяет исследовать динамику языка в процессе трансляции культуры. Значимым теоретическим результатом работы является теоретико-

методологическое описание данного феномена, которое воплотилось в ряде публикаций и научных докладов руководителя проекта, а также в монографии Ю.Н. Драчёвой «Трансмиссия языка традиционной народной культуры в массовой коммуникации» (Вологда, 2016). Понятие языковой трансмиссии было рассмотрено применительно к анализу регионального медийного текста, были проанализированы особенности представления традиционной народной культуры в дискурсе региональной массовой коммуникации, рассмотрены механизмы осуществления трансмиссии языка традиционной народной культуры в современной массовой коммуникации.

На широком региональном материале было проведено исследование региональных черт русской языковой картины мира, следствием чего явилось создание коллективной монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» (Вологда, 2015) и сборника научных статей молодых исследователей «Филология смотрит в будущее» (Вологда, 2016). Кроме того, Ю.Н. Драчёвой в соавторстве с Е.Н. Ильиной впервые в лингвистической практике были исследованы языковые особенности и жанровые характеристики периферийных средств массовой информации (коллекционных изданий научно-популярного характера – партворков), отражающих традиционную народную культуру региона (в частности Вологодской области) сквозь призму стереотипов массового сознания.

В течение трех лет работы над проектом состоялась публикация более сорока научных работ, в том числе 11 статей в рецензируемых научных журналах, трех монографий, сборника научных статей, а также выступления участников проекта на 16 международных (Россия, Беларусь, Болгария, Испания, Польша) и 10 всероссийских конференциях (Москва, Санкт-Петербург, Вологда, Казань, Кострома, Петрозаводск, Ярославль). Значимым для проекта оказалось проведение его участниками серии научно-методических семинаров, посвященных проблемам трансмиссии языка народной культуры в Вологодском государственном университете и в Вологодской областной универсальной научной библиотеке, обеспечившее внимание широкой общественности к проблематике исследования.

Продолжение работы над проектом может состояться в нескольких направлениях. Во-первых, это репрезентация явления трансмиссии языка народной культуры в докторской диссертации руководителя проекта Ю.Н. Драчёвой, а во-вторых, в сфере развития такого научного направления, как «Электронная лексикография Русского Севера», которое позволит объединить многочисленные современные электронные базы данных, созданные на основе региональных материалов, в единый ресурс, реализующий как научно-исследовательские, так и научно-методические задачи в области изучения региональной словесной культуры.

РЕЖА И РЕЖАКИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕВЕРНОРУССКОГО ИДИОМА

Научный руководитель – канд. филол. наук, доц. Л.Ю. Зорина, соглашение 15-04-00205

Проект «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» нацелен на изучение лингвистических, этнических и ментальных особенностей жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области. Эта местность имеет неофициальное название Режа: ее деревни расположены по течению малой реки Режи, притока Ваги, впадающей в Северную Двину. В исторических источниках Режа и ее центр, деревня Монастырская, упоминаются с XVI века, что позволяет говорить о длительной, многовековой истории изучаемого севернорусского идиома.

Из-за своей удаленности и изолированности от административных центров (обширные болота, огромные лесные массивы, отсутствие вплоть до 70-х годов XX века приемлемого транспортного сообщения) эта территория в разное время относилась к разным районам Вологодской области. Никому, по-видимому, не хотелось брать на себя ответственность за эту удаленную местность и населявших ее людей. Радио как благо цивилизации появилось здесь только в 1957 году.

В конце XX века, в 80-е его годы, когда диалектологи Вологодского государственного педагогического института (с 1995 года – университета) начали проводить свои наблюдения над режским говором, местность была весьма населенной. Значительную часть ее

населения составляли люди, родившиеся в конце XIX – самом начале XX века. Они и стали основными информантами диалектологов, поскольку сохраняли в своей речевой практике традиционные особенности местного говора.

Диалектологические экспедиции в деревни Режского сельсовета проводились практически ежегодно с 1983 по 2009 гг. Иногда пребывание диалектологов в Реже было весьма продолжительным: 4 недели летом и 4 недели в сентябре. В отдельные годы случались и августовские экспедиции преподавателей, студентов и аспирантов.

В ходе работы был зафиксирован традиционный, к настоящему времени уже почти утраченный режский говор. Многочисленные оцифрованные записи народной речи (около 30 часов звучания) ярко отражают особое мироустройство и менталитет жителей данной местности. Здесь до недавнего времени сохранялась курная изба, топились бани по-черному, были распространены традиция мытья в русской печи и архаичный обычай «перепекания» ребенка, наблюдалось своеобразие жилых построек, деревенского костюма, традиционной кухни, особенности коммуникативного поведения людей и др.

Конкретный режский говор Вологодской группы севернорусского наречия впервые подвергается моно-

графическому описанию. Этими материалами в научный оборот вводится большой объем ранее никогда и никем не описанного диалектного материала: значительный корпус диалектных слов, фразеологизмов, пословиц и поговорок, в том числе архаичных, не отмеченных на других территориях единиц, специфичных в национально-культурном отношении.

Проведение работ по проекту «Режа и режаки» совпало с мощным общественным движением по восстановлению разрушенного в 30-е годы XX века храма Преображения Господня в деревне Монастырской. Объединению режаков способствовали, в частности, возможности новых компьютерных технологий. Так, в группах «Режа» (<https://vk.com/club1701738>) и «Ремонт храма Преображения Господня» (<http://vk.com/club95698991>) были сосредоточены и сейчас стали доступны широкому читателю многочисленные историко-краеведческие материалы.

Основным исследовательским результатом в 2016 году стала публикация монографического исследования «Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта». Монография включает в себя сведения из истории Режского поселения, характеристику фонетических, лексических и грамматических особенностей местного говора, а также комментированный перечень текстов, за-

писанных в данной местности диалектологами Вологодского государственного университета. В качестве приложения к монографии приложен компакт-диск с аудиофайлами, полностью воспроизводящими прокомментированные записи диалектной речи, а также фото- и видеоиллюстрациями к отдельным фрагментам текста монографии.

Результаты работы над проектом отражены также в 11 статьях руководителя (Л.Ю. Зорина) и исполнителей проекта (Е.П. Андреева, Е.Н. Иванова, Е.Н. Ильина, Н.В. Комлева), в докладах на международных и всероссийских конференциях (Архангельск, Вологда, Воронеж, Кострома). Проблематика проекта вызвала значительный интерес у коллег основных исполнителей. Ими также опубликованы соответствующие статьи (Е.Н. Варникова, Г.В. Судаков).

Полученные материалы и результаты свидетельствуют, что говор Режского поселения Сямженского района Вологодской области действительно представляет собой ценный объект для научного этнолингвистического описания. В качестве ближайшей перспективы продолжения исследования представляется работа над «Словарем режского говора», рукопись которого в данное время насчитывает уже более 500 страниц.

ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Научный руководитель – доктор филол. наук, проф. Е.Н. Ильина, соглашение № 15-04-00364

Основной научной проблемой данного проекта является комплексное филологическое исследование регионального текста Вологодского края и форм его бытования в контексте русской словесности: в произведениях художественной литературы, в литературной и этнографической беллетристике, в автобиографической прозе, в фольклорных текстах и текстах массовой культуры. Проект направлен на осмысление феномена регионального текста, в частности, его отличительных признаков, которые на фоне единства русского культурного пространства и литературных традиций определяют образ территории, породившей данный текст, характеризуют специфические для нее темы, образы, прототипические и поэтические константы.

Филологическое и культурологическое исследование региональных текстов опирается на сложившиеся традиции в отечественной науке. Интерес ученых к данной проблематике был инициирован работами Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова в рамках семиотики текста, изучения взаимодействия текста и пространства, осмысления пространства как текста, текста как пространства. Введенное в научный оборот понятие «петербургского текста» в классической русской литературе позволило определить основные направления, аспекты и методы изучения региональных «текстов». Генезис вологодского текста, как отмечает С.Н. Смольников, восходит еще к средневековой культурной традиции. В частности, важную роль в формировании древнерусской книжности играют па-

мятники, созданные либо переписанные в Вологодском крае (жития местных и общерусских святых), публицистические («Послание кирилловских старцев») и поэтические («Изложение на еретики-злохульники» И. Хворостинина) произведения, летописи (Вологодско-Пермская летопись) и др. Позднее духовная книжная традиция нашла воплощение в трудах святителя И. Брянчанинова, традиционная народная культура была многогранно отражена в творчестве Н. Клюева, И. Северянина, В. Шаламова, Я. Яшина, В. Белова, Н. Рубцова, О. Фокиной, А. Башлачева и др. Внутри вологодского текста открывается перспектива исследования культуры исчезающих этносов (уклад жизни вепсов в прозе А. Петухова). В произведениях вологодских писателей нашли отражение как общероссийские, так и региональные социокультурные процессы, что позволяет увидеть ключевые события русской истории и культуры с большей степенью конкретности (лагерная проза В. Шаламова, тема коллективизации и трагедия русской деревни в творчестве В. Белова). Кроме того, перспективным представляется изучение творчества тех крупных отечественных писателей, которые, не являясь непосредственными создателями вологодского текста, прочно связаны с пространством региона фактом своего рождения/пребывания/кончины (К. Батюшков, В. Гиляровский, Ф. Соколов, А. Ремизов, В. Астафьев и др.).

Проект объединяет специалистов в области лингвистики и литературоведения, что делает возможным интегрированный подход к изучению регионального

текста. Как наиболее важный результат работы над проектом определяется монографическое описание феномена «вологодский текст» и создание словаря «Писатели Вологодского края», специализированного филологического издания, включающего в себя не только биографические справки и краткий обзор творчества, но и научное осмысление художественного наследия автора в контексте региональной картины мира.

В 2016 году исследовательский коллектив успешно завершил второй этап работы над проектом «Вологодский текст в русской словесности». Внимание ученых было сфокусировано на осмыслении феномена вологодского текста преимущественно в контексте изучения художественного наследия писателя-вологжанина В.И. Белова (1932–2012) и в сравнении с ним – художественного наследия его предшественников (Н.Ф. Остолопова, А.М. Ремизова, Н.А. Клюева) и современников (А.Я. Яшина, А.В. Петухова, А.Н. Башлачева). Все направления проекта: теоретико-методологическое осмысление изучаемого явления, репрезентация отдельных его составляющих, в том числе и в лексикографическом аспекте, – нашли свое отражение в результатах 2016 года.

Теоретико-методологическое осмысление феномена вологодского текста состоялось в рамках тематических заседаний двух Всероссийских научно-практических конференций «Вузовская наука – региону» (Вологда, февраль 2016) и «Белов. Вологда. Россия» (Вологда, октябрь 2016), в научных докладах и статьях руководителя и участников проекта, а также в предисловии к коллективной монографии (науч. ред. – С.Ю. Баранов). Были разработаны принципы выявления «лингвистического кода региона» и внесены предложения по внедрению идеи регионального текста в практику изучения современной системы СМИ и преподавания основ филологического краеведения (Е.Н. Ильина). Принципы изучения «вологодского текста» легли в основу структурирования модели словарной статьи для словаря «Писатели Вологодского края».

Наиболее значимым научным итогом изучения явления вологодского текста в рамках заявленного

проекта следует считать подготовку коллективной монографии. Различные ее разделы посвящены теоретическому осмыслению данного феномена (С.Ю. Баранов, Ю.В. Розанов), а также представлению отдельных его составляющих в тексте повести В.И. Белова «Привычное дело». Это оппозиция города и деревни (Т.Н. Воронина), авторское видение предметного мира (А.В. Федорова), отражение в повести крестьянских представлений о семье и родственных отношениях (С.Х. Головкина). В монографии отражена также история интерпретации повести «Привычное дело» в различных сферах массовой культуры (С.Н. Патапенко). Рассмотрено лингвистическое своеобразие этой повести в контексте проблем художественного перевода (Е.Н. Ильина, Н.Л. Фишер).

Изучение творчества других писателей-вологжан через призму «вологодского текста» продолжилось также в публикациях, посвященных творчеству Н.Ф. Остолопова, Н.А. Клюева, А.М. Ремизова, А.Я. Яшина, А.В. Петухова, А.Н. Башлачева. Материалы исследования были вовлечены в научный оборот в процессе докладов на всероссийских (Тверь, Казань, Вологда) и международных (Россия, Беларусь, Польша, Чехия) конференциях. Проблематику проекта отразили 4 публикации в рецензируемом научном журнале «Вестник Череповецкого государственного университета» рекомендуемого списка ВАК при Минобрнауки РФ, а также статьи всех участников проекта в других научных изданиях. В качестве ближайшей перспективы исследования предполагается завершение работы над словарем «Писатели Вологодского края». Практическая значимость выполняемого проекта определяется тем, что его результаты могут быть востребованы в научно-педагогической деятельности школ и вузов России (разработка учебных курсов и факультативов в сфере филологического краеведения), в аспекте сохранения и развития культурного потенциала Вологодского края, послужат делу формирования национальной и региональной идентичности его жителей, созданию положительного культурного имиджа Вологодского региона и России в целом.

И.Е. Колесова

кандидат филологических наук,
ученый секретарь Вологодской областной
универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. И.В. БАБУШКИНА, ПОСВЯЩЕННЫЕ В.И. БЕЛОВУ

Имя Василия Ивановича Белова хорошо известно не только вологжанам, но и всем интересующимся народным бытом Северного края. Новый всплеск интереса к творчеству писателя связан с его юбилеем, который отмечают в 2017 году.

Василий Иванович Белов (23 октября 1932 года, д. Тимониха, Вологодская область – 4 декабря 2012 года, Вологда) – русский писатель XX века, один из крупнейших представителей и основоположников «деревенской прозы». Литературное наследие В.И. Белова составляет более ста тридцати книг, выпущенных тиражом свыше семи миллионов экземпляров. Вологжане гордятся В.И. Беловым, который своим писательским талантом и гражданской позицией прославил наш Северный край. Творчество Василия Белова пронизано любовью к России и к своей малой родине, единой мыслью о самобытности и душевности русского человека, чистого, искреннего и совестливого, жизнь которого неразрывно связана с природой, укладом жизни русской деревни. Его произведения являются подлинными образцами отечественной словесности.

Книги писателя переведены на многие языки народов мира, некоторые из них включены в школьную программу. Выбор произведений обусловлен культурной репрезентативностью, художественной состоятельностью, воспитательной эффективностью произведений и особенностями восприятия обучающихся.

Изучение творчества В.И. Белова в школе представляется необходимым, прежде всего, в контексте изучения литературы Вологодского края. Основной целью такого изучения становится приобщение обучающихся к творчеству писателей-земляков, знакомство с этим творчеством и поддержание дальнейшего интереса к изучению как произведений В.И. Белова, так и другой краеведческой художественной литературы. Также возникает необходимость говорить о литературе Вологодского края в контексте истории русской культуры, изучаемой по стандартной программе.

Большим подспорьем при изучении творчества В.И. Белова и для учащихся, и для педагогов может послужить электронный ресурс, созданный сотрудниками Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Бабушкина и размещенный на сайте библиотеки по адресу: <http://www.booksite.ru/> в разделе «Выдающиеся люди Вологодского края». В данном разделе посетители сайта могут найти всю интересующую их информацию о писателях, ученых, художниках, государственных и общественных деятелях, предпринимателях нашего края. Каждый раздел

содержит материалы о жизни и деятельности, полные тексты произведений, фото-, видео- и аудиоматериалы.

Раздел, посвященный жизни и творчеству Василия Ивановича Белова, подготовлен М. Тереховой на основе сведений, собранных заведующим сектором редких книг отдела хранения основного фонда Н.Н. Фарутиной. Он состоит из семи частей, о каждой из которых следует рассказать более подробно.

В разделе «Сочинения» собраны ссылки на полнотекстовые версии более чем восьмидесяти художественных произведений писателя, которые хранятся в фондах Вологодской областной научной библиотеки им. В.И. Бабушкина. Здесь можно прочитать романы «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой», рассказы для детей и взрослых, стихи Василия Ивановича, его драматические произведения, например пьесу «Семейные праздники», и, конечно, большой труд В.И. Белова, посвященный исследованию народной жизни, «Лад». Тексты можно как читать прямо на сайте, любясь сопровождающими их иллюстрациями, так и сохранить в виде архива и перечитывать в любое удобное время.

Раздел «Публицистика» посвящен нехудожественным произведениям Василия Ивановича Белова. В этом разделе можно ознакомиться с публицистическими статьями, которые были опубликованы в разные годы в газетах и журналах, а также с теми произведениями, которые вошли в публицистические сборники В.И. Белова «Раздумья о дне сегодняшнем» и «Раздумья на родине». Кроме того, именно в данном разделе размещены ссылки на публикации выступлений писателя.

В разделе «Литература о жизни и творчестве В.И. Белова» собраны ссылки на полнотекстовые версии публикаций, посвященных жизни и творчеству писателя. Все материалы в разделе отсортированы по тематике: исследования творчества В.И. Белова, работы, связанные с изучением его биографии, методические материалы, освещающие проблемы изучения творчества Белова в школе. Отдельно в данном разделе собраны полнотекстовые версии авторефератов диссертационных исследований, посвященных различным аспектам творчества Василия Ивановича Белова, которые были защищены в период с 1983 по 2004 годы.

Раздел «Библиография» содержит два библиографических указателя, составленных Н.Н. Фарутиной по фондам Вологодской областной универсальной научной библиотеки, в которых перечислены и систематизированы все публикации, связанные с именем В.И. Белова, доступные читателям библиотеки.

В разделе «Фотогалерея» собраны фотографии самого Василия Ивановича Белова, его родных и близких, а также фотографии д. Тимонихи и ее окрестностей, родных мест писателя.

Раздел «В.И. Белов в изобразительном искусстве» делится на две части. Первая из них – это портреты самого Василия Ивановича, принадлежащие кисти целого ряда художников, например Владимира Корбакова, Юрия Воронова, Валерия Страхова, Олега Бороздина и многих других, а также фотографии бюстов писателя. Вторая часть – это иллюстрации к различным произведениям Василия Белова, взятые из книг, выходивших в разные годы и хранящихся в фондах Вологодской областной библиотеки.

Наконец, раздел «В.И. Белов в киноискусстве» содержит ссылки на художественные фильмы и телеспектакли, снятые по произведениям Василия Ивановича Белова в период с 1970 по 2009 годы. Все эти видеозаписи можно скачать.

Фонды Вологодской областной научной библиотеки постоянно пополняются новыми материалами о жизни и творчестве Василия Ивановича Белова, новыми изданиями его произведений. Одновременно с этим развивается и обогащается и информационный ресурс, посвященный писателю, предоставляя своим читателям новые возможности для расширения знакомства с удивительным миром Василия Белова.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Евгений Викторович

кандидат философских наук, преподаватель Ташкентской духовной семинарии (Ташкент, Узбекистан)
evg_abd@hotmail.com

Алексеева Надежда Викторовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)
alekseevanv35@mail.ru

Амусин Марк Фомич

доктор филологических наук (Иерусалим, Израиль)
m_amusin@yahoo.com

Андреева Елена Павловна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
ep-andreeva@bk.ru

Арискина Юлия Эдуардовна

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры геополитики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
ariskina_julie@mail.ru

Варникова Евгения Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
e-varnikova@yandex.ru

Ганичева Елена Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий и методики преподавания информатики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
emg-ca@mail.ru

Голубев Олег Борисович

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой информационных технологий и методики преподавания информатики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
oleg_golubev@mail.ru

Громыко Сергей Александрович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafrus@mh.vstu.edu.ru

Драчёва Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
yulia.dracheva@mail.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Жгилев Иван Александрович

аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
vanoff11@mail.ru

Зелезинская Наталья Станиславовна

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия)
zelennew@tut.by

Зимичева Наталья Николаевна

учитель русского языка и литературы Горицкой средней школы (с. Горицы, Вологодская область, Россия)
zimichevann@yandex.ru

Зорина Людмила Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafrus@mh.vstu.edu.ru

Ильина Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
filfak@list.ru

Исаев Роман Олегович

аспирант кафедры философии Социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия)
romanceisav@gmail.com

Карпова Василиса Владимировна

аспирант кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации филологического факультета Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
vasilisakarпова@gmail.com

Кевля Фаина Ильинична

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
fkevlya@mail.ru

Колесова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, ученый секретарь Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина (Вологда, Россия)
mika-ologda@mail.ru

Косорукова Наталья Валентиновна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)
natalikcher@mail.ru

Кузьминых Александр Леонидович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (Вологда, Россия)
istorial@mail.ru

Кулькова Марианна Алексеевна

кандидат геолого-минералогических наук, доцент, доцент кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
kulkova@mail.ru

Макаров Владимир Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, член Шекспировской комиссии РАН (Москва, Россия)
mail@vmakarov.name

Никитин Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета (Москва, Россия)
olnikitin@yandex.ru

Присяжнюк Александр Юрьевич

независимый исследователь, краевед (п. Березник, Архангельская область, Россия)
komogen2013@yandex.ru

Сапелько Татьяна Валентиновна

кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории географии и природопользования, руководитель группы палеолимнологии Института озероведения РАН (Санкт-Петербург, Россия)
tsapelko@mail.ru

Сидорова Ольга Григорьевна

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия)
ogs531@mail.ru

Синицын Антон Александрович

кандидат технических наук, доцент, проректор по научной работе и инновационному развитию Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
patinfo@mail.ru

Тисов Владислав Владимирович

аспирант кафедры прикладной математики факультета прикладной математики, информатики и физики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
RainheartLang@gmail.com

Чернозёмова Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)
chernozem888@yandex.ru

Черняев Анатолий Владимирович

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора истории русской философии, зам. директора по научной работе Института философии РАН (Москва, Россия)
chernyaev@iph.ras.ru

Ястреб Наталья Андреевна

кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
nayastreb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdullaev Evgenii Viktorovich

Candidate of Philosophy, Teacher of the Tashkent Theological Seminary (Tashkent, Uzbekistan)
evg_abd@hotmail.com

Alekseeva Nadezhda Viktorovna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
alekseevanv35@mail.ru

Amusin Mark Fomich

Doctor of Philology (Jerusalem, Israel)
m_amusin@yahoo.com

Andreeva Elena Pavlovna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
ep-andreeva@bk.ru

Ariskina Yuliya Ehduardovna

Candidate of History, Lecturer of the Department of Geopolitics at the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
ariskina_julie@mail.ru

Varnikova Evgeniya Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
e-varnikova@yandex.ru

Ganicheva Elena Mikhajlovna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Information Technologies and Methods of Teaching Informatics, Vologda State University (Vologda, Russia)
emg-ca@mail.ru

Golubev Oleg Borisovich

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Information Technologies and Methods of Teaching Informatics, Vologda State University (Vologda, Russia)
oleg_golubev@mail.ru

Gromyko Sergey Aleksandrovich

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafrus@mh.vstu.edu.ru

Dracheva Yuliya Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
yulia.dracheva@mail.ru

Yegorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Language Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Zhgilev Ivan Aleksandrovich

Post-graduate student of the Department of Russian History at the Faculty of History, Vologda State University (Vologda, Russia)
vanoff11@mail.ru

Zelezinskaya Natalya Stanislavovna

Senior Lecturer of the Department of Theory and Practice of Translation, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
zelennew@tut.by

Zimicheva Natalya Nikolaevna

Teacher of Russian language and literature at Goritsy Secondary School (the village of Goritsy, Vologda region, Russia)
zimichevann@yandex.ru

Zorina Lyudmila Yurievna

Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafrus@mh.vstu.edu.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
filfak@list.ru

Isaev Roman Olegovich

Post-graduate student of the Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Humanities of Samara National Research University (Samara, Russia)
romanceisav@gmail.com

Karpova Vasilisa Vladimirovna

Post-graduate student of the Department of Russian Language, Journalism and the Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
vasilisakarpova@gmail.com

Kevlya Faina Ilinichna

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Vologda State University (Vologda, Russia)
fkevlya@mail.ru

Kolesova Irina Evgenyevna

Candidate of Philology, Academic Secretary of the Vologda Regional Academic Library (Vologda, Russia)
mika-vologda@mail.ru

Kosorukova Natalya Valentinovna

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
natalikcher@mail.ru

Kuzminykh Aleksandr Leonidovich

Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Russia)
istorial@mail.ru

Kulkova Marianna Alekseevna

Candidate of Geology and Mineralogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Geology and Geocology, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)
kulkova@mail.ru

Makarov Vladimir Sergeevich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Philology, St. Tikhon's Orthodox University, Member of the Shakespeare Committee of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
mail@vmakarov.name

Nikitin Oleg Viktorovich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics at the Faculty of Russian Philology, Institute of History and Philology of the Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
olnikitin@yandex.ru

Prisyazhnyuk Aleksandr Yurievich

Independent researcher of local lore (the village of Bereznik, Arkhangelsk region, Russia)
komogen2013@yandex.ru

Sapelko Tatyana Valentinovna

Candidate of Geography, Senior Researcher of the Laboratory of Geography and Nature Management, Head of the Research Group of Paleolimnology, Institute of Limnology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
tsapelko@mail.ru

Sidorova Olga Grigorievna

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of German Philology, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)
ogs531@mail.ru

Sinitsyn Anton Aleksandrovich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research and Innovative Development, Vologda State University (Vologda, Russia)
patinfo@mail.ru

Tisov Vladislav Vladimirovich

Post-graduate student of the Department of Applied Mathematics of the Faculty of Applied Mathematics, Informatics and Physics, Vologda State University (Vologda, Russia)
RainheartLang@gmail.com

Chernozemova Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of World Literature, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

chernozem888@yandex.ru

Chernyaev Anatoliy Vladimirovich

Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Head of the Department of the History of Russian Philosophy, Deputy Director on scientific work, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

chernyaev@iph.ras.ru

Yastrebn Natalya Andreevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Vologda State University (Vologda, Russia)

nayastrebn@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Подписано в печать 24.04.2017. Формат 60 х 84/8.
Усл. п. л. 14,25. Тираж 1000 экз. (Первый оттиск 100 экз.) Заказ № .

160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ВоГУ.
Отпечатано: ИП Киселев А.В.
160000, г. Вологда, Пошехонское шоссе, д. 18, корпус Н.